

ВИКТОР ТОКМАКОВ

Воспоминания

про ...

Токмаков Виктор Петрович. Генеральный директор Научно-производственного объединения «Речпорт» Министерства речного флота. После окончания в 1958 году Ленинградского института инженеров водного транспорта всю жизнь прослужил на речном флоте России.

ВИКТОР ТОКМАКОВ

**Воспоминания
про ...**

**МОСКВА
ПОЛИГРАФ СЕРВИС
2015**

ЧАСТЬ I. ПРО ВЕРХНЕ-ЛАЛЬЕ

На Русском Севере в Европейской части России километрах в 80-ти с небольшим на восток от города Великий Устюг, где сейчас определена Родина деда Мороза, расположена местность, называемая Верхне-Лалье. Название этой местности говорит само за себя, Верхне-Лалье – значит верховье реки Лалы. Лала впадает в реку Лузу, Луза впадает в реку Юг, а Юг сливаясь с рекой Сухоной около города Великого Устюга образуют Малую Двину, которая вобрав в себя реку Вычегду у города Котласа уже виде Северной Двины течёт прямо на Север к Архангельску. В этих местах никогда не было никаких завоевателей, ни татар с монголами, ни поляков, ни шведов, ни французов, ни немцев. Здесь никогда не было крепостного права, значит не было дворян-помещиков. Испокон веков жил свободный русский народ, по всей видимости, потомки новгородских ушкуйников, народа, как известно, свободолюбивого, инициативного до авантюризма и где-то своенравного.

Несмотря на суровый климат, народ разводил скотину, занимался земледелием, лесными промыслами и в какой-то степени торговлей. Основным местным товаром был знаменитый северный русский лён. Лён выращивали в основном на кулигах. Кулига – это выжженная в лесу вместе со сваленными деревьями поляна, на которой без какой-либо обработки и удобрений сеялся лён и вырастал длиной в человеческий рост. Через два-три года лён на кулиге переставал расти, видимо почва теряла плодородие и кулига забрасывалась. На ней начинало буйно расти лиственное разнолесье, а для льна выжигалась новая часть леса. На торговле льном местные купцы – льноторговцы имели

неплохие барыши, если судить по сооруженным ими постройкам, которые сохранились по сию пору. Народ в абсолютном своем большинстве жил очень зажиточно, но и работали люди не жалея сил, от зари до зари всей семьей. А семьи тогда были, как правило, многолюдные – по десять и более человек.

До революции Верхне-Лалье административно входило в Сольвычегодский уезд Архангельской губернии, затем в Велико-Устюгский уезд Вологодской губернии, затем уже при Советской власти в Лальский район Северного края, а в конце тридцатых годов XX века Верхне-Лалье было передано в составе Лальского района в Кировскую область. Вот и получается, что мой дед Мефодий Галактионович родился в Архангельской губернии, Сольвычегодском уезде, деревне Сирино, мой отец Петр Мефодьевич родился в Вологодской губернии, Велико-Устюгском уезде, деревне Сирино, я родился в Северном краю, Лальском районе, деревне Сирино. А теперь адрес этой местности – Кировская область, Лузский район, деревня Сирино.

При Советской власти в начале 30-тых годов все деревни Верхне-Лалья были административно объединены в Верхне-Лальский сельсовет с центром в селе Погост, это поселение прозывалось селом, потому что в нём находилась церковь Михаила Архангела, которая до тридцатых годов XX века была действующей, потом благополучно прикрыта и благополучно преобразована сначала в склад, а затем в ремонтную мастерскую колхозных тракторов. Верхне-Лальский сельсовет входил в Лальский район с центром в городе Лальск, это старинный купеческий город, стоявший в свое время на пути из Великого Устюга в Сибирь. Железная дорога от города Вятка до города Котласа, построенная в самом конце XIX – начале XX века, обошла Лальск стороной и город перестал развиваться и расти, и сказать прямо, начал хиреть. Но тем не менее был утвержден райцентром Лальского района и пребывал в этом статусе до шестидесятых годов XX века. Расстояние от Верхне-Лалья до райцентра составляло около 40 километров, а до ближайшей железнодорожной станции, до Лузы и вовсе 70 км. Дорога от

Лузы до Лальска была приемлемой, с щебёночным покрытием, так что без затруднений ходили автомашины. А путь от Лальска до Верхне-Лалья представлял из себя лесную, грунтовую дорогу, доступную только гужевому транспорту. Электричества и радио в этих местах не было до конца шестидесятых годов прошлого века и единственной ниточкой связывающей народ с цивилизованным миром был телефон, висевший на стене в сельсовете, да почта раз в неделю, доставлявшая редкие письма и газеты, основной из которых была районная многотиражка «Лальский ударник». Так что население Верхне-Лалья жило само по себе, варилось что называется в собственном котле. Даже о нападении Гитлера на Советский Союз и начале Великой Отечественной войны верхнелальцы узнали лишь через несколько дней, когда представители Лальского райвоенкомата, нагрянули в Верхне-Лалье на нескольких грузовых автомашинах, сумев пробиться по бездорожью, для срочной мобилизации мужчин в Красную Армию.

Вот эта изолированность, обособленность жизни и позволила сохранить, а может быть и создать очень своеобразный местный диалект.

В говоре Верхне-Лальских жителей присутствовало великое множество слов и выражений не существующих и не употребляемых в обычном русском языке. Вот несколько примеров из множества подобных слов:

«Вызáболь» – всерьёз, по настоящему.

«Лонись» – прошлый год.

«Баять» – говорить, «Бают» – говорят.

«Утресь» – прошлым утром.

«Утре» – на будущее утро.

Например: «Утресь за ягодыма ходила, утре сызнава пойду».

Аналогично «вечерясь» – прошлым вечером, «вечере» – на будущий вечер.

«Уповод» – некий промежуток времени.

«Овыдень» – в течение дня.

Например: «Вчера в Лальск съездил, овидень обернулся»

«Беспутый» – глупый.

«Беспутик» – глупец, дурак.

«Сбаракал» – сгреб что-нибудь в кучу.

«Пучина» – большой живот (пузо), в деревне Сирино был даже род по прозвищу Пучиничи, так их звали за то, что у низкорослых мужчин этого рода почему-то были большие животы.

«Штюв́ать» – ограничивать, удерживать словами.

«Сыспотиха» – постепенно, медленно.

«Вэньгать» – говорить бестолково об одном и том же.

«Салама́т» – каша из ржаной муки.

Подобные примеры можно повторять до бесконечности. А некоторые общеупотребительные в русском языке слова и выражения имеют совсем другой отличный от общеупотребительного смысл.

«Дунуть» – ударить

«Надул» – поколотил, побил кого-нибудь.

«Пойми меня» – возьми меня с собой.

Например: «Утре пойми меня за ягодыма» – это значит: «Завтра утром пойдешь за ягодами, возьми меня с собой».

«Сдулся» – исчез, сбежал.

«Покинь» – положи.

Например: «В саламат масла поболе покинь».

В местной речи имеются слова вообще не переводимые на русский язык, то есть не имеющие в современном русском языке аналогов, а выражающих просто чувство, состояние. Например слово «дивья». Оно выражает добродушное одобрение, некоторую дружескую зависть. Что интересно даже имеются местные ругательства. Например слово – «шкаредь» выражает крайнюю степень возмущения или даже презрения в отношении живого существа, как человека, так и скотины, правда, кроме лошади. Кони в деревне – дело святое обругиванию не подлежат. Есть чисто женское ругательство, которое никогда не

употребляется мужчинами и выражает недовольство теми или иными обстоятельствами. Это слово – «волосси». Оно имеет ещё и окраску. «Волосси» синие, зеленые, самое крепкое выражение – это «волосси красные».

У некоторых слов сменяется окончание – вместо слов – за ягодами, за обабками, произносится «за ягодыма, за обабкима». Некоторые слова сохраняют смысл, но произносятся несколько по другому. Например не «лежали, бежали», а «лѣжели. бѣжели». Кое-где буква «ц» меняется на «ч», например: отец произносится «отеч», конец – «конеч», а в других случаях наоборот буква «ч» заменяется на «ц» – овчина произносится как «овцына». Во многих словах гласные буквы «е» и «а» заменяются на «о»: ребёнок – «робенок», ребята – «робята», рассада – «россада», развод – «розвод» и так далее. Ко всем без исключения женским именам прибавляется окончание «ха» и получается: Анна – «Анюха», Катерина – «Катюха», Александра – «Олексаха», Ульяна – «Уляха». Замужних женщин зовут с добавлением имени мужа: и тоже с прибавлением окончания «ха». Например: «Олексаха Олѣшиха» – Александра жена Алѣши (Алексея), «Анюха Федосиха» – Анна жена Федоса, «Катюха Степиха» – Катерина жена Стѣпы (Степана). В разговоре постоянно присутствует глубокое «оканье». Слова при разговоре растягиваются, произносятся медленно, нараспев и всё это вместе взятое приводило к тому, что приезжие, чужие люди зачастую вообще не понимали речь местных жителей. Через десятки лет, я, тогда уже взрослый человек, изредка приезжая на несколько дней на малую родину проведать престарелых родителей, автоматически, совершенно не осознанно переключался при разговорах на местный говор, чем вызывал у стариков знавших меня с детства одобрителное удивление: «Петрович, ты с малолетства здесь не живѣшь. Робенком укатил из деревни, где поди и не бывал, а говоря у тебя во сю пору здешна осталась!»

Любопытную историю, связанную с местными говорами, мне рассказал как-то директор Верхне-Лальской неполной

средней школы Лазарев Иннокентий Александрович, который, кстати, был моим учителем географии в школьные годы. Пожалуй рассказ этот следует воспроизвести. Вот как он звучал у Иннокентия Александровича.

«Я только что пришёл из лесу, ходил за грибами и очень удачно – целую корзину принёс. А дома меня уже ждёт посыльная из сельсовета: «Иннокентий Александрович! Побежали скорее в сельсовет! Председатель зовёт!»

«Подожди, Маня! Я только что из лесу, дай умыться, переодеться, а потом и пойдём»,

«Я вас уже целый уповод жду. Давайте, только побыстрее!»

Пришли в сельсовет. В кабинете у Алёши-председателя сидят две незнакомые женщины, по обличью и одежде – городские, приезжие. Алексей Иванович обрадовался: «Иннокентий Александрович! Давно вас жду! Ладно не оправдывайтесь, знаю, что дома вас не было. Дак, Иннокентий Александрович, нам оказана небывалая честь. В нашу глухомань из самого Ленинграда гости приехали. Вот знакомьтесь, это доктор филологических наук, профессор Ленинградского университета!» Показывает на пожилую женщину в очках. «А это доцент того же университета. Приехали посмотреть на здешнюю жизнь, записать рассказы, бывальщины, сказки, присказули. Послушать наш говор, поговоря с народом. Магнитофон с собой взяли чтобы записать на магнитную ленту, что понравится из разговоров. Кстати, для работы магнитофона электричество нужно, а у нас во всем сельсовете только в школе электроэнергия есть от местного движка. Так что, Иннокентий Александрович, гостей забирайте и ведите их к себе в школу, а это у нас в Верхне-Лалье основной очаг культуры. Сведите с народом, помогите чем надо, гости скажут, чем им помочь. Так что действуйте, познакомьте приезжих с нашим великолепным Верхне-Лальем и с нашей жизнью. Как говорится с богом!»

«Что ж, раз надо, значит надо. Я представился, пригласил

пойти в школу, милости просим, гостям всегда рады! Взял из ихних вещей что потяжелее и пошагали мы не торопясь по деревенской улице в «основной очаг культуры» как выразился Алёша-председатель.

В школе ребята-старшеклассники завели движок и дали электричество. Техничка Аграфена Николаевна наставила ведёрный самовар, притащила его в учительскую и заварила чай. Из школьного буфета принесла чашек-блюдцев для будущего чаепития. На дворе был белый день, поэтому основной народ находился на работе, но всё-таки удалось собрать пожилых женщин и старушек, Анюху Федосиху, Молоду Петрушиху, Питерянку, Максимовну и других, кто дома был, всего человек с десяток. Из мужчин дома оказалось всего двое стариков Фёдор Дмитриевич да Иван Семёнович. Первый пришёл в школу сразу же как пригласили его мои посыльные, а Иван Семёнович отказался: «Не могу. У меня дежурство. Я на посту!»

Здесь я должен прервать рассказ Лазарева И. А. и сообщить, что Фёдор Дмитриевич и Иван Семёнович были в деревне известны, как своеобразные и колоритные старики, по своему укладу жизни, поведению и взглядам и о них следует рассказать поподробнее, что я и сделаю несколько позже.

«Так вот, наши бабушки-старушки давно не собирались вместе такой большой компанией и чрезвычайно обрадовались возможности поговорить, пообщаться и вместе почаёвничать. Разговоры сразу же стали очень оживлённые обо всём, что волновало присутствующих и в теперешнее время и прежде. Вспоминали молодость, обсуждали родню, критиковали жизнь и правительство, хвалили председателя колхоза и так далее. Надо сказать, что гости наши филологини как-то очень естественно вступили в разговоры, вместе со всеми с блюдцев прихлёбывали чай и не казались чужими. В общем, беседа шла очень активно. Я уже подумывал, не придётся ли самовар вторично кипятить. А Фёдор Дмитриевич, сидел как-то отстранившись и в разговорах участия не принимал. Я начал его втягивать в беседу: «Фёдор Дмитриевич, а ты чего молчишь как не родной, почему не

скажешь ничего?» «Дак, Иннокентий Александрович, у баб свои разговоры, у мужиков – свои, а с кем мне тут говорить? Я тут один из мужиков».

«Фёдор Дмитриевич, – начал я подлизываться – ты у нас человек известный, бывалый, много пожил, много видел, в японской войне участвовал. Рассказал бы чего-нибудь про эту давнишнюю войну, нашим гостям интересно будет. Они про ту войну только из книжек знают, а ты живой участник.»

«Дак, Иннокентий Александрович, кака эта война, горе и смех, а не война. Мы с генералом Куропаткиным воюем, а офицеры в фанзах китаек шпокают, вот и наподавали нам японцы». И разошёлся Фёдор рассказывать на полную катушку. Используя все нюансы и возможности великого и могучего русского языка:

«Мы в Манжурии (Маньчжурии) были, там народ пустяковый – ходи, голь и беднота. Главно дело – глаза узки и не понятно, на тебя ходя смотрит или в сторону. Один посмотрел на меня косо, я его хватъ за косу, на руку намотал и поволок в реку топить. Он верещит: «Рус-шанго, хóдя – плохоза!» Хорошо его фельдфебель спас, рявкнул на меня: «Отпусти человека!» А какой хóдя человек? Хóдя он и есть хóдя. Если бы не фельдфебель я бы обязательно его в реке утопил!» Вся речь Фёдора естественно сдабривалась крепкими непарламентскими выражениями. С китайцами, кстати говоря, у нас тогда была дружба неразлей-вода. Даже песня была: «Русский с китайцем братья навек». Чувствую надо прервать недипломатичный Фёдоров рассказ, начал его про другое расспрашивать:

«Ладно. Фёдор Дмитриевич, бог с ними, со старыми временами. Расскажи лучше как сейчас-то поживаешь?»

«Дак кака это жизнь, Иннокентий Александрович, не жизнь, а маета одна. Старуха моя Лисуха, старая горбунья (так Фёдор звал свою жену Лизавету, за небольшую сутулость), хворать удумала. В больницу улеглась! Ей там дивья! Напоят, накормят, спи на чистой кровати, робить не надо, не жисть, а

рай. А я уже какую неделю всухомятку ем. На картошке живу, наварю картошки – вот и вся еда. А с картошки какая сытость? Никакой сытости – один пердёж! На сапогах в избу с улицы грязи натаскал – срам смотреть. Стал пол мыть, а спина не гнётся, вот и приходится всё на жопе да на жопе. Не зря пословица говорит: Лучше баня бы сгорела, чем старуха заболела». Само собой в его рассказе наличествует множество непарламентских выражений. Хорошо бабушки-старушки выручили. Вдруг все разом вскочили. Как будто кто-то их шилом одновременно кольнул в сидячее место и заголосили: «Ой, засиделись! Ой, спасибо за чай-сахар! Ой, сейчас скотину из покотины пригонят! Ой, управляться пора!» И убежали, исчезли, как будто их тут и не бывало. За ними уплёлся и Федор Дмитриевич. Я тут же начал извиняться перед приезжими дамами:

«Вы уж извините, пожалуйста, нашего Фёдора Дмитриевича за его выражения. Он человек простой, не очень образован, у него чего в голове, то и на языке».

А старшая: «Да вы что, Иннокентий Александрович! Какие могут быть извинения! Я никогда и нигде не слыхала такой образной и выразительной речи, как у Фёдора Дмитриевича. У нас на магнитофон всё записано, вот вернёмся в университет и будем на кафедре изучать все эти записи, это же бесценный вклад в работу нашей кафедры!» Вот тебе и на! Мы всё время слушаем Фёдорову речь, не придавая никакого значения, а они изучать будут!

А старшая продолжает: «Большое спасибо вам, что организовали эту встречу, очень было интересно поговорить с вашими односельчанами. Но мы бы хотели побыть у вас ещё несколько дней. Более подробно посмотреть, как живут люди, как они работают. Хотелось бы побывать в их домах, посмотреть на внутренний уклад жизни, взаимоотношения в семье, на воспитание детей и на отношение к старикам. В общем, вникнуть во все аспекты. Помогите, Иннокентий Александрович!»

Вот тебе и на! Я-то наивно думал, что организовал гостям беседу с бабушками-старушками и на этом всё закончится. А

оказывается это только самое начало, но делать нечего пришлось держать марку:

«Да ради бога, милости просим, живите хоть всё лето! Знакомьтесь с народом, изучайте чего надо. Только у нас в селе нет дома для приезжих, поэтому приглашаю пожить в моём доме, комната вам на двоих найдётся, кровати с постельным бельём тоже. Только уж не обессудьте, водопровода в доме нет, умываться придется в сенях из раковины, а прочие удобства в конце сеней, почти на улице». Гости выразили большую радость, и мы пошли ко мне домой. А день этот, надо заметить, был субботний и хозяйка моя Ольга Васильевна, тоже учительница, не предвидя никаких событий, как всегда изладила баню. Когда приезжие устроились в отведённой им комнате и вышли довольные и со словами благодарности, я как радушный хозяин их обрадовал: «Ну, вот и прекрасно, что вас жильё устраивает, а сейчас, поскольку сегодня суббота, собирайтесь в русскую баню. Всё готово, бельё, полотенца, веники, жбан с квасом. Ольга Васильевна со своей подругой вас проводят, расскажут и покажут чего и как и вместе с вами попарятся».

Те испугались: «Какая баня? Мы в баню не ходим. В ванной моемся. Перед самым отъездом мылись. Так что спасибо за предложение, ничего не надо!»

Во народ! Полжизни прожили и в бане не бывали! Я уже почти смирился с их отказом, но восстала Ольга Васильевна. Как это так! Отказаться от бани? Невозможно! Недопустимо! Что убедительно и разъяснила приезжим. Если живете в деревне, хотя бы и несколько дней, то обязаны соблюдать местные обычаи и порядки – раз! Отказ от специально протопленной для них бани – смертельная обида для хозяев – два! Русская баня испокон веков является самым действенным санитарно-гигиеническим процессом – три! Есть ещё четыре, пять и так далее. Короче, в баню женщины ушли целой компанией. А я опять побежал в сельсовет к Алёше-председателю: «Так и так, Алексей Иванович, задание твоё выполнено. Приезжим дамам

оказано всяческое содействие, они очень довольны, но дело в том что собираются они прожить в деревне ещё несколько дней. Значит, надо каждый день быть с ними, уделять внимание, а у меня своих дел полно».

«Ничего, товарищ директор школы, отложи свои дела, потом переделаешь, если возможность будет. А пока плотно занимайся с гостями, не часто к нам из Ленинградского университета люди приезжают, первый раз угораздило. Так что дела твои побоку. Все внимание – науке».

«Что и делаю, Алёша. Поселил у себя, пусть гостят. Сейчас вот в баню ушли, а сам знаешь, какой существует закон: «Год не пей, два не пей, а после бани выпей». Так что Алёша, давай денег на вино, раскошеливайся!»

«Да ты что, Иннокентий Александрович, подвести меня хочешь. Нет у меня в расходах такой статьи! Да и денег в кассе наверное нет, да и вообще у меня рабочий день кончился».

«Ну, смотри Алёша! Ты мой ученик, а учителя своего уважать не хочешь. Ведь не для себя прошу, а для авторитета Верхне-Лалья, где ты председателем. Чтобы нашего гостеприимство всему Ленинграду известно стало. Сам говоришь, не часто к нам оттуда приезжают».

«Разоришь ты меня, Иннокентий Александрович! Ладно, хрен с тобой. Маша! (секретарше) Выдай, Лазареву денег сколько попросит. А ты директор потом принеси мне какую-нибудь бумагу для отчёта, что истратил деньги на школьные нужды».

Так что к приходу женщин из бани на столе пыхтел горячий самовар, чай был заварен, сахар – горой в сахарнице. Стол завален всяким печивом: шаньги, колобушки, сочни и так далее, ну и конечно, стоят бутылки с водочкой и портвейным вином. Наши гости совершенно не ожидали такого роскошества и гостеприимства и были совершенно растроганы. Видимо в городах так было не принято. Так что после баньки с веничками, да с квасом, в благодушном настроении началось почти праздничное застолье. Наши-то бабенки налегали на водочку, к

чему привыкли, а гости пили помаленьку только портвейное вино.

Прожили они у нас в деревне неделю. Знакомились с народом, чего-то записывали, фотографировали, захаживали в дома, даже с женщинами на сенокос ходили, сено сгребать. Нашим деревенским очень понравились своей вежливостью, добротой, внимательностью, так что встречали гостей и беседовали местные с ними очень охотно. А Питерянка (пожилая женщина имела такое прозвище, потому что когда-то давно, еще в юности какое-то время жила в Питере) признав в гостях своих землячек, даже пыталась научить их доить корову. Ничего из этой затеи, конечно, не получилось, не способными оказались ученицы. Городские жительницы, что с них взять. Так что когда собрались уезжать и Алёша-председатель самолично приехал на сельсоветском тарантасе, чтобы отвезти гостей в район, провожать их пришло полдеревни. Нанесли гостинцев в дорогу немерено и шаньги, и капустники, и колобы, и кадыши, и банки с мёдом, и яйца вареные, целый бидон квасу, вдруг дорогой пить захочется. Провожали так тепло, что дело дошло до поцелуев, а уж предложениям и просьбам: приезжайте ещё! – вообще конца не было.

Я вздохнул, признаюсь, с облегчением и наконец-то занялся своими текущими школьными делами. Через какое-то время в адрес нашей Верхне-Лальской школы из Ленинграда пришла увесистая бандероль. Когда я её вскрыл, внутри оказалась большущая пачка фотографий наших деревенских жителей в разных видах: и дома, и в поле, и у колодца и в лесу и много ещё где. И было ещё благодарственное письмо Ленинградского университета нашей школе за большую помощь в организации работы этнографической (во как!) экспедиции. Выражались надежды на дальнейшие связи и сотрудничество. Фотографии я роздал отображенным на них людям к великой их радости. Фотографированием в нашем селе никто не занимался, даже ради простенького снимка на какой-нибудь документ приходилось ездить в райцентр. А тут привалила масса фотографий в разных

видах и в разных местах очень многих наших людей. А затем, прихватив с собой благодарственное письмо, направился в сельсовет к председателю.

«Так и так, Алексей Иванович, вот получили письмо из Ленинграда, из второй нашей, так сказать, столицы, из города – колыбели революции. В письме нас очень благодарят за помощь научным работникам университета, что у нас больше недели жили. Сулятся ещё приехать. Нако вот, почитай».

«Интересно, интересно, Иннокентий Александрович! Что значит образованные люди, не забывают хорошего. А тебе ещё раз большое спасибо, за всё чем учёным людям помог».

«Дак, Алексей Иванович, спасибо, конечно, хорошо, но его на стенку не повесишь и в карман не положишь. Полагаю, что надо бы людей поощрить, премию, какую-никакую, выдать, может и Почётной грамотой наградить».

«Да ты чего, Иннокентий Александрович, разорить сельсовет хочешь? (Алёша был крепко скуповат в трате казённых денег) Я же тебе выделял некую сумму!»

«Выделял, согласен. Но те деньги ушли на общее дело. А я говорю о поощрении конкретных людей. Вон Аграфена Николаевна, техничка, сколько своего чаю да сахару на гостей потратила. Ты лучше, Алёша, позвони-ка в Райком, доложи о письме, пусть знают».

Ушлый Алёша тут же смекнул, что на этом действительно можно заработать дивиденды и тут же по телефону вызвал Райком партии, доложил о случившемся и, видимо, по просьбе человека на другом конце провода, начал зачитывать благодарственное письмо университета. Правда, зачитывал он это письмо несколько своеобразно. Читал он правильно, только слово «школа», везде заменял на слово «сельсовет». В конце телефонного разговора, видимо его крепко поблагодарили, потому что он вдруг очень подобрел:

«Ладно, директор, давай список людей, кого хочешь поощрить, чего-нибудь придумаю».

Я тут же ему бумагу – шлёп на стол, благо список у меня

был заготовлен заранее. Надо отдать ему должное, уже через два дня сам пришёл в школу, поручил собрать людей, и лично вручил Почётные грамоты и денежные премии некоторым работникам школы и колхозникам, чем, конечно, вызвал ещё большее уважение к своей руководящей персоне. Письмо университета я вставил в рамку и повесил на стену в учительской, оно и сейчас там висит, если хочешь, пойдём, покажу. Больше, правда, к нам никто не приезжал, наверное до сих пор Фёдоровы разговоры изучают».

Вот такую забавную и интересную историю рассказал мне Лазарев И. А.

А теперь я расскажу, как обещал, о двух Верхне-Лальских стариках!

Фёдор Дмитриевич Кислицын, о котором подробно упоминал директор школы, имел деревенское прозвище «Карявый» и в деревне все от мала до велика звали его «Федюня Карявый», а не по имени отчеству, несмотря на его солидный возраст. Было у него и ещё одно прозвище, но его употребляли только мужчины и только в отсутствии женщин. И тут имеется своя история. Дело в том, что Федюня Карявый происходил из рода Пучиничей, а мужчины этого рода кроме маленького роста, кривых ног и большого живота ещё все как один имели врождённую паховую грыжу, по-деревенски – килу. Кила эта никому не мешала жить и работать, а Фёдору не мешала даже служить в царской армии до определенного момента. Но когда ихний полк повезли в Маньчжурию на войну с Японией, Фёдор стухнул. Война – дело серьёзное, там и застрелить могут. И Федюня Карявый, обладающий деревенской сноровкой сумел-таки найти выход. Пошёл к ротному командиру:

- Господин ротный, ваше благородие! Так и так у меня в паху родовая кила. Какой из меня вояка? Болит, не то, что воевать, а просто служить мешает. Списать меня надо и отослать домой в деревню, как к службе негодного.

Ротный командир доложил ситуацию полковому командиру, тот вызвал полкового врача:

- Разберись!

Полковой фельдшер вызвал солдата Кислицина в санитарную палатку:

- Ну чего у тебя там? Спускай штаны! Кажи!

Затем потыкал карандашом в пах и мудро рассудил:

- Если из-за каждого чирья солдата убирать со службы, то кто японцев бить будет?

А затем будучи человеком решительным, как все уважающие крепкие напитки люди, скомандовал санитарам, рывкнув:

- На стол его! Сейчас мы это дело поправим!

Так что Фёдору в полевых условиях была произведена хирургическая операция по удалению килы. Операция прошла очень удачно, очевидно полковой лекарь обладал высокой квалификацией хирурга и через неделю солдат Кислицин был уже в строю. Однако то ли из-за спешки, а может быть из-за похмелья, в процессе операции вместе с килей видимо было отрезано что-то лишнее, так что при общем прекрасном состоянии здоровья Федюня Карявый после операции не мог иметь детей. Русско-японская война 1904–1905 годов вскорости закончилась, и наш герой вернулся домой, в родную деревню, правда без крестов и медалей, видимо храбёр был только с мирными китайцами.

Какими-то неведомыми путями слух об операции и её результатах достиг деревни, а это значит, что новость узнали все, в деревне секретов не бывает. И ввиду этих обстоятельств и появилось второе не совсем печатное Федюнино прозвище, автором которого были, конечно же мужики. Женщины деревни естественно тоже знали это второе прозвище Федюни Карявого, но произносили его только вполголоса, и только в разговорах между собою весело и озорно хохоча при этом.

В деревне одному мужику ни при каких обстоятельствах жить неположено, поэтому Федюня женился, взяв в жены девицу-перестарка Лизавету из деревни Мишутино. Так и жили они с Лизаветой вдвоём до самой старости в неказистой маленькой

избушке среди окружающих просторных пятистенных высоких домов (некоторые даже с мезонином) северной русской постройки. Но не смотря ни на что Федюня считал себя очень зажиточным хозяином, так как в отличие от деревенских соседей имел патефон с полдесятком пластинок и гипсовый бюст Маршала товарища Ворошилова, чем и хвастался при первой возможности.

До конца сороковых годов прошлого века колхозы в Верхне-Лалье были маленькие, что ни деревня, то и колхоз. Наша деревня Сирино называлась с претензией: Колхоз «Сознание». Во как! Контора располагалась в обыкновенной избе, а администрации было всего два человека – председатель колхоза да счетовод, которые летом в конторе не сидели, а вместе со всеми колхозниками работали в полях, на сенокосе, на фермах, да мало ли в деревне работы? Еле справлялись с делами, вкалывая с рассвета до темноты. (Это сейчас слышишь: колхоз-совхоз развалился и теперь в селе нет работы. Подобные заявления у меня всегда вызывают приступ смеха. Как это так в селе и нет работы, это так же противоестественно как радуга зимой. Вон поля - паши, сей, собирай урожай, рядом луга – разводи скотину, коров, телят, овец. Разводи свиней, торгуй свининой. Рядом лес – заготавливай черенки для лопат, кувалд и молотков. На худой конец заготавливай березовые веники для бани, да отправляя их в город на продажу. Как это так, в селе работы нет?) Зимой было поспокойнее, и в колхозной конторе иногда можно было застать живого человека, а иногда и целую компанию – мужики в свободное время заходили туда покурить. Зимой даже бывали общие колхозные собрания с обсуждением текущего момента, ну там итоги года или задачи на посевную. Собрания посещались активно, люди всегда рады были возможности собраться и пообщаться. Так что народу в конторе набивалось втугую, причём каждый приходил со своим стулом или лавкой. Впереди сидели солидные мужчины со своими женами и беспрерывно курили махорочные самокрутки, а сзади в полутьме обреталась молодежь со своими повизгиваниями. Собрания проходили,

как правило, вечером, когда все домашние дела уже справлены и у народа появилось свободное время. Освещалось собрание единственной керосиновой лампой на столе у председателя. Фёдор Дмитриевич на собрание приходил без табуретки, так как у него было своё персональное место. Он забирался на русскую печь, ложился на самом краю, свешивал голову и сверху обозревал всё происходящее. То ли от тепла хорошо протопленной печки, то ли по другим причинам, но в объемном животе Фёдора на собраниях всегда накапливалось большое количество газов, которые он и извергал с оглушительным треском, чем вызывал справедливое возмущение председателя: «Федюня! И так дышать нечем, вон что мужики накурили, да ты ещё воздух портишь! Прекрати сейчас же или выметайся на улицу!» На что виновник возмущенно огрызнулся: «Ты чего, Микола, ко мне привязался? Что я плохого сделал? Ведь пёрнул – не украл!» заявлял он под дружный хохот присутствующих.

Я узнал Фёдора Дмитриевича по приезду на жительство в деревню, когда тому было уже за шестьдесят. Числился он в то время конюхом у единственного коня – колхозного племенного жеребца по кличке «Вихорь». Жеребец этот был крупным конём вороной масти и вызывал своим видом у деревенской ребятни неподдельный восторг, когда Фёдор выпускал его из стойла на проминку на огороженный участок около конюшни. Но уход за Вихорем, по моему, не был главным делом Фёдора. Свою главную задачу он видел в том, чтобы постоянно бдить за всем и вся, критиковать непорядки, указывать всем и вся как надо жить. Считал необходимым выступать, где надо и где не надо. Одной из основных задач, которую он на себя добровольно возложил, была охрана от деревенской ребятни колхозных гороховых полей. Конфет, пряников и других лакомств ребятишки не знали (война!) и главным их лакомством был зеленый горох в обилии посеянный на колхозных полях, на которые ребятня периодически совершала коллективные набеги, которые Федюня Карявый старался беспощадно пресекать с помощью длинного берёзового прута. Однако, учитывая что мы были бойчее и на

ноги легче в силу своего возраста, отведать этого прута по спине или пониже удавалось кому-нибудь очень редко, только если кто-из ребят проявлял уж очень большую неосторожность. Однако, ввиду того, что нас было много, а также была организована разведка и как бы сейчас сказали – служба охраны – борьба между ребятами и Фёдором шла с переменным успехом. Мы, конечно, вредили ему где только могли. Вытряхивали рыбу из его ловушек в реке, ночью забравшись на крышу его избёнки ложили на печную трубу обрезки досок для того, чтобы не было тяги при топке печи и чтобы утром при растопке печи дым шел в избу, опять же ночью втаскивали на крыльцо телегу и так далее. В общем, пакостили как могли. В ответ Фёдор усиливал свои репрессивные действия. Дело дошло до того, что председатель колхоза, начал ругать его и защищать деревенских ребят:

«Федюня! Ты чего творишь? Ты чего ребятню из гороховища постоянно гоняешь? Пусть ходят и лакомятся горохом, не велик ущерб».

«Дак, Микола, за колхозное добро радею!»

«Ты совсем умом тронулся. Старый пень! Чего выдумываешь, какое её колхозное добро? Это горох-то добро? Ты же знаешь, что мы горох на корм скоту сеем! Значит скотине можно, а детишкам нельзя! На себя посмотри, радетель хренов! Кто о прошлом годе Вихоревы корма сгноил? Крыша у него видите ли протекла! А лишнюю доску приколотить не мог? Вот высчитаю у тебя из трудодней за загубленные корма, будешь знать. В общем, не гонять мне больше ребят из гороховища! Узнаю – доберусь до тебя!»

После этого с горохом стало поспокойнее, но, конечно, нашлись другие причины и борьба между Федюней и деревенскими ребятами не прекращалась. Почему-то больше всех он преследовал нас, меня и моего братана, Иннокентия.

Здесь придётся сделать небольшое отступление. Федюня Карявый имел выдающийся талант в деле придумывания прозвищ людям. И прозвища, им даваемые, были настолько подходящими, что прилипали к людям на всю оставшуюся жизнь.

Причём все его прозвища состояли из двух слов. Например, любившего выпить Николая Чухломина он назвал Сухое Горло и всё село стало звать его Микола – Сухое Горло, продавщицу сельмага Марию, стройную, длинноногую красивую женщину, любившую носить городские короткие юбки прозвал Куликовы Ножки и все её стали звать Манька – Куликовы Ножки. Моего брата Шуру за длинный рост и тощий вид прозвал Долгая Лямка. В школу на работу по распределению приехала молодая учительница после окончания Педагогического института. Девушка очень миловидная, несколько полненькая с выдающимися формами. Федюня тут же прозвал её Надувная Жопка. В селе существовал непреложный закон – все от мала до велика должны называть учителей только по имени-отчеству и только на «вы». А тут случилась, благодаря Федюне, такая ситуация, что данное им учительнице прозвище прижилось, и хотя в глаза ей никто ничего не говорил, но слух до неё дошёл, и она в обиде уволилась из школы и уехала из села. Брата моего Иннокентия он прозвал Костин Нос, истоки этого прозвища так нам и остались непонятными. Прадеда Иннокентия, отца бабушки Аграфены Константиновны звали действительно Константин, а уж что у него был за особенный нос, разобраться не представлялось возможным. Мне Федюня не смог подобрать прозвище и звал меня Петин Парень. А я и не возражал и не обижался, так как это так и есть на самом деле, раз отца моего звали Петр. Нас с братаном Федюня Карявый, как уже отмечалось выше, считал самыми главными своими противниками, с чем мы были категорически не согласны, так как считали, что ничем не отличаемся от остальных ребят и утверждения Карявого безосновательны. Тем не менее он везде утверждал:

- Костин Нос да Петин Парень самые главные озорники и фулиганы в деревне! Нет их хуже! Во всём Верхне-Лалье нет их хуже! Не вырастет из них хороших стариков, шибко совкие, суются куда надо и не надо, когда-нибудь свернут они себе шею!

А годы между тем шли, мы росли, и похоже, что даже умнели. А наш всегдашний противник Федюня старел и начал

сдавать. В деревне подрастала новая массовая поросль сельской пацанвы послевоенных лет выпуска, народ шустрый, горластый и похоже более развитый. Жизнь после войны начала постепенно налаживаться и значительно улучшилась, люди жить стали сытнее и интереснее. Однако, противостояние между Карявым и ребяташками нашей деревни почему-то сохранилось, хотя видимых причин вроде не было видно! Видимо такова была традиция, а учитывая возраст Федюни, и инициативность очередной сельской пацанвы борьба эта всё чаще склонялась не в пользу старика. Иногда робятня обижала его, на наш взгляд, и не совсем заслуженно. В этих случаях, руководствуясь принципом необходимой справедливости, мы с Иннокентием нередко становились на сторону Фёдора и защищали его от ребячьих вольностей очень действенными педагогическими методами: подзатыльниками и дранием ушей. И мнение его кардинально изменилось:

«Вот какие Костин Нос да Петин Парень хорошие робята выросли, ишь каки молодцы выладились, нет их лучше. Во всём Верхне-Лалье нет робят их лучше! Ужо каки хороши старики из них выладутся.» Время течёт – всё изменяется. Пришло время, мы с братаном закончили Верхне-Лальскую семилетнюю школу и навсегда уехали из родной деревни искать свои судьбы. И Фёдора Дмитриевича Кислицына более никогда не видели. Пришло время, и он спокойно ушёл в мир иной. А в нашей памяти остался как неперенный соучастник нашего деревенского детства.

А теперь про другого человека, который тоже был своеобразной личностью.

Иван Семёнович, старик, не пришедший по приглашению директора школы Лазарева на встречу с Ленинградскими приезжими учёными для беседы с ними в силу своей чрезвычайной занятости, так как по его словам «находился на посту», тоже был колоритным человеком, известным по всему Верхне-Лалью. У него тоже, как у Фёдора Дмитриевича, было два прозвища, правда, оба цензурные и удобопроизносимые.

Первое прозвище – «Ваня Трубка» было связано с тем, что Иван Семёнович непрерывно курил трубку с махоркой, то есть трубку вообще не выпускал изо рта. Некоторые утверждали, что он даже спал с трубкой в зубах. Этого я не видел, но то что он трубку иногда терял, могу подтвердить. «Где моя трубка! Где моя трубка!» – орал бегая около своего жилища – «ТЬфу ты! Мать – перемать!» плевался он, и трубка вылетала у него изо рта.

Второе его прозвище тоже было связано с некоей особенностью, Ивана Семёновича и было дано мастером на прозвища Федюней Карявым. Дело в том, что он имел нос, который по своей величине, форме, объему и цвету, был точь-в-точь как большая, красная картошина. И, что интересно, этот объёмный нос был всегда наполнен содержимым. Осенью понятно – сырость, слякоть, промозглость, зимой понятно – холод, мороз, снег, весной тоже понятно – талый снег, утренние заморозки. А вот почему летом в самую жару у него полон нос соплей – это для меня загадка до сих пор. О таком предмете туалета как носовой платок Ваня Трубка, конечно, понятия не имел и освобождал свой переполненный нос всегда в горсть, после чего вытирал ладонь об одежду на груди, в результате грудь его всегда лоснилась и блестела. По аналогии с праздничными блестящими хромовыми сапогами (каковые были далеко не у многих), к Ивану Семёновичу вполне заслужено прилипло ещё одно прозвище – «Хромовая Грудь».

Видимо Иван Семёнович родился с активистским характером, потому что там где можно повыступать, поприветствовать к чему-либо, он был всегда первым. Когда с великим промедлением до Верхне-Лалья докатились слухи и сведения о революционных событиях в стране, Иван Семёнович один из первых начал агитировать за новую светлую жизнь, и активно принимать меры по пропаганде Советской власти и агитировать за неё, причём, какой эта власть должна быть никто не знал, да и не интересовался. Впоследствии Иван Семёнович организовал первую (и единственную) в Верхне-Лалье коммуну. Коммуна

расположилась в громадном двухэтажном доме с мезонином, реквизированном у богатейшего купца – льноторговца. Коммуна была опорой местных властей и жила очень активной жизнью, собрания и заседания продолжались почти круглые сутки. Обсуждались вопросы, как строить новую жизнь, вопросы международного характера, текущий момент и так далее. Правда, просуществовала коммуна недолго, ровно до того времени, пока не кончились продукты в купцовских амбарах, погребах и ледниках. Когда это произошло, есть стало нечего и пришло время добывать хлеб насущный собственным трудом, коммуна тихо и незаметно распалась и люди из коммуны расползлись кто куда, потому что могли они только говорить, да заседать, а конкретно трудиться, работать, видимо, не хотели, да и не умели. Так что наш Иван Семёнович оказался не у дел. Правда, в скором времени его таланты снова оказались востребованы. В начале тридцатых годов прошлого века в деревнях началась эпопея коллективизации. Тут уж Иван Семёнович снова почувствовал себя, как рыба в воде. Агитировал за колхозы, доказывал вместе с приезжими уполномоченными, что коллективный труд – это будущее крестьянина, единоличное ведение хозяйства – это прошедший этап жизни и от него надо уходить, сомневающимся уламывал всеми доступными и недоступными методами, несогласных раскулачивал, отбирая скот и хозяйство, нажитое трудом всей семьи за многие годы работы от темна до темна, устанавливал «твердые задания» (был такой способ принудительного труда для раскулаченных в пользу колхоза). Правда, до высылки дела не доходило. А куда высылать? И так глушь и край земли. Но когда во второй половине тридцатых годов напряжение спало, жизнь утихомирилась, колхозы окрепли, появилась МТС с тракторами, появились умные и хозяйственные председатели колхозов из местных, колхозные крестьяне стали жить зажиточно и, почувствовав это, трудились не покладая рук от зари до зари, Иван Семёнович со своими активистскими лозунгами опять оказался не у дел. Поселился он на краю села в старой кузнице, когда-то принадлежавшей

раскулаченному кузнецу. Так и жил в этой халупе с земляным полом. Ведь что интересно? В лесном краю, где полно леса, пиломатериалов, досок, тёсу у человека не хватило ума, чтобы в своём жилище настлать деревянный пол. Так и жил на земляном полу, спал, правда, на русской печи, которую всё-таки пришлось соорудить, без печки нельзя – пищу не сварить, да и зимой замёрзнешь. Местное начальство, видимо, учитывая прошлые заслуги и активность, ввело для Ивана Семёновича специальную должность – сельский пожарный при сельсовете. Хотя пожаров в тех краях испокон веку не бывало. В целях организации противопожарного поста была выделена казённая кобыла, телега окрашенная в красный цвет, на телеге – бочка для воды, тоже красная и ручной двухцилиндровый пожарный насос. Там же на телеге лежали две скатки пожарных шлангов и наконечник – брандсбойт.

Иван Семёнович гордый своим положением, целыми сутками сидел на пороге своей халупы, не выпуская изо рта своей трубки, набитой махоркой. Это называлось: «Блюду дежурство. Нахожусь на посту!» Пожарная бочка от многолетнего неупотребления по своему прямому назначению, рассохлась и воду в себе не держала. Телега ни разу не запрягавшаяся лошадью, обросла густой многолетней травой и даже кустарником. Состояние и пригодность пожарных шлангов, годами лежащих летом на солнце и под дождём, а зимой под снегом, тоже вызывает большие сомнения. Что касается пожарного насоса, то насос, как любой механизм требует постоянного внимания, ухода и смазки, а поскольку его многие годы не касались человеческие руки, то имеются большие сомнения в его работоспособности. За исполнение пожарных обязанностей сельсовет Ивану Семёновичу выплачивал какую-то зарплату, причём деньгами, как государственному служащему, а не в трудоднях, как получали тогда колхозники. На эту зарплату он и жил, а также покупал махорку для своей трубки. У всех сельских жителей всегда есть подсобное хозяйство – корова, поросёнок, куры, огород около дома, картофельные посадки. У Ивана Семёновича

ничего этого отродясь не было, потому что любое домашнее хозяйство, большое или маленькое требует затрат времени и труда. Времени же у него для ведения хозяйства совсем не было, он круглые сутки находился «на посту», что касается затрат труда, то по мнению односельчан Иван Семёнович за всю свою жизнь не расколол даже полена дров, что уж говорить о работе в подсобном хозяйстве. Это полностью исключается. Однако следует сказать, что Ивану Семёновичу однажды повезло (если можно так выразиться, применить такое слово). Всё-таки за многолетнюю бытность его главным пожарником сельсовета, случился пожар, единственный за всю историю Верхне-Лалья, во время тушения которого он показал всю мощь противопожарной готовности.

Произошло это в нашей деревне. Среди бела дня загорелся овин. Овин это небольшой бревенчатый амбар для сушки снопов. Сушка осуществлялась открытым костром, разводимым в глубокой, специально вырытой яме под овином. Сооружение весьма и весьма пожароопасное, поэтому овины обычно располагались в отдалении от деревни, подальше от построек, а при сушке снопов всегда старались обеспечивать максимальную осторожность с огнём.

В овине, который загорелся, работал Ефимко Сластихин по прозвищу «Шашкич». То ли он вздремнул в тепле около горевшего костра, то ли недосмотрел за костром, то ли ещё чего, то только овин вдруг вспыхнул как свечка. И немудрено, это за многие годы пересохшее строение, наполненное снопами для огня опасно как порох. Ефимко еле успел выскочить из ямы в одной рубахе без сапог, оставив в яме под овином и ватник, и шапку, и сапоги, и топор с пилой и ещё кое-какую мелочь. На пожар сбежалась вся деревня, бабы с вёдрами, мужики с баграми и топорами. Телефона с номером 01, конечно, не было, поэтому на пожарный пост послали сбежать самую бойкую девчущку.

Прибежала:

- Иван Семёнович! Пожар! Поехали тушить скорее!

- Не ори! Не пугай народ! Какой ещё пожар? У нас пожаров отродясь не бывало.

- На Сирине пожар! Поехали тушить скорее!

- На Сирине? Да там гореть-то нечему!

- Овин горит! Поехали тушить скорее!

- Овин! Это может быть. Беги обратно, скажи, что сейчас приеду. Вот покурю и поеду.

Сказал Иван Семёнович и начал снова набивать свою трубку.

Пока он выкуривал трубку, да запрягал лошадь в красную телегу прошло время, так что на пожар он приехал, когда всё уже закончилось. Усталый народ, не сумевший отстоять колхозный объект сидел и лежал на траве вокруг пепелища.

Овин сгорел дотла, даже головешек и угольков не осталось – одна зола. Иван Семёнович глубокомысленно обошёл вокруг пепелища, остановился, снова набил трубку махоркой и философски произнёс:

- Пожар – это стихия!

Затем взгромоздился на свою красную пожарную телегу, колёса которой видимо никогда не смазывались и со страшным скрипом отбыл восвояси, продолжать дежурство и стоять на посту.

Вот такими и запомнились мне эти два странные старика. Давно уже они отошли в мир иной, детей у них не было, стало быть, и потомков тоже, могилы (ухаживать не кому) затерялись на сельском кладбище. И едва ли кто помнит про этих людей. Жили они, топтали нашу грешную землю, а чего ради? Что оставили после себя?

А теперь вернёмся к Верхне-Лалю, которое, несмотря на удаленность и некоторую изолированность, было местом многолюдным с постоянно увеличивающимся количеством населения. На территории Верхне-Лальского сельсовета находилось 40 деревень, объединенных в 17 колхозов. Деревни на берегах реки Лалы располагались в 2–3–4 километрах друг от друга и по количеству дворов были небольшими, деревня

в 25 дворов, как наша, уже считалась большой. Семьи были большими и состояли, как правило, из трёх, то и из четырех поколений. Хозяева, их родители, дети и внуки. Достаточно сказать, что только на войну из Верхне-Лалья ушло 780 мужиков, молодых, здоровых, ядрёных мужчин и парней. Это считайте два полноценных батальона, а по военному времени, то и вообще целый полк. Вернулось с войны меньше половины, но все уцелевшие вернулись в свои дома к своим семьям, никто не остался в других краях. В школу в селе Погост я пошёл в 1943 году, в школе было укомплектовано два первых класса, думаю человек по 25 в каждом. Кроме того, в шести километрах вверх по реке Лале, была начальная Романовская школа и километрах в пяти вниз по реке – Еременская начальная школа. То есть в Верхне-Лалье было четыре первых класса, в которые пошли вероятно не менее ста ребятишек. Выходит в предвоенные годы рождалось в сельсовете ежегодно около ста человек. Старики, конечно, уходили в мир иной, но во много раз меньше рождавшихся, так что население Верхне-Лалья неуклонно росло. Во время войны с рождаемостью естественно был провал, зато сразу после окончания войны и в последующие годы рождаемость очень резко возросла, как теперь говорят произошёл демографический бум. По деревням забегали толпы босоногих, сопливых, светловолосых, конопатых мальчишек и девчонок.

В те годы обязательным было начальное образование, так что по окончании четвертого класса каждый был волен решать – учиться дальше или прекратить. Многие прекращали, тем более, что мальчишки в возрасте 11–12 лет считались уже полноправными работниками колхоза. Вся колхозная работа, связанная с использованием коней, лежала на их плечах. Бороновать поля, возить навоз, силос, копны сена в сенокос, гонять коней в конских косилках и жнейках, даже возить мешки с зерном, перегружая их на своих хрупких мальчишеских плечах, все эти работы выполнялись исключительно мальчишками. Для девочек тоже находилась работа: сгребать сено, полоть посевы,

вязать снопы, терebить лен, собирать картошку и так далее, так что и мальчишки и девчонки с ранних лет приучались к нелёгкому крестьянскому труду. Работы эти выполнялись летом, в период летних школьных каникул, так как большинство ребят всё же выбирало продолжение учёбы в старших классах. В 1953 году Верхне-Лальская семилетняя школа была преобразована в среднюю школу, в связи с увеличением количества классов было построено дополнительное школьное здание, а в 1956 году состоялся первый выпуск школьников со средним образованием в количестве 22 человек.

Колхозы с времени их образования и до конца сороковых годов были маленькими, что ни деревня, то и колхоз, редко в один колхоз входили две рядом расположенные деревни, и совсем уж редко – три. Наша деревня Сирино, была организована в колхоз с символическим названием «Сознание». Колхоз – слово производное из двух слов «коллективное хозяйство», а еще колхозы официально назывались «сельскохозяйственная артель». На Руси артельный труд процветал испокон веков. Были артели бурлацкие, строительные, занимавшиеся отхожими промыслами и другие. Артель – это пример коллективного труда и в артели все общее. Колхозники в то время всё колхозное считали своим, все колхозные заботы и трудности своими, даже в трудное время военное время. Вместе работали с утра до ночи, вместе делили все трудности, вместе отдыхали, вместе праздновали. Справляли все праздники как Советские, так и церковные, хотя это официально не признавалось. Самыми большими праздниками были – День Октябрьской революции 7 ноября и престольный праздник деревни – Михайлов день – 21 ноября. К этим праздникам готовились загодя. Сбрасывались в общий фонд зерном – рожью, единицей измерения был пуд. Каждая семья сдавала ржи пуд или более, в зависимости от достатка и желания. Из этого зерна варили общественное пиво за деревней, на берегу реки в бане. Пиво называлось «Самоварное», потому что варили его сами, а не покупали где-либо. Верховодил этим делом доморощенный мастер-пивовар

Алёша Чухломин по прозвищу «Мещанец». Пива получалось по-видимому много, потому что половина его оставлялось на колхозный праздник 7 ноября, а другая половина раздавалась по семьям пропорционально количеству сданной ржи, для семейного, так сказать, потребления. Надо заметить, что деревня была с пивом до самого Нового года.

Колхозный праздник проходил с большим размахом. С самого утра 7 ноября и до позднего вечера. Поскольку большого помещения, где могли собраться люди со всей деревни, не было, собирались по бригадам. В колхозе было четыре бригады, поэтому народ собирался в четырёх домах. Устраивался пир с обильным угощением, обильными возлияниями пива, а также кое-чего покрепче, если расторопный председатель колхоза умел это добыть. Для ребятшек устраивался, в той же избе, отдельный стол с чаем и сахаром вместо пива. Постепенно веселье выливалось на улицу и начиналось всеобщее гулянье с плясками, песнями, хороводами и озорными частушками. Частушки распевались во время гулянья, во время пляски и были в большинстве своём местного сочинительства: про любовь, про измену, про дролю и так далее. До сих пор помню одну из них, хотя и прошли с тех пор десятилетия:

«Пароход идет по морю,
Занавески белые
Мы ребята из «Сознания»
Оттого и смелые!»

Правда, до сих пор, несмотря на десятилетия раздумий, не могу понять, какая причинная связь существует между белыми занавесками парохода и безудержной смелостью, которая, кстати, действительно имела место быть, Сиринских ребят из колхоза «Сознание».

Престольный праздник – Михайлов день праздновался не менее массово, только уже по-семейному. Собиралась родня, приезжали из других деревень и отмечали весь день с большим энтузиазмом, так же с песнями, плясками и массовым гуляньем.

Так и существовал Верхне-Лальский народ со своими

заботами, нелёгкой работой, со своими нечастыми праздниками. Люди были сыты, обуты и одеты, казалось, что так будет всегда. Правда, жизненный уклад постепенно менялся, тем более что стали появляться некоторые блага цивилизации. В Верхне-Лалье было проведено электричество, были радиофицированы даже самые отдалённые деревни. Построили большую кирпичную двухэтажную школу, построили вполне современный кирпичный клуб с библиотекой и кинозалом. Кино начали показывать пару раз в неделю. Верхне-Лалье с Лальском и Лузой связывала бетонная дорога, по которой было открыто регулярное автобусное сообщение. Жизнь вроде бы стала интересней, но видимо где-то внутри, незаметно, исподволь накапливались какие-то внутренние изменения взглядов на жизнь, изменились у людей интересы и настроения, которые постепенно привели к необратимым последствиям и даже разрушениям многовековых стереотипов деревенской жизни.

В конце сороковых годов прошлого века началось укрупнение колхозов. Вместо семнадцати их стало три, а через несколько лет и эти три колхоза были объединены в один с названием «Верный путь». Не берусь судить верным ли был выбранный путь, но жизнь колхозников радикально изменилась. Сошли на нет общие собрания, действительно, кто пойдёт на собрание за десять–пятнадцать километров? Если в малых колхозах председатель работал наравне со всеми колхозниками и в полях, и на сенокосе, и в лесу, а своими бумажными делами занимался после общих работ, вечерами, то в условиях когда все деревни сельсовета были объединены в один колхоз, колхозники отдалённых деревень не видели своего председателя многими месяцами, а то и годами. Всё это постепенно привело к тому, что люди перестали считать колхозные заботы, дела, а потом и имущество своими, пропало чувство артельности, люди стали считать себя наемными работниками. Даст бригадир наряд – пойду, поработаю, а не даст – зачем работать, лучше на своём огороде покопаюсь. А когда вместо трудодней ввели при Хрущеве денежную оплату труда колхозников, те и вовсе

превратились в подёнщиков. Заработал человек за день 3–4 рубля, ну и хорошо, на махорку хватит, а всё остальное, необходимое для жизни – своё, созданное на своём подсобном хозяйстве, так что завтра на колхозную работу можно и не идти. Дальние деревни потихоньку самоликвидировались, а потом такая же участь постигла и не совсем дальние. Молодые старались жить самостоятельно и отделялись от родителей. Большие во многом патриархальные семьи, включающие три, а то и четыре поколения распадались. Почему-то уменьшилась рождаемость. Выпускники школы, уезжавшие на учёбу, уже не возвращались. Постепенно перестали возвращаться в село и парни отслужившие в Советской Армии. Женихов нет – начали уезжать и девушки. Численность населения стала медленно, но верно убывать. К чему это привело видно каждому, побывавшему в теперешнем Верхне-Лалье. Население сегодня составляет около 250 человек от детей до стариков. Рождаемость практически прекратилась. Верхне-Лальская средняя школа после пятидесяти лет существования потеряла свой статус. Действительно, какая это средняя школа, если в ней учится во всех классах всего около двадцати человек. Сегодня, пожалуй, никто не сможет сказать, что ожидает Верхне-Лалье через двадцать–тридцать лет. Правда, церковь на Погосте частично восстановили и в ней летом проходят службы, проводимые приезжающими священниками.

Если бы подобное вымирание грозило только Верхне-Лалью, то это ещё не беда. Но ведь такая картина по всей России, села вырождаются и прекращают своё существование. Особенно интенсивно после бардака, почему-то называемого реформами, когда были ликвидированы сельхозпредприятия – колхозы и совхозы и сельский народ оказался практически брошенным, предоставленным самому себе – как хочешь, так и выживай. А ведь матушка Россия всегда была сильна селом. Село всегда было резервом рабочей силы для города, промышленности, транспорта. Во время государственных потрясений, войн, других катаклизмов главная тяжесть ложилась на село.

Армия – опора государственности, ещё со времён Петра Великого всегда рекрутировалась из сельских жителей. Служение в армии для сельских жителей всегда было почётной обязанностью. На моей памяти, если парня по какой-либо причине не брали в армию, то его в деревне звали «негодяй», слово образованное от понятия, что он не годился к армейской службе. Не годен, значит – негодяй. Девушки за такого даже замуж не шли. А теперь? Даже появилось общеупотребительное выражение – «косить от армии», призывников с милицией отлавливают и доставляют в военкоматы. Разве это мыслимое дело в понятии сельских жителей? И это результат повсеместного развала села и сельского образа жизни. Чем в конечном итоге закончатся эти процессы развала и когда, не знает никто. А надо бы. Учёные мужи – социологи, демографы и прочие футурологи должны бы заняться и изучить, что нас в конечном итоге ждёт.

А по моему мнению ничего хорошего Россию не ждёт, если вовремя не остановить этот интенсивный процесс развала села. Необозримые просторы России постоянно увеличивающиеся за счет ликвидации сел и деревень не будут вечно пустовать. Кто-то из мудрых сказал: «Природа не терпит пустоты», а еще есть народная поговорка «Свято место пусто не бывает». И конечно же эти пустоши будут заселены и освоены. Только кем? Кто будет жить на большей части наше необозримой державы? Подумайте сами.

ЧАСТЬ II. ПРО ТОВАРИЩА СТАЛИНА

Север Европейской России был, как и Сибирь, ссыльным и каторжным краем, как при царской, так и при Советской власти. При царе сюда ссылали неугодных властям людей и прочих революционеров. При Советской власти, были размещены лагеря заключенных, занимавшихся лесоповалом. А там, где живёт много людей, лишенных свободы, естественно есть те, которые в силу своего свободолюбивого и авантюрного характера стремятся любыми путями вырваться на волю. Какой выход? Конечно, бежать. Так что в наших краях (в теплое летнее время) изредка встречались люди бежавшие из заключения. Их называли «беглецы». Местный народ к беглецам относился без особой симпатии, но и не враждебно. Сейчас бы сказали лояльно. Во всяком случае, при нечаянных встречах беглецов властям никогда не выдавали. А когда те заходили в дом, всегда были накормлены и получали хлеба на дорогу. Ночевать в доме, правда, не разрешалось (это уже укрывательство, а оно преследуется властями). Хочешь поспать – вон бани на берегу, все двери открыты, заходи в любую и спи сколько влезет. В начале тридцатых годов двадцатого века завезли массу «спецпереселенцев» из южных областей СССР. Это были раскулаченные и люди не согласные с массовой поголовной коллективизацией. Эту категорию ссыльных местные называли «высевлоны», которые тоже пополнили число беглецов.

В 1908 году в ссылку в уездный город Сольвычегодск угодил товарищ Сталин. Вернее товарищем Сталиным он тогда ещё не был, а был активным революционером Кобой Джугашвили. Царское правительство его отправляло в ссылки за революционную деятельность в разные отдалённые места то ли 8, то ли 9 раз, откуда он в силу своего беспокойного характера, сбегал то ли 7, то ли 8 раз.

В Сольвычегодске Коба Джугашвили жил в доме Марии Кузаковой. В этом доме впоследствии был организован музей товарища Сталина, который после известных действий Хрущёва по преодолению культа личности, был преобразован в местный краеведческий. Кстати говоря, в 1975 году Сольвычегодский краеведческий музей был обворован московскими туристами. Люди оказались знающие, унесли всё ценное: церковную утварь, драгоценные панагии, иконы строгановского письма и другое. Надо отдать должное московским сыщикам, грабители в тот же год были отловлены, большинство похищенного изъято и возвращено владельцу. Но всё это было потом, через многие десятилетия. А в описываемое время Коба Джугашвили решил по своему обыкновению из ссылки бежать, что и благополучно осуществил. Бежать через город Котлас, что расположен недалеко от Сольвычегодска было опасно, Котлас – это большая узловая железнодорожная станция, полно полиции, жандармов, поэтому он решил бежать через леса на какую-нибудь маленькую железнодорожную станцию, а оттуда уж и дальше, если повезёт.

Однажды ясным летним днём из лесу со стороны речки Чернуха на большой угор, у подножья которого раскинулась деревня Сольвычегодск вышел заморённый, осунувшийся заросший чёрной бородой, невысокого роста беглец. Это самая высокая точка Верхне-Лалья, которая с поэтическим названием Зоюшка. Беглец сверху осмотрел крыши деревенских домов, выбрал дом побогаче, под железной крышей и решив туда зайти, направился к нему. В этом доме в то время находилась одна молодая невестка (по местному – молодница) недавно пришедшая в семью после свадьбы. (Это была моя будущая бабушка Вера Константиновна). Она была в доме оставлена домовничать, то есть заниматься в этот день домашним хозяйством, пока остальная немалая семья с раннего утра была на работе (по местному – ушли робить). Услышав непривычный для деревни робкий стук в дверь, молодница дверь распахнула и увидела, стоящего в сенях измождённого невысокого черноволосого человека, по всем признакам – беглеца.

- Заходи, болезный, заходи. Оголодал поди, есть хочешь? Присядь пока, сейчас я тебя покормлю и на дорогу чего-нибудь сообразу.

Беглец сел на лавку около двери, а молодица начала собирать на стол. Поставила блюдо штей, блюдо каши с маслом, жбан молока и само-собой ковригу хлеба. Потом подумала и добавила ещё стопу шанег на верхосытку.

- Садись, болезный, поешь с устатку.

Беглец то ли был нестерпимо голоден, то ли был не верующим, но только жадно накинулся на еду не перекрестясь на образа, в обилии украшавшие красный угол избы.

Молодица опешила, даже смешалась на некоторое время, так как была беспредельно верующим человеком. (А кроме того в семье нельзя было садиться за стол не перекрестясь). Придя в себя, возмутилась:

- Ах, ты нехристь! За стол лезешь лба не перекрестив! Ну-ка брысь отсея!

Схватила ухват и хватить им беглеца по спине, тот вскочил и опрометью кинулся из избы, правда на бегу прихватив с собой со стола ковригу хлеба.

После работы вся немалая семья собралась за столом. Молодица, подавая на стол, одновременно отчитывалась о своем дежурстве и рассказала о случае с беглецом. Глава семьи строгий молодицын свекор (мой прадед Галактион Александрович) строго попенял невестке: «Ты, Веруха, не ладно поступила. Нельзя было голодного человека из дома ухватом гнать. Может быть он не нашей веры, вот и не перекрестился, садясь за стол, сама говоришь, он низок, да чёрен. А человек, какой бы веры не был, он всё равно человек и вниманья достоин, и если голоден, то должен быть накормлен. Так что смотри, впредь думай, прежде чем ухватом махать». На этом инцидент был исчерпан. А через недолгое время и вообще забылся. Мало ли событий происходит каждый день.

Прошли годы, а потом и десятилетия. В стране проходили большие события и перемены, в том числе и в

самых глухих её уголках. Во главе могучей державы Великой России, которая в то время называлась Советским Союзом, стоял вождь народов Иосиф Виссарионович товарищ Сталин. Слава о нём и его деяниях гремела во всех уголках необъятной страны. Везде появилась масса его портретов. Однажды на глаза бабушке Вере Константиновне, к тому времени уже достаточно пожилой женщине, матери многочисленного семейства попался портрет Сталина. Она долго и внимательно вглядывалась в него и внезапно побледнев, запричитала: «Ой, ой, какая беда приключилась! Это ведь тот мужик, который к нам в дом заходил, когда я была молодая. Это ведь его я ухватом по спине отходила, за то что за стол полез не перекрестившись!». И бабушка затосковала, со дня на день ожидая, что обиженный её вспомнит и в тюрьму посадит за нанесённую когда-то обиду. Однако товарищ Сталин (если, конечно, это был он) конечно же за давностью лет и множества государственных вопросов и забот ежедневно стоящих перед ним, видимо давным-давно забыл молодую сердитую крестьянку с её ухватом. Да и вообще это был (если был) незначительный эпизод в его жизни.

Поскольку всё было спокойно и ничего не происходило, бабушка постепенно успокоилась и жизнь продолжалась своим чередом.

Через какое-то время пришли вести о смерти товарища Сталина и всенародной скорби по этому поводу. Ещё через какое-то время пошли слухи об объявленной Хрущевым борьбе с культом личности. Стало известно, что под лозунгом борьбы с этим культом обливает Хрущев Сталина помоями вменяя тому в вину всё плохое, что было допущено при Советской власти. Вроде того, что в этом один Сталин виноват и никто более. Вот тут моя бабушка, наслушавшись всего, что начали говорить в прессе о товарище Сталине, позабыв свои прошлые словословия, и показала свой характер. Безграмотная очень пожилая крестьянка, имевшая право обижаться на Советскую власть, за раскулачивание, за лишение нажитого своим горбом и горбами всей своей семьи хозяйства, вынужденная работать

«по твердым заданиям», (был в те годы такой способ наказания бывших кулаков, не выселенных из деревни и не принятых в колхоз – «твердое задание», Это безвозмездная неоплачиваемая сдача в колхоз какого-то количества зерна, мяса, заготовка леса и выполнение других принудительных работ.) имела по этим вопросам свое мнение и одна из очень не многих вступилась за товарища Сталина:

- Неладно делает товстопучинный (здесь необходимо сделать некоторое разъяснение. «Пучина» на местном диалекте означает большой живот, проще – пузо. Определение «товстопучинный», которое Вера Константиновна применила к Хрущеву на общеупотребительном языке может значить «толстопузый»!) Никита Хрущев, что на Сталина опрокинулся, ох неладно.

- Разве можно покойного грязью марать и помоями обливать? Большой грех это. Покойный человек потому и покойный, что господом позван на вечный покой, и ничего-то ему не надо, разве свечка поминальная в церкви. А тут вон какие не ладные дела на него валят. А он тут причём? Глядела я ему в глаза, хоть и тоскливые, но добрые, не мог он ничего плохого сотворить. Не для себя, небось, жил и робил, а для других. И добра, люди бают, не нажил и дитям ничего не оставил: ни дома, ни наследства, ни денег. А худо для людей творили крикуны, да оратели, кои пролезли в Советску власть и опохабили её. А чем Советска власть плоха была? Кто не робит, тот не ест. А эти только языком молоть горазды, а робить не хотели и не умели. Это они во всей державе бед натворили, а теперь на Сталина валят. Взять хоть и наши места столько худого было, а причём тут Сталин? Вон Анюха Суханиха экая ретивая была в молодости. Церковь разоряла, оклады с икон обдирала, а сами писанные иконы в огонь бросала. А сейчас? Кой год уж лежит параличом разбитая. Ничего не может, под себя ходит. В избе, говорят, душина, зайти не можно. Это её бог наказал, за все её грешные дела. Али взять Ваню Трубку. Экий орёл был. Налетел на нас со своей оравой. Из родового дома выгнал, хозяйство

разорил, скотину угнал. Если бы нас только, дак это полбеда, а вон скольких ещё кроме нас разорил справных хозяев. Больно охоч был до чужого добра, хватай знай – не нами нажито! А сам небось за всю жизнь гвоздя в стену не забил. Живёт теперя в чужой кузнице, толку не хватает деревянный пол настлать, на земляном полу спит, так один и живёт старый пердун, прости меня, господи за грубое слово. Бывший орёл – куриные перья. А мы со стариком другой дом себе изладили, живём как люди, всё у нас есть. Одних внуков двадцать пять душ. Даст бог может и ещё прибавится, правнуки уже пошли, крепкие как маслята. Потому что всю жизнь робили с восхода до ночи. Трудом всё дается, только трудом. Бог труд любит. А внуки? Старшие выучились, а малые все в школе учатся, станут грамотными и даст бог в люди выйдут. Разве можно было в старо время всем двадцати пяти в школу ходить? Вот то-то!

Вот так рассуждала старая безграмотная крестьянка. А если вдуматься, то её мысли и рассуждения перекликаются с Посланием святого апостола Павла и с основным принципом социализма.

«Не работающий, да не ест».

Труд – основа всего сущего, от зернышка до самолёта всё создается чьим-то трудом, а если хочется больше зерна и больше самолётов, то и трудиться надо больше. Не модно сейчас вспоминать о Советских временах, но чем плох лозунг: «Труд есть дело чести, дело славы, дело доблести и геройства», бытовавший в Советские времена. Все материальные, духовные и культурные ценности создаются только трудом, работой, а не чем иным. Взять хоть теперешний телевизор, разве увидишь там человека труда? Разве покажут ткачиху-портниху и уж тем более какую-нибудь доярку. Да никогда! Одни только аппетитные задницы крутятся. Да защитники пидерастов вроде Бори Моисеева (правда, сейчас их зовут почему-то – геи).

Откуда такое слово появилось, мне неизвестно, да и не интересно. Пидераст – он и есть пидераст, извращенец

человеческой природы, как его не назови (кстати среди животного мира такого явления нет).

Умерла Вера Константиновна много десятилетий тому назад в весьма преклонном возрасте, а доживи до наших дней, то было бы у неё расстройство, что никто не робит и робить не хочет, а едят все, да еще деликатесов требуют.

А перед памятью товарища Сталина И. В. наш род испытывает некую вину за необоснованное махание своим ухватом нашей прародительницей.

ЧАСТЬ III. ПРО СЕМЁНА МИТРИЕВИЧА, СОСЕДА

Мать привезла нас на проживание в деревню летом 1942 года. Поселились в дедовском доме в новой избе. Колхоз, деревня и колхозники в то время как и вся страна жили под лозунгом; «Всё – для фронта, всё – для победы!». Вся продукция производимая колхозом – зерно, масло, мясо уходило государству в счёт обязательных поставок. Вся работа в деревне лежала на женских плечах, мужскую часть составляли пять стариков, все остальные мужчины – на войне. Но, несмотря, на трудности жизнь в деревне была лучше, чем в городах. Во-первых, сохранились кое-какие запасы от предвоенных зажиточных лет, во-вторых, у каждой семьи было свое подсобное хозяйство – огород с овощами и картошкой, какая-то скотина, куры.

В компанию деревенских, босоногих и сопливых своих ровесников я вписался очень быстро и вскорости стал своим, ничем не отличаясь от остальной ребятни. Единственным отличием было то, что взрослые и пожилые люди почему-то не могли запомнить моего имени и звали по отчеству – Петрович. А я в свою очередь и не обижался и воспринимал это нормально. Петрович, так Петрович, эка беда.

В деревне просыпаются и встают рано – с восходом солнца. До выхода на колхозную работу надо управиться с домашним хозяйством. Подоить корову и отправить её на пасьбу в покотину, наносить воды, истопить печь, приготовить еду, если проспичь лишний час – беда, ничего по дому не успеть. Естественно, вместе со взрослыми встают и дети. Проснувшись, я первым делом бежал на крыльцо, посмотреть чего и как, какая погода и вообще какие перспективы на грядущий день. И всегда на крыльце соседнего дома (крыльцо в крыльцо) сидел старичок Семён Митриевич ковыряясь с домашней работой. То зубья для грабель строгают, то уледи ушивает (уледи – это самодельная

кожаная обувь вроде лаптей), то ещё чего-нибудь. Увидев меня всегда здоровался первым:

- Здравствуй, Петрович!

- Здравствуй, Семён Митриевич!

И тут же он пугал меня вопросом:

- Петрович, ты ничего не знаешь?

Я пугался, вдруг пришла какая-нибудь неприятная новость. Вдруг немцы опять ударили и наши во главе с прославленным маршалом товарищем Жуковым опять побежали, как и в прошлом 1941 году, оставляя врагу города и села. Хотя уже и бежать-то было некуда, до Волги и Кавказа добежали.

- «Нет, Семён Митриевич, ничего не знаю.» – признавался я дрожащим голосом, ожидая страшных новостей.

- Я, Петрович, тоже ничего не знаю! Успокаивал меня сосед. И на этом наше общение заканчивалось.

Надо сказать, что Семён Митриевич в отличие от своего брата Федюни Карявого никогда не обижал деревенскую ребятню, наоборот относился к нам очень и очень по доброму. У его дома росло много черёмухи и когда ягоды созревали он всегда разрешал нам залезать на деревья и лакомиться зрелой черёмухой высказывая единственную просьбу:

- Робята, только не заламывайте веток!

У него находилась для нас и морковка и репка. Мы отвечали ему тем же. Во всяком случае, у него из огорода никогда не пропадали ни огурцы, ни репа, ни морковь. В отличие от других хозяев, у которых по утрам в огороде часто была большая недостача. Любили мы слушать рассказы и бывальщины из его жизни, которые он нам охотно рассказывал дымя сигаркой-самокруткой заправленной самосадам. Надо отметить, что рассказы Семёна Митриевича никогда у нас не вызывали сомнений в их достоверности.

«В семнадцатом годе, робята, я служил в Петрограде в запасном полку. Когда началась революция, я в тот же день встал на её сторону и меня, как сознательного элемента тут

же зачислили в красноармейцы и направили на службу в Смольный. Раз стою я на часах, вижу, по коридору быстрым шагом идёт Владимир Ильич товарищ Ленин. Сзади за ним писарь поспешает с тетрадью и карандашом, чтобы записывать указания, если будут. Как не торопился Ленин, а увидел меня и бежит ко мне, руку тянет: «Здравствуй, Семён Митриевич! Как поживаешь? Как дела? Как служба?» Руку Ленину я, конечно, пожал, хоть ружьё и мешало, и отвечаю: «Поживаю хорошо, дела идут нормально, служба идёт по уставу. А по уставу, товарищ Ленин, часовому на посту разговаривать запрещено!» Ленин обрадовался и говорит писарю: «Вот какой отличный у нас красноармеец Семён Митриевич! Как службу знает и блюдёт! Запиши ему орден, наградим за отменную службу!» Тут откуда ни возьмись подбежал брат Федюня и орёт на писаря: «Сеньке орден пишешь и мне пиши!» А писарь: «А тебе за что? Про тебя указаний не было!» Федюня он ярый был, орёт: «Пиши орден лысый хрен, а то в ухо дам!» Писарь не телится, тогда Федюня и захал ему в ухо. Тут народ набежал, зашумели, задрались, писарева тетрадь упала, её в суматохе затоптали, так и остался я без ордена, а он бы сейчас мне очень пригодился. Вон узнал недавно, что колхозная свинья опоросилась, вчера пошёл к председателю колхоза: «Микола, на свиноферме поросята появились, выпиши мне одного в счёт будущих трудодней.» А он: «Ты в себе Семён. Эвон какая война идёт, а ты только о себе думаешь. Да и чем ты лучше других? Тебе дай поросёнка и другие запросят, а где я столько поросят наберу? Так что катись, Семён, отсель и не приходи больше с пустяками, лучше о своем поведении думай. Вон опять вчера на работу опоздал. Вот оштрафую как-нибудь, тогда узнаешь!» А был бы у меня орден, я бы его Миколу – раз под нос. Вот чем я других лучше! Но видать не судьба, придётся поросёнка на стороне покупать, хоть и дорого, но надо, без поросёнка в деревне не жизнь».

Мы с открытыми ртами внимали побасенкам Семёна Митриевича, ни на йоту не сомневаясь, в их правдивости и с восхищением смотрели на рассказчика. Надо же – обычный

деревенский старик, а с самим Лениным общался.

«Дак, робята, ничего особенного» – продолжил Семён, попыхивая самосадным дымом – «Мы же с товарищем Лениным были заодно, оба за революцию, оба за новую жизнь. Вот он и обращался ко мне, когда шибко припрёт. Раз пришёл я с ночного караула, весь устал. Ночью почему-то больше устаётся, чем днём, думаю попию кипятку с сухарями, да посплю немного. А только вдруг забегает Ленин: «Семён Митриевич! Будь другом, выручи, ты знаешь за мной не пропадёт!» Ему ведь не откажешь. «Дак чего надо делать-то, Владимир Ильич?» «Понимаешь, Семён Митриевич, мне сегодня абсолютно некогда, времени минуты свободной нет, надо срочно статью писать, а баба моя Надежда Константиновна, ты её знаешь, вся исчезалась, давно в бане не была, терпенья нет. Шумит, хочу в баню. А я одну её отпустить опасаюсь. Сашка Керенский земляк, мы с ним из одного города, в одной школе учились, так уж подсуропил – всю шпану из тюрем повыпустил, вон чего в Питере на улицах творится, доброму человеку выйти нельзя среди бела дня раздеть могут. Выручи, своди бабу в баню, потом рассчитаемся, за мной не пропадет».

- «Дак, Владимир Ильич, чего не сводить, свожу конечно, только вот мыла у меня нет, старшина опять не выдал, говорит – обойдетесь, не велики баре и без мыла хороши».

«Да есть у нас мыло, ещё с царских времен два куса сохранились».

Просьбу Ленина, а вернее сказать задание я, конечно, выполнил на «отлично» и он зауважал меня ещё больше. Зовёт к себе чайку попить. Я обрадел, хоть по-домашнему позавтракаю, небось к чаю чего-нибудь домашнего подадут – пирогов с капустой, али шанег с картошкой, а то казённые сухари страх как надоели. Пошёл. Чаем угостили хорошим, с заваркой и сахаром, а вот пирогов или шанег не было. Видать Ленинова баба была шибко нехозяйственная, домашнее печь не умела, принесла на тарелке те же казённые сухари.

Ну ладно, робята, заговорился я с вами, а время идёт,

работа стоит. Давайте, марш по своим ребячьим делам, а я своими займусь. Ужо потом ещё поговорим.»

Вот такие байки нам и рассказывал Семён Митриевич. Видимо и сам получал от своих рассказов удовольствие.

Дом, в котором жил Семён Митриевич, вообще-то строго говоря ему не принадлежал. Дом этот ещё до революции построила наша родня для Александра, старшего брата моего деда, когда тот вздумал жениться на самой красивой и самой бойкой девке в деревне и волости – Ульяне. Многочисленная родня быстро и дружно справила этот громадный дом, после венчания три дня правили в нём свадьбу, а затем молодожёны остались в нём вдвоём, начинать свою жизнь с нуля, раз захотели жить отдельно. Счастливые молодожёны начали азартно строить свою жизнь, работали с утра до ночи. Начали обрывать хозяйством, появились лошади, коровы, овцы. Между делом вскорости завели детей, для начала – первого мальчишку, а вторую – девочку. Солидные мужики уважали Александра за его трудолюбие и хозяйственность. И жизнь вырисовывалась в будущем вполне замечательная, но как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. Зимой, работая на лесозаготовках, Александр надорвался, простудился на морозе и проболев несколько дней умер совсем молодым. Ульяна осталась с двумя малолетними детишками на руках и большим хозяйством на шее. В деревне одной женщине без мужских рук с таким хозяйством не совладать и Ульяна, баба мудрая, несмотря на несогласие родни, привела к себе в дом мужа – примака Семёна Митриевича Кислицына, который страшно довольный происшедшим зигзагом своей судьбы и перспективой встать во главе справногo хозяйства тут же зазнался, задрал нос и прекратил знаться со своей роднёй – Пучиничами. Но не тут-то было. Ульяна – баба властная и мудрая, тут же расставила все точки над «и»:

- «Сенька, ты должен понять, что каждый сверчок должен знать свой шесток. Если хочешь со мной жить, то должен робить, как робил мой покойный Александр, а больше тебя ничего не

касается, хозяйство я сама буду вести. Если не согласен, катись взад к своим Пучиничам.»

Держала она своего примака в ежовых рукавицах, так что он и пикнуть не смел. Однако, всё-таки спроворили они общую дочь с редким именем Мавра, по деревенски – Мавруха. Как-то раз воскресным летним днём Семёна Митриевича, спавшего на печке, Ульяна разбудила с раннего с ранья: «Сенька вставай, хватит дрыхнуть! Сегодня большой праздник – Троицын день. Давай иди на двор, неси поболее дров и растапливай печку, я решила сегодня блинов напечь. Вот только схожу на колодец за водой». Семен Митриевич как молодой спрыгнул с печки и побежал за дровами. Небывалое дело – появилась перспектива в кои-то веки блинов поесть. Он натаскал дров, растопил печку, не жалея берёзовых поленьев и стал дожидаться Ульяну с водой. Время идёт, печь протопилась, а хозяйки всё нет. Может забыла про блины? Семен забеспокоился:

- «Куда баба пропала? Ушла и как дом построила».

Ещё немножко подождал и пошёл искать. А с Ульяной случилось следующее. У Лазаревского колодца, куда она пришла за водой встретила с Максимовной. Об этой пожилой женщине следует рассказать немного поподробнее. Она была самой скандальной женщиной в деревне, за что заслуженно носила прозвище «Стерва-баба». Любой разговор с кем бы то ни было у неё всегда заканчивался ссорой и руганью. Правда мужиков она побаивалась, так как они и отмают могут, а уж с женщинами не стеснялась и не церемонилась и победа в словесной баталии всегда была на её стороне. Говорили, что если Максимовна в течении дня не разругается с двумя-тремя человеками, то считает что зря день прожила.

Так вот, Ульяна у колодца и встретила с этой самой Максимовной. Сначала мирно поговорили о погоде, о деревенских новостях, о том что в это лето грибов в лесу много, а вот черники неросло. Но внутренний голос так и подзуживал Максимовну устроить хоть какой-нибудь скандал, хоть какую-нибудь ругань и она начала задирать Ульяну:

- У тебя, Уляха, в в хозяйстве и тут неладно и там не хорошо!

- На себя посмотри. – невозмутимо парировала Ульяна.

- Ты, Уляха, всю жизнь такая да эдакая!

- Сама такая. – следовал ответ.

Невозмутимость ответов окончательно распалили Максимовну и её понесло, на голову невозмутимой Ульяны полился бурный поток ругани, состоящей из существительных, прилагательных и всех остальных частей речи. Когда словесный поток иссяк, так и не оказав никакого действия на спокойную Ульяну, Максимовна замолкла от изумления и не найдя больше слов, прибегла к крайнему, по её мнению, самому действенному способу вывести соперницу из себя. Она резко повернулась спиной к Уляне, резко нагнулась и забросила заднюю часть подола своей широкой юбки себе на спину:

- Вот тебе, Уляха!

В те годы пожилые женщины под своими широкими юбками из тяжелого домотканого полотна каких-либо трусов или панталон не носили даже зимой. Очевидно не было необходимости. Максимовна, видимо, рассчитывала своим экстравагантным действием испугать Ульяну и ожидала, что та испугавшись убежит с воплями, обеспечив Максимовне абсолютную победу, но не тут-то было, не на ту напала. Уляна даже бровью не повела:

- Эка невидаль! Испугала солдата голой жопой! А это вот тебе! В ответ!

И повернувшись спиной к Максимовне сделала тоже самое.

Положение серьезное, кто первый встанет и опустит юбку, тот проиграл.

Представляете картину, ранним утром в центре деревни у общественного колодца, стоят две женщины повернувшись голыми задами друг к другу. В этот момент и появился Семён Митриевич, ищущий свою хозяйку. Он был первым узревшим это противостояние. Семён тут же начал болеть за свою жену

и желать ей победы. Но с другой стороны ему очень хотелось горячих блинов, а дело с их выпечкой могло затянуться. Природная деревенская сметка подсказала Семёну единственно правильный выход:

- Уляха! Печь-та уже протопилась! Беги домой, пеки блины! А я за тебя постою!

Максимовна взвилась:

- Ишь чего захотел! Не буду с тобой. Сенька, стоять!

И опомнилась, она же первая распрямылась и опустила подол, значит – проиграла. Костеря весь белый свет, законы и мать-природу понеслась себе домой переживать позорное поражение. Весть об этом молнией разнеслась по деревне и вызвала великий восторг и всеобщий злорадный хохот. Впервые за всё обозримое время Максимовна была побеждена! Небывалое дело! А виновница новостей целый день просидела в своей избе, занимаясь переживаниями. А когда появилась на улице сразу стала всеобщим объектом насмешек, не всегда цензурных. Это всё так повлияло на скандальную старуху, что с этих пор она прекратила свои бесконечные скандалы и повела себя ниже травы, тише воды.

Ульяна умерла то ли в конце войны, то ли сразу после неё. Сына её, Семёнова пасынка, убили на войне. Дочь несколько лет назад завербовалась на Дальний Восток ловить рыбу. Да и пропала куда-то, ни слуху ни духу от девки. Дочь Мавруха вышла замуж и жила на Севере, около Воркуты, тоже не появляясь в деревне. И остался Семён Митриевич жить втроем, с Марией, вдовой своего пасынка и её малолетней дочкой Нинкой. Наконец-то исполнилась его мечта и он стал хозяином в доме. Хотя какое это хозяйство? Немудрящая коровенка, пяток кур, да иногда поросёнок. Больше колхозникам держать скота не разрешалось, да и за этих надо было платить обязательный налог, за корову – молоком, за кур – яйцами, а если поросёнка забил – сдавай шкуру. Но тем не менее Семён Митриевич как-никак был старшим в доме.

Спустя много лет, я к тому времени уже взрослый,

самостоятельный человек изредка приезжал в деревню, на свою малую родину проведать своих родителей, Встречали они меня всегда с безграничным родительским радушием, и что характерно, спать всегда укладывали на кровать, где я спал в детстве. С самого начала пребывания, здесь окутывала какая-то умиротворяющая атмосфера. Тишина неправдоподобная. Ни стука, ни скрипа, ни трамвайного лязга. Воздух – чистейший, напоен ароматами клевера и скошенной травы. Казалось бы спи себе. Пользуйся моментом, отдыхай без забот и суеты, так нет же, не тут-то было, почему-то не спится и утром встаёшь с ранья вместе со всеми. Ну, а раз проснулся и встал надо, как и в детстве, идти на крыльцо посмотреть чего и как. Вышел – и надо же – на соседнем крыльце как и несколько десятилетий назад сидит Семён Митриевич и ковыряется с какими-то домашними делами. Годы, видимо, пролетели мимо него и нисколько не повлияли, каким он был, таким остался. Увидев меня, буднично, как будто вчера виделись, здороваются первым:

- Здравствуй, Петрович!

- Здравствуй, Семён Митриевич!

- Петрович, ты ничего не знаешь?

- Нет, Семён Митриевич, ничего не знаю.

- Я, Петрович, тоже ничего не знаю.

Но в этот раз разговор продолжился и дальше:

- Когда приехал, Петрович?

-Вчера вечером Семён Митриевич, вот первую ночь переночевал. Надо было родителей проведать, посмотреть как старики поживают.

- Это ты молодец, что деревню не забываешь и родителей проведать приезжаешь.

И после небольшой паузы делает философический вывод:

- Родина влечёт!

И начинает скручивать цыгарку.

- Семён Митриевич, зашёл бы. Чайку попьём и так далее.

- Зайду, Петрович, зайду. Давай говори матери. Пушай ставит самовар.

- Самовар-то, Семён Митриевич, давно готов. На столе стоит, попыхивает, нас ждёт. Так что давай заходи.

- Сейчас, сейчас, раз такое дело.

Снял свой рабочий фартук, пошёл умылся, сменил рубаху на новую и заявился к нам на чаепитие.

За столом начались разговоры и расспросы. Как нынче жизнь в городах? Каковы перспективы развития космоса? Дружбу с Кубой надо бы продолжить, вон в сельмаге сахар завсегда есть. В Африке государств многовато развелось, им бы, африканцам, сначала работать научиться, а потом свои государства объявлять. С Китаем тоже бы надо подружннее жить, как раньше при Сталине, их китайцев – много развелось, каждый по дереву срубит – и полтайги нету. В общем поговорить Семён Митриевич был всегда горазд, а уже если примет две-три рюмки, то воспоминаниям и бывальщинам из своей жизни у него не было конца. Правда, к тому времени относительно их правдивости и достоверности я относился с большой долей скептицизма, но в памяти Семёновы рассказы в значительной части сохранились, правда чтобы воспроизвести их все, надо писать отдельную книгу толщиной пальца в три. Так что это как-нибудь потом. Если будет желание.

ЧАСТЬ IV. ПРО ПЛЕННЫХ НЕМЦЕВ

О великих трудностях жизни гражданского населения нашей страны во время Великой Отечественной войны писано и переписано великое множество материалов во всех возможных видах. Однако представить трудности жизни тех лет, на мой взгляд, может только человек их переживший, а не узнавший об них из средств информации. Мы, дети войны, малолетние в те годы школьники начальных классов, помним те лихие годы. Но наши впечатления и воспоминания могут крепко отличаться от воспоминаний взрослых людей, работавших в те годы чуть ли не круглые сутки. А что делать? Основной трудоспособный народ мужчины – были на войне (как теперь считается через войну прошло 35 миллионов мужчин), а работа-то осталась, она не куда не делась, и выполнять её пришлось женщинам, пожилым не пригодным к военной службе мужчинам и парням, только что вышедшим из подросткового возраста. А нам деревенским пацанятам казалось, что так было всегда, довоенную жизнь мы не помнили, конфет, пряников и других лакомств не знали и не видели, да и зачем они нужны, если и так полно всяких вкусностей – горох и турнепс на колхозных полях, пескарей и другой рыбной мелочи полно в реке, в лесу полно грибов и ягод: черники, морошки, княженики, брусники, клюквы. Чего еще надо? Мы понимали, конечно, что идёт великая война, наши отцы и старшие братья на этой войне бьются с немцами, а вся страна, весь народ трудится под святым лозунгом – «Всё для фронта, всё для Победы!» и старались своим поведением не особенно огорчать родительниц, помогая им, где возможно в этой нелёгкой жизни.

Невелика наша деревня, всего-то около тридцати дворов, и народу в ней проживало, может быть, сотня с небольшим вместе с детьми, но и то наш колхоз «Сознание» вносил в дело

Победы пусть очень небольшой, но свой определенный вклад. Вся сельхозпродукция, которую производил наш колхоз в то время, уходила государству в счёт обязательных госпоставок. После обмолота жито (рожь) затаренное в мешки грузилось на конные повозки и обозом с красным флагом на передней телеге под руководством председателя колхоза отправлялось в Заготзерно в посёлок Луза около железнодорожной станции. Называлось это шествие «Красный обоз». Молоко с фермы два раза в сутки утром и вечером после дойки отвозилось на местный маслозавод. Свиной, а также отбракованных коров и лошадей живым весом отвозили в Заготскот. Лён после первичной обработки сдавался на льнозавод. Так что из всей производимой сельхозпродукции в распоряжении колхоза оставались только горох, турнепс и картофель.

С горохом всё понятно, эта сельхозкультура сеялась колхозом на корм скоту и скашивалась задолго до созревания, в зеленом виде – правда, мы, деревенская ребятня задолго до скашивания совершали на гороховые поля коллективные набеги и вдоволь лакомились зелёным горошком.

С турнепсом тоже понятно. Турнепс – это кормовая репа и выращивался он тоже на корм скоту и в пищу употреблялся кроме колхозной скотины только нами, деревенскими ребятами, таскающими турнепс с колхозных полей и поедающими его с превеликим удовольствием из-за чрезвычайной вкусности.

А вот с картофелем не всё понятно. Картошка на Руси издревле считалась «вторым хлебом» и была массово употребляема народом в пищу в виде великого множества приготавливаемых из картофеля прекрасных блюд. А вот во время войны эта сельхозкультура сдаче государству не подлежала. Видимо были сложности с хранением, особенно зимой. Мороженая картошка в пищу не годилась. Поэтому весь выращенный картофель оставался в распоряжении колхоза.

Ушлый председатель колхоза, стремясь хоть как-то, хоть чем-то обеспечить трудодни колхозников (была в то время такая единица измерения затраченного труда в колхозах) расширил посевные площади занятые горохом и картофелем. Горох стали растить до полного вызревания с последующим обмолотом на колхозном гумне. А после подведения итогов года горох почти полностью раздавался колхозникам на трудодни за исключением, оставленного на семена для посева на будущую весну. Дома колхозники на ручных крупорушках превращали горох в гороховую крупу, а на ручных домашних жерновах в гороховую муку. Но здесь возникала одна тонкость. Из гороховой муки не получалось испечь чего-нибудь вроде хлеба. Мудрые сельские женщины и здесь нашли выход. Зимой гороховая мука смешивалась со снегом, формировалось что-то вроде булок и срочно на противнях помещалось в раскалённую русскую печь. В результате получались воздушные, румяные, поджаристые пышки невероятной вкусноты. Мы с превеликим удовольствием в невероятных количествах поглощали это печиво, особенно в горячем виде.

Сбор картофеля также вырос, его хватало для раздачи на трудодни и значительное количество оставалось в распоряжении колхоза. Зимой председатель организовывал несколько небольших женских бригад по сушке картофеля. Сушеный картофель куда-то сбывался (не будут же местные жители употреблять в пищу подобный продукт), что и позволяло, видимо, колхозу кое-как сводить концы с концами, хранился колхозный картофель в большущем кирпичном складе со стенами толщиной в метр с железными дверьми и железной крышей, построенном ещё до революции местным купцом-льготорговцем Токмаковым Николаем Александровичем. Склад этот местным народом почему-то назывался – «палатка».

Однажды зимой со станции Луза пробился в нашу деревню сквозь леса, по бездорожью и двухметровые сугробы

гусеничный трактор. Трактор приволок за собой громадные тракторные сани, срубленные из брёвен, на которых было оборудовано нечто вроде брезентовой палатки. Проехав вдоль деревни транспорт остановился возле склада – «палатки». Ребяшня тут же сбежалась со всей деревни, это же небывалое дело, во-первых трактор, во-вторых палатка на санях, и в третьих, как они пробились по сугробам и бездорожью? Из кабины трактора вместе с трактористом вылез красноармеец-конвоир с винтовкой в руках, а из брезентовой палатки вылезли пленные немцы человек десятка с полтора.

Говорили, что в то время в Лузе был лагерь немецких военнопленных, которые работали на Лесокомбинате. Ушлый Николай-председатель, видимо, договорился на каких-то взаимовыгодных условиях с лагерным начальством о поставке картофеля, причем на условиях самовывоза и с собственной погрузкой. Вот немцы и припожаловали со своим охранником-конвоиром согласно этой договоренности.

Председатель подвез к палатке ржаную солому для устройства спальных мест, воз берёзовых дров, выдал немцам топоры и пилы, деревянные лопаты: обустройтесь ребята! Те поселились прямо в складе, устроив себе в нём вполне сносное жильё. А охранник-конвоир поселился в избе Семёна Митриевича недалеко от «палатки» и, кстати, от нашего дома. Видимо с Семёном Митриевичем подружился и на улицу почти не выходил, чего гулять в мороз? И за немцами зачем смотреть? Всё равно из этой лесной, снежной глуши никуда не убегут. Сидел красноармеец в избе, в тепле, да пил с Семёном хмельную брагу домашнего приготовления, изготавливать которую Семёнова сноха Мария была большая мастерица и у неё брага всегда была в запасе. Всегда наготове был лагун этого забористого питья. Трактор за картошкой приходил раз в два, а то и в три дня. Всё-таки путь составлял семьдесят верст сюда, да столько же обратно, не ближний свет, поэтому свободного

времени у немцев было предостаточно. Командовал ими то ли ефрейтор, то ли фельдфебель и чувствуется, что была у них должная дисциплина. Они очистили от снега прилегающую к «палатке» территорию и поддерживали порядок, каждый день убирая снег. Даже, к великому изумлению деревенского народа, сбросили снег с крыши, чего испокон веков никто никогда у нас не делал. У немцев в режиме жизни был, видимо, определённый строгий распорядок. Утром под командой своего ефрейтора все выбегали на улицу делать утреннюю физзарядку, после которой осуществлялась пробежка вокруг «палатки» по расчищенной от снега территории, после чего все шли в склад на завтрак, благо еды было вдоволь – полные сусеки картошки. Далеко от своей резиденции немцы уходить не смели, потому что уж очень недобро на них смотрели женщины, так как мужья у всех у них, естественно, были на войне. Зато у нас у деревенских пацанов появились новые очень ответственные дела. Мы негласно чувствовали себя в состоянии войны с немцами. А это состояние требовало действий. Ребята собирали на дороге замерзшие лошадиные навозные катыши, которые в обледенелом виде представляли из себя прекрасное оружие для метания. Назывались эти округлые ледышки «снарядами». В сугробах вокруг картофельного склада были созданы секретные хранилища для «снарядов». Когда немцы выходили на улицу подышать свежим воздухом или по другим своим делам, дежурные разведчики подавали сигнал и наша ребячья армия с воплями: «В бой! В атаку!» налетала на них, залпами бросая ледяные катыши. Немцы предпочитали не связываться и укрывались за металлической дверью своего убежища. Это вызывало у нас бурю восторга: «Ура! Наша победа! Дойдём до Берлина!».

Так что спокойная жизнь у обитателей «палатки» была только в первой половине короткого зимнего дня, пока ребятня была в школе. А после школы всегда была открыта возможность попасть под внезапную атаку.

Однажды мать преподнесла мне невообразимый подарок. Где-то сумела достать новые валенки. Эти новые серые валенки ручной катки, да ещё в комплекте с парой новых портянок из жёлтой байки произвели на меня потрясающее впечатление. Несколько дней я только и делал, что любовался на покупку, только что не тащил эти валенки с собой в кровать отходя ко сну. А в воскресенье, день свободный от школьных занятий решил выйти в новых валенках на улицу и пофорсить ими перед своими друзьями. Ожидания оправдались. Обновка повергла моих приятелей в завистливый шок. Задирая нос и манерно щеголяя перед друзьями, я упивался произведенным эффектом. Как вдруг примчался дежурный разведчик и, задыхаясь от спешки, сообщил, что немцы вышли на улицу. Армия мальчишек мгновенно привелась в боевую готовность (совсем не так, как была готова Красная Армия под командованием и руководством начальника Генерального штаба тов. Жукова Г. К. к утру 22 июня 1941 года!) и бросилась к своим арсеналам «снарядов», а затем и в атаку. Воодушевленный всеобщим вниманием к своим новым валенкам и чувствуя свою особенность перед другими, я проявил излишнюю отвагу и оказался впереди атакующих. Первым подбежав к не успевшим убраться немцам, со всего размаха метнул ледяной катыш и попал в лицо молодому немцу. Тот пошатнулся, мгновение приходил в себя, а затем кинулся за мной. Я через сугробы метнулся прочь и рванул к своему дому, проваливаясь в мягком снегу почти до колен. Новые валенки были чуть великоваты, в результате один валенок в попытках свалился с ноги и остался в сугробе, а домой я примчался в одном валенке с новой байковой желтой портянкой на другой ноге. К счастью матери дома не было, переобувшись в старые валенки бросился обратно на улицу искать новый валенок, оставленный где-то в сугробе. Битва к тому времени уже закончилась, как всегда нашей победой. Наши бурно торжествовали, однако я испортил торжество сообщением о постигшем меня несчастье. Все тут же кинулись помогать в поисках оставленного в сугробе валенка. И напрасно я им сказал. Сугроб тут же оказался истоптанным

как стадом лошадей, после чего найти что-либо было уже невозможно. Единственно чем смогли помочь мои друзья, так это советом ждать весны, снег растает и валенок появится на виду (как будто я сам этого не знал), но другого выхода не было, придется ждать весны. Дома я спрятал уцелевший валенок за печкой и стал ходить в старых. Мать поинтересовалась: «Что это ты, сынок, новых валенок не носишь? Всё в старых, да в старых.». Пришлось врать и изворачиваться: «Да старые ещё хорошие можно ещё носить и носить, а новые я поберегу до следующей зимы, тем более они чуть великоваты». «Это ты молодец, сынок, что бережешь вещи. Всегда так поступай, чем лучше бережешь вещь, тем дольше она служит».

Пленные немцы, между тем, вскорости закончили отгрузку картошки в свой лагерь и засобирались уезжать на тех же тракторных санях под брезентовым тентом. Охранный красноармеец с великой скорбью попрощался с Семёном Митриевичем. Где его ещё может ждать такая сытая и теплая жизнь? Выпив на прощанье жбан Марииной браги с великим трудом влез в кабину трактора и дал команду к отправлению, забыв про свое ружьё. Спихватился только подъезжая к Погосту. Пришлось возвращаться, но винтовки в привычном месте в углу у входной двери рядом с веником-голиком не оказалось. Красноармеец побледнел несмотря на выпитую брагу, они с Семёном перерыли всю избу и еле-еле нашли искомый предмет у Марии под кроватью. Как ружьё туда завалилось до сих пор непонятно.

Отъезд пленных немцев наша ребячья армия расценила, как ихнее позорное бегство и нашу бесспорную победу, так что торжествам не было конца. А потом захватили другие не менее важные дела. Я же с нетерпением ждал весну вместе с таяньем снега. Весна естественно пришла в установленное время, снег начал таять и наконец-то растаял совсем, а валенок мой появился из-под снега на белый свет. Собственно валенком

его назвать было трудно. Находясь длительное время в талом снегу и в талой воде валенок разбух, увеличился в размерах и размяк. Когда я схватил его, то понял что это теперь уж и не валенок вовсе, а куча шерсти в форме валенка. Пришлось во всём сознаться матери. Мать хоть и имела педагогическое образование, но в практическом моём воспитании широко применяла народные методы и за потерянный валенок задала мне хорошего дёру отцовским ремнём. Перенёс я это дело стойко, понимая, что сам во всём виноват, однако демонстративно орал во время экзекуции. Так что ко всеобщей вражде к Германии и немцам, напавшим на нашу державу у меня появились и личные счёты. В конечном итоге виноват был всё-таки пленный немец, погнавшийся за мной по сугробам.

Впоследствии мне по служебным делам приходилось многократно бывать в Западной Германии, тогда ФРГ, в Восточной Германии, тогда ГДР и в объединенной Германии, образовавшейся после поглощения Западной Германией ГДРии. Надо сказать, что мне нравилось работать с немцами. Это очень аккуратные и ответственные люди, обязательные в выполнении своих обещаний. Наши общие дела всегда вели честно и аккуратно, каждый пфенниг у них был на учете. Приходилось встречаться и с людьми, участвовавшими во Второй мировой войне и воевавшими на Восточном фронте. Знавал я и бывших немецких солдат, прошедших через плен в нашей стране. Вот эти бывшие военнопленные все как один очень тепло отзывались о русских людях. Видимо те редкие контакты, которые они имели с местным населением, когда жили в лагерях для военнопленных показали им, как трудно было во время войны русскому народу, какого напряжения сил всего народа потребовала война развязанная тогдашней фашистской Германией. Весь народ от подростков до стариков почти без мужчин, которые были на войне, трудился для достижения Победы. Видели они и полуголодную жизнь народа и, конечно, могли оценить во что свергла война русский народ.

Как-то однажды, будучи в Гамбурге, вечером в свободную минуту, тем более, что назавтра был нерабочий день, зашел я в небольшое кафе посидеть спокойно за кружкой пива. Количество всевозможных марок пива, разных вкусов, цветов и оттенков имевшихся в торговле, кафе и ресторанах ФРГ в то время нас просто изумляло. Мы, привыкшие к тому, что в наших российских магазинах продается в лучшем случае только «Жигулевское», а других марок днём с огнём не сыскать, конечно же, не могли разобраться в этом многообразии. Но на пиво, пользуясь такой возможностью, крепко налегали. Так и в этот раз, не разобравшись я заказал себе бокал пива поэкономичнее. И, конечно, не зная, что за марка у этого пива, ошибся. Пиво на мой простецкий вкус мне не понравилось. Не скрывая этого буркнул по-русски в очень популярной форме и достаточно громко по этому поводу свое мнение, помятуя, что в этой забегаловке в западногерманском Гамбурге понимающих русский язык нет и быть не может. И вдруг к величайшему моему изумлению пожилой и седой дядечка за соседним столиком вскинулся и бросился ко мне, обратившись на ломаном русском языке:

- Здравствуйте! Вы русский?

Деваться было некуда, я ответил:

- Гутен таг! Да я русский и горжусь этим!

- Знаете, я так давно не беседовал с русскими, разрешите мне присесть за ваш столик?

- Да ради бога! Присаживайтесь пожалуйста.

- Вы знаете, мне пришлось побывать в России, я там был во время мировой войны.

- И где вы побывали?

- Я побывал под Ростовом-на-Дону и под Сталинградом.

- Ну и как? Наподдавали вам наши ребята?

- Да уж! Попало крепко, а потом я несколько лет был у вас в плену, жил в лагере военнопленных. Мы там работали на стройках и имели некоторые контакты с населением. Там немного научились говорить по-русски. Кстати, можете меня звать сообразно возрасту на русский манер – дядя Курт. Мы видели, как тяжело живётся вашим женщинам, какие они добрые и участливые, сами жили впроголодь, а нас угощали белым хлебом!

Услышав такие добрые слова о наших людях, я проникся симпатией к «дяде Курту» и мы обоюдно решили отметить знакомство не пивом, а заказать по этому поводу кое-что покрепче, что мы и сделали.

Пока заказывали выпивку, я поинтересовался у «дяди Курта» как звали его отца. Он ответил, что его отца звали Карл. Тогда я попросил у него разрешения называть его совсем уж по-русски, как у нас зовут пожилых уважаемых людей по имени – отчеству – Курт Карлович, чем привел его в неописуемый восторг и тут же получил согласие.

У них в Германии выпивку заказывают не так, как у нас. У нас это дело более вариантное и зависит от настроения, от компании (если таковая есть), а главным образом от толщины кошелька и заказывается на вес. Жаждающий выпить может заказать сто, сто пятьдесят, двести и так далее грамм. У них нет. У них можно заказать только одну из двух доз, сказать по нашему одну из двух порций: «кляйн» или «гросс». Кляйн – это маленький глоток, гросс – это большой глоток. Если мало – заказывай по новой. Мы с моим новым знакомым, учитывая общую любовь к России и всему русскому, естественно заказывали себе порции «гросс». И, теперь можно сознаться,

дело прошлое, нагроссились подходяще. Особенно Курт Карлович, что для немца было несвойственно. Я во время беседы рассказал ему о своих детских контактах с военнопленными немцами, вместе беззлобно посмеялись над нашим детским максимализмом. Собеседник мой оказался настолько душевным человеком, что проводил меня до гостиницы, где я в ответ на внимание преподнёс ему пару деревянных расписных ложек для него и его фрау, чем его несказанно обрадовал. Мы в заграникомандировки, в качестве сувениров всегда брали поделки народных промыслов, чаще всего деревянные изделия с хохломской росписью. Следующий день был нерабочим, поэтому со вставанием и утренним туалетом я особенно не торопился. Но поскольку мы всегда и везде жили по Московскому времени, то и день у нас начинался раньше средневропейского. Так что, когда неожиданно появился Курт Карлович, я уже был умыт, одет и скучно смотрел в окно, размышляя, чем бы заняться, так что гость появился в самое вовремя, тем более, что в руках у него оказался объёмный пакет, из которого он извлёк бутылку водки «Московская» (где только откопал?) и исконная русская закуска – якобы селёдка с якобы черным хлебом. А в подарок принёс мне прекрасно оформленную книгу про город Гамбург с цветными иллюстрациями, правда, на немецком языке. Так что знакомство продолжилось.

Но несмотря на всю мою симпатию к немцам, до сих пор не могу забыть того молодого пленного немца, из-за которого я лишился новых валенок и получил хорошую взбучку. Хотя если подумать, то сам виноват. Я первый начал, залепив замерзшим куском конского навоза молодому немцу в лицо.

ЧАСТЬ V. ПРО ДЕНЬГИ

Летом деревенской ребятне – раздолье. Река Лала – рядом с деревней, купайся сколько влезет, лови пескарей и другую рыбную мелочь. Рядом лес – там любые грибы и ягоды. На склонах горы Зоюшки всегда полно крупной земляники. Можно совершить набег на колхозное гороховое поле (если поблизости нет Фёдора Карявого) и, набив стручками карманы и рубаху, всласть лакомиться зелёным горохом, можно играть в городки или в игру с битами и рюхами, которая называлась «гонять попа», можно играть в лапту с самодельным тряпичным мячиком.

Кроме того приходится помогать взрослым по дому, а иногда и на колхозной работе. Большие парни всегда брали кого-то из нас малышом к себе в помощь, когда ловили в реке рыбу бреднем. Нашей обязанностью было носить по берегу ведро с рыбой. Это оплачивалось выделением после ловли одной рыбиной на каждый ребячий нос. Как-то раз мне достался хороший язь сантиметров с двадцать длиной. Торжествующий я прибежал с полученной добычей домой, а поскольку матери дома не было, она уехала по каким-то учительским делам в Лальск и должна была вернуться только завтра, то встал вопрос, что делать с рыбиной. Уху варить мы с младшей сестренкой не умели, да и печку растапливать было категорически запрещено, поэтому после долгих размышлений решено было из рыбы сделать селёдку. Сказано – сделано. Ничтоже сумлящися обильно обваляли рыбину в соли, разрезали на кусочки и тут же с великим удовольствием всё съели вместе с внутренностями. В общем в летнее время делов было невпроворот, даже времени на сон не хватало.

Зимой всё было по-иному. В те годы, в тех краях зимы были очень снежные. Деревенские избы заваливало снегом

по самые окна. По середине деревни проходила единственная улица-дорога промятая в снегу санями, от которой отходили к избам протоптанные тропинки, а шаг вправо, шаг влево и утонешь в сугробе по пояс. В воскресенье ещё есть чем заняться, можно кататься на лыжах и санках с угоров, в том числе и с горы Зоюшки. А в будние дни только придёшь из школы и – на тебе, светлый день уже кончается, наступают сумерки, а затем и вечер, темнота. Электричества деревне не было, керосиновые лампы со стеклами были только в школе, да в колхозной конторе, а народ по своим домам вечерами сидел с керосиновыми коптилками, а когда кончался керосин, то и вовсе освещались лучиной. Мы, школьники очень любили читать книги, но родители зачастую не разрешали: «Хватит глаза портить! Прекратите читать в темноте!» Что оставалось делать длинными зимними вечерами? Правильно! Оставалось играть в карты. В карты мы играли мастерски. Во все известные игры, пожалуй кроме покера и преферанса. Особой популярностью пользовалась карточная игра «в двадцать одно» или как кратко называли эту игру «в очко». Игра в очко предусматривала игру на деньги. Денег у нас, естественно, не было и быть не могло. Поэтому играли мы на спички, поскольку спички в достаточном количестве были у каждого, так как к тому времени все мы курили. Во время войны женщины на огородах выращивали много табака-самосада, который вялился – сушился на чердаках, а затем отсылался посылками мужьям на фронт. Так что проблем с куревом у нас не было. Кроме того, между нами считалось, что раз пацан ходит в школу, то он достаточно взрослый и обязан курить. Игра «в очко» обычно начиналась с нескольких штук спичек, а иногда шли в ход и целые коробки. Как-то мне пошла «везуха» и я обыграв всех стал владельцем полшапки коробков спичек, с чем и прибежал радостно домой. Вопреки ожиданиям мать не поделила моего приподнятого настроения и выставила меня вместе со спичками из дома, наказав вернуть их где взял! Вот тебе и на! Конечно, я считал себя не настолько глупым, чтобы вернуть законный выигрыш и, проигнорировав совет матери,

спрятал спички на чердаке в своем тайнике до лучших времён. Играли в карты мы всегда в избе Вальки Токмакова по прозвищу «Шоха». Мать его Анюха Федосиха к нам относилась весьма лояльно, так что все зимние вечера мы проводили у Шохи, в избе которого и образовался наш, своего рода, карточный клуб. Атмосфера в этом «клубе» была сугубо демократическая, можно было курить сколько влезет, вести себя свободно и чувствовать себя равным со всеми присутствующими.

Как-то раз мы втроем играли в очко, естественно, на спички. Участие в игре принимали очень квалифицированные игроки, кроме меня ещё мой братан Иня и наш приятель Женя Лазарев. Игра, правда, шла ни шатко, ни валко. Как-то без азарта. Да ещё мешал Толя Чухломин по прозвищу «Тарханко». Вообще-то у ихней семьи было прозвище «Зыряне», но Толя почему-то удостоился отдельно прозвища. Толя стоял возле нас и ныл со своими просьбами принять его в игру. Вообще-то с Толей Тарханком ребята нашей деревни не дружили, общались неохотно и в свои ребячьи мероприятия практически не брали. В чём тут причина судить трудно. Возможно потому что Толя Тарханко единственный из ребят не курил, возможно потому что Чухломины жили на отшибе, несколько изолировано, в избе на самом краю деревни, на выезде. Но скорее всего причина была в Толином отце – Николе Зыре. Дело в том, что в самом начале войны на Погосте у сельсовета по повесткам собрали мужиков и парней нескольких возрастов для мобилизации в действующую армию. Из Лальска от военкомата прислали за ними несколько автомашин, а народ на проводы сбежался из всех деревень Верхне-Лалья. Людей собралось видимо-невидимо, больше чем в любой престольный праздник. Вой женщин повисших на шеях своих мужей, рев детишек, цепляющихся за своих отцов, разухабистые частушки подвыпивших парней, девичьи песни и взвизги, пляс под гармошки в нескольких местах, крики и вопли начальства, всё это создавало над площадью у сельсовета невообразимый гул. Местное начальство и представители

Райвоенкомата составляя какие-то списки и выполняя какие-то необходимые формальности пытались навести хоть какой-то порядок, но напрасно. Никто никого не слушал, все понимали – впереди война и многие из мужчин не вернутся, поэтому прощались со своими близкими навсегда.

Никола Чухломин по прозвищу «Зыря» тоже получил повестку, и явился в сельсовет. Он хоть со своей женой Марией и народил пятерых детей, из которых Толя был самым младшим, но жили очень не дружно. Виноват был, конечно, Никола, который постоянно обижал свою жену, вплоть до рукоприкладства. Когда ему пришла повестка Марья даже в душе обрадовалась, уедет муженёк – без него спокойнее. А там даст бог может убьют Николу, всё-таки война. В то утро, когда надо было являться в сельсовет, Марья проснулась затемно, не стала ничего собирать Николе в дорогу, а вместо этого навалила ему в сапог и убежала в лес.

Никола Зыря проснувшись поутру, обнаружил, что в дальнюю дорогу ничего не приготовлено, мешок не собран, Марьи дома нет и не известно где обретается, голова от выпитой накануне браги болит и в доме развал, даже позавтракать нечего. Никола от злости хлопнул оставшуюся от вчерашнего брагу, в ярости наподдавал детям и выгнал их из дому, побросал кое-какие харчишки в свой мешок-сидор и стал одеваться – пора бежать на сборный пункт. Когда натягивал на ноги сапоги, то обнаружил, что один сапог наполнен вот этим самым. В ярости залепил сапогом в божницу, обулся в старые ботинки из сыромятной кожи, в которых ходил на работу и побежал на Погост к сельсовету.

Между тем начальству с превеликим трудом удалось навести хоть какое-то подобие порядка и рассадить мобилизованных по автомашинам. Старший взмахнул рукой, грузовики тронулись, а над Погостом раздался такой дружный вой и рёв, что листья на берёзах зашевелились.

Мужики и парни ехали весело. Разгоряченные алкоголем орали патриотические песни. Обещали показать немчуре кузькину мать, а также место где раки зимуют, знакомое дело – не впервой. Никола Зыря из-за выпитой браги и не прошедшей ещё злости, начал хвастаться, что войны не боится. Она для него долго не продлится, потому что, как увидит он первого немца сразу – винтовку штыком в землю и руки кверху. Патриотически настроенные мужики, сидевшие с Николой Зырей в одном кузове ошеломленно замолчали, а потом придя в себя и пользуясь отсутствием в кузове начальства, оскорблённые в своих патриотических чувствах, провели с Николой воспитательную работу коллективно намяв ему бока, так что когда автомашины прибыли в Лальск, остановились у здания Райвоенкомата и мобилизованные мужчины были выстроены для переклички, Николы Чухломина в строю не оказалось. Нашли его лежащего в кузове автомашины с переломанными ребрами и всего остального.

Разбираться что, да как, кто да почему не было ни времени ни желания, поэтому мужиков снова погрузили в автомашины и отправили на железнодорожную станцию для посадки в вагоны. А Николу отвезли в райбольницу. После излечения медкомиссия признала его не годным к строевой службе и вместо действующей армии он загремел в трудармию для работы на шахтах то ли на Урале, то ли за Уралом, где и потерялся, по крайней мере ни известий от него, ни слуху, ни духу больше не было.

Случившийся инцидент в тот же день стал известен в деревне. Женщины Марье Прокопьевне сочувствовали и жалели её, ну а мы, патриотически настроенная пацанва, отцы которых все без исключения были на войне, сделали для себя определённые выводы. Науки о генах и наследственности тогда ещё не было и в помине, яблони в деревне в силу сурового климата не росли, но поговорка насчёт яблока, падающего недалеко от яблони была нам известна и мы дружно считали,

что раз отец Толи Тарханка собирался добровольно сдаваться немцам в плен, то и от Толи всего ожидать можно. Поэтому с ним не дружили, близко не водились и в свою компанию не принимали, то есть был он среди ребят нашей деревни своего рода изгоем.

А теперь к главному. Играем мы в карты, а Толя Тарханко ходит вокруг и надоедает просьбами принять его в игру. Ему было разъяснено, что здесь солидные люди и играют они в очень умственную игру – «очко», и играют не просто так, а на спички. А у него, как у некурящего спичек нет и быть не может, значит играть не на что, а значит ему лучше отсюда исчезнуть, а не надоедать своими просьбами, иначе он может схлопотать в ухо или по зубам. Но Толя к нашему великому изумлению достал из карманов и предъявил несколько коробков спичек. Видимо стащил у матери. Ну, а раз у человека есть на что играть, то отказывать ему нельзя, поэтому Тарханко был принят в игру и вполне естественно, что через непродолжительное время был ободран как липка, потому что должной практики игры в «очко» у него не было. Толя опять тут же начал надоедать с просьбами дать ему спичек взаймы, чтобы попытаться отыгаться и вернуть спички, где взял, иначе мать его Марья Прокопьевна спустит с него шкуру. Ему было снова разъяснено, что во время игры в «очко» взаймы давать нельзя, это очень плохая примета, и от дающего удача может отвернуться на длительное время, так что ни о каких займах речи быть не может, а значит Толе лучше отсюда исчезнуть, а не надоедать своими беспредметными просьбами, иначе он может схлопотать в ухо или по зубам. И Толя куда-то действительно исчез. Однако, через некоторое время появился вновь и притащил с собой фарфоровый чайник для заварки с отбитым носиком. Чайник был полон денег, свёрнутых в рулончики. Оказывается, Марья Прокопьевна ещё в довоенные годы подкапливала деньги и хранила их в заварном чайнике втайне от всех и прежде всего от своего мужа Николы. А Толя каким-то образом разузнал этот материн

секрет и стащил деньги вместе с чайником, чтобы было на что купить спички и продолжить азартную карточную игру. Раз человек появился с деньгами, то спички ему, конечно, были проданы, причем по весьма завышенной, можно сказать спекулятивной цене. Таким образом, в результате сделки по продаже спичек у нас появились деньги и было высказано предложение не мелочиться со спичками, а игру продолжить на деньги. Предложение было принято с энтузиазмом, и игра продолжилась в новом, более азартном качестве. Естественно, что Толя Тарханко через некоторое время проиграл все свои деньги, вместе с безносым чайником. Дальнейшие события развивались следующим образом. Марья Прокопьевна через несколько дней обнаружила пропажу чайника с деньгами и устроила детям жёсткое дознание. Однако, ничего не добились. Толя оказался человеком с твердым характером и не сознался в содеянном. Но трепки, конечно, не избежал. Марья не добившись результата от своего дознания, смирилась с потерей, а может решила, что чайник с деньгами прихватил её муж Никола Зыря, уезжая по мобилизации, пока она пряталась в лесу. А мы, обладатели денежного выигрыша оказались в чрезвычайно сложном положении. Что делать с обретенными деньгами? Как быть? Пойти в сельмаг за покупками нельзя. Продавец Иван Епафродитович обязательно начнёт выяснять, откуда у нас оказались деньги. Сообщит родителям, а это вызовет очередной этап дознаваний, что совершенно ни к чему. Вернуть деньги проигравшему? Но во-первых не положено возвращать выигранное проигравшему, а во-вторых Толя Тарханко уже получил свое от матери и вопрос пропажи денег у них в семье был закрыт. Поразмышляв, решили мы припрятать деньги до лучших времён, а там видно будет. У меня на чердаке был тайник, в котором я хранил вещи, которые не должен был видеть посторонний взгляд, вот туда мы и припрятали Марьин чайник с деньгами. Брали, конечно, изредка по рублю, потому что курить махорку было более

престижно, чем самосад. И всё было нормально, как вдруг в конце 1947 года грянула денежная реформа. В помещении почты на Погосте был организован обменный пункт и люди потянулись туда со своими сбережениями. Одновременно с денежной реформой были отменены карточки на хлеб и другие продукты и товары, которые до этих пор реализовались по карточкам. В сельпо разом завезли много товаров, в том числе водку и папиросы и народ с новыми деньгами повалили в сельмаг. Нас решение правительства повергло в шок. Что делать? Появляться на почте с деньгами нельзя, да и никто не стал бы нам несовершеннолетним менять деньги, очевидно там надо было предъявлять какие-то документы, составлять списки и бог знает, какие ещё формальности. Подумав, мы нашли выход. В деревне был взрослый парень Миша Кислицын по прозвищу «Пустяк» Был он нас крепко постарше, лет на 8–10, но любил с нами, малышней, водиться. Играл с нами в карты, вместе курил, с нашей компанией ловил рыбу бреднем. А когда поблизости не было взрослых мог вовлечь и в какую-нибудь авантюру, например, ночью на колхозной пасеке залезть в улей и полакомиться медом. Или ещё что-либо подобное. А раз, когда с раннего утра, чуть свет мы по заданию бригадира отправились в поскотину, в лес ловить своих коней там пасшихся, Миша уговорил нас не возвращаться на работу в деревню, никуда этот навоз не денется, вывезем в другой день, а махнуть верхом всей бригадой в ближайшую деревню соседней Архангельской области, посмотреть, как там люди живут. Благо тут недалеко, всего-то километров 15–20, если напрямую – лесом. Тем более он, Миша, там когда-то бывал. А действительно, почему бы и не сгонять? Никто не узнает, а бригадиру скажем, что весь день в лесу лошадей ловили. И мы всей бригадой верхом на конях, лесными тропами отправились под водительством Миши в соседнюю Архангельскую область. Первая архангельская деревенька, попавшаяся на нашем пути оказалась небольшой, всего в одну улицу. На

въезде в деревню Миша сбил нас в компактную группу и мы галопом со свистом, визгом и воплями пронеслись вдоль деревни, давя кур и другую живность оказавшуюся на нашем пути. С великим шумом проскакав деревню, остановились в ближайшем лесу. «Во, навели шороху!» – радовался наш вожак Миша Пустяк.

«Да уж, лихо пронеслись!» – подпевал ему его родственник Васька Пронькин. Домой в родную деревню возвращались ближе к вечеру, страшно голодные и очень довольные, так что хорошее настроение не смог испортить даже колхозный бригадир своими полновесными матюгами.

Попав в тяжелое положение в связи с обменом денег, мы сначала крепко затужили, а потом решили пойти к Мише за помощью. Так и так Миша, у нас водятся кое-какие деньжата, а теперь вон выдумали менять деньги на новые. Нам, конечно, не обменяют по нашему малолетству, скажут откуда взяли, да где разжились. Выручи Миша ради бога, сходи, поменяй наши деньги, ты взрослый, тебе не откажут. А когда поменяешь, разобьем их на четыре части, нас трое да ты четвёртый. Каждому по своей четвертой доле. Помоги по дружбе!

Миша тут же согласился: «Дак чего, ребята! Я с вами всегда заодно. Давайте ваши деньги, схожу, поменяю, потом поделим, ни одна вошь не узнает!»

Передали мы ему наш капитал, предварительно, конечно, пересчитав, и Миша отправился на Погост, а мы стали с нетерпением ждать его возвращения. Вернулся наш посол с Погоста поздно вечером распянехонький непрерывно курящий папиросы «Казбек». Зашел в свою избу, грохнулся на топчан и тут же захрапел. Так что разговора не получилось, и узнать результат похода на Погост нам не удалось. Назавтра чуть свет, мы уже у него.

- Ну, Миша, кажи какие они новые деньги, и давай быстренько поделим!

Но Миша не торопился, он достал из коробки и аппетитно закурил папиросу «Казбек» (не предложив нам) и, попыхивая ароматным дымом в нашу сторону, изрёк:

- Вот что, ребята! Деньги я поменял, но условия дележа меняются! Делим на две части, одну часть вам, другую часть мне. Ну как согласны?

- Да что ты, Миша, такое говоришь! Нас трое, а ты один. Мы же договаривались по равному разделить на четыре части.

- Мало ли как мы договаривались! Ситуация изменилась, условия теперь другие. В общем или вы соглашаетесь делить пополам, на две части или я вам вообще ничего не дам. Можете на меня жаловаться! Хоть в сельсовет, хоть куда! В общем, идите – думайте, сроку – сегодняшний день. А потом я начну эти деньги в дело пускать.

Знал ведь зараза, что жаловаться мы никуда не будем. Ушли мы несолоно хлебавши. Когда первое стрессовое потрясение прошло, стали думать, как быть. Как нам разобраться с этим Мишей Пустяком и вернуть свое. День не прошёл даром, выход из положения мы придумали.

Вечером снова заявили к нему в избу. Он даже, похоже что обрадовался:

- Пришли значит!. Ну молодцы, раз со мной решили согласиться. Сейчас я вам вашу половину отдам.

- Подожди, Миша, с половиной. Мы сегодня время даром не теряли, керосин собирали, часть у родителей из ихних запасов отлили, часть у Павлинка-тракториста на махорку выменяли, так что сейчас у нас керосина два бидона в заначке спрятано.

А теперь слушай сюда. Ты отдашь нам все наши денежки до копеечки. А если не отдашь, тогда сегодня, а может через три дня, а может через неделю, а может через десять дней, мы ночью припрём дверь твоей избы снаружи колом, натаскаем под окошко соломы из омёта, что за твоим домом в огороде, обольём керосином и запалим. А когда народ на пожар набежит, и, мы прибежим посмотреть сумеешь ты из избы с нашими деньгами выбраться или не успеешь. Так что решай. Миша по характеру был крепко трусоват, да и нас хорошо знал, поэтому сразу же смекнул, что переборщил в отношении нас, и мы не отступим и не пойдём на его нахальные условия.

- Да что вы, робята! Это я вас просто проверял, а сейчас вижу, что вы парни твердого характера, с вами можно иметь дело. А деньги вот они, полностью. Закуривайте, вот папиросы «Казбек», да и приступим к разделу по первоначальному вашему условию.

Новые деньги мы сначала внимательно рассмотрели, а потом пересчитали. Оказывается, после обмена Миша из наших общественных денег истратил тридцать рублей на водку и папиросы, поэтому и вернулся с Погоста пьяный.

- Ну вот что, Миша. Не мы первые предложили изменить договоренность по деньгам, а ты. Мы с тем чтобы изменить условия согласны. Тридцать рублей ты издержал, вот тебе еще тридцать на водку и папиросы и будь доволен, никакой четвертой части не получишь. И не советуем вякнуть кому-нибудь обо всём этом. Имей ввиду, что керосин у нас хоть и припрятан, но всегда под рукой.

На этом история с обменом денег и закончилась. Пришло время и мы закончили Верхне-Лальскую семилетнюю школу и пришлось из деревни, хоть и с великой неохотой, но уезжать для продолжения учёбы. Перед отъездом оставшиеся деньги мы поделили по-братски на троих и разбежались с этим начальным

капиталом в разные стороны искать свою судьбу. Не знаю, как моим поделщикам, но мне эти лёгкие деньги счастья не принесли. Наоборот принесли одни заботы и огорчения.

После окончания семилетки решил я (по согласованию с родителями) для продолжения образования поступить в среднюю школу в Лальске или в Лузе. И решил побывать в этих городах (тогда Лальск был ещё городом). Чтобы посмотреть чего и как, после этого и решить в какую среднюю школу проситься для дальнейшей учёбы. Первоначальным вариантом была Луза. Все-таки не только город, но и железнодорожная станция. Вот туда я и поехал. И сразу же появились проблемы.

Началось с того, что когда я добрался до Лальска, то проголодавшись стал искать место, где бы поесть. В те годы в Лальске единственным пунктом общепита была «Чайная». Она совмещала в себе функции столовой, кафе-забегаловки и ресторана. То есть кроме чая в этой чайной были и первые блюда и вторые и пиво и даже водка в разлив. Естественно были и официантки, причём после принятия заказа, они требовали деньги в качестве оплаты за заказ вперёд. Мало ли что, их можно было понять. Я заказал себе обед и вытащил свои деньги для расчёта, а они в то время были больших размеров и у меня в руках была солидная пачка. Только официантка отошла, как ко мне за стол подсели два взрослых парня, видимо из местной шпаны и мне незнакомому мальчишке начали жаловаться на жизнь. И жизнь-де у них плохая, и голова-де с похмелья болит и подлечиться нечем. На мой вопрос, я то тут причём, было разъяснено, что у меня целая пачка денег (они видели), а у них нет ни копейки, и будет хорошо если я поделюсь с ними, тем более, что и бог учил помогать ближнему. На мой вопрос, что будет если я откажусь, было разъяснено, что по виду я парень не глупый и должен понимать, что деньги – это бумага, а здоровье дороже любой бумаги и продемонстрировали из-под пиджака финку. Аргументы показались мне очень убедительными и я

выдал каждому по тридцать рублей на бутылку водки и закуску. Когда добрался до Лузы, пошёл переночевать к родственникам. Особенно обрадовался моему приезду двоюродный брат Симка (Серафим по документам), тут же потащил показывать город и знакомить со своими друзьями. Друзей набралась целая орава, Симка гордо меня рекомендовал: «Это мой братан из деревни!» Ребята встречали меня приветливо. После шумной прогулки по Лузе, вся группа оказалась в какой-то забегаловке, где поили разливным пивом (бутылочного тогда не было) и прочим. Там вдруг обуяло меня хвастливое тщеславие. Подумаешь они городские, а я из деревни!

- Пейте, ребята! Я за всех плачу!

Так что назавтра утром после этого куража обнаружилось, что моя денежная пачка крепко потоньшела. Из-за этого ли или по другим причинам в том числе и потому, что Луза мне показалась очень песчаным поселением, все улицы утонули в песке, никакой зелени, но решил я поехать в Лальск. Хотя, конечно, смущало наличие в Лальске парней с финскими ножами. Зато город очень зеленый, старинный, с несколькими церквями. Так поехал я обратно, а когда в Лальске вышел из автобуса, то обнаружил, что денег в кармане не оказалось, или я их в автобусе невзначай вытряс, или кто-то вытащил. Таких специалистов в те годы много было. Так что остались при мне только деньги, выданные родителями и зашитые в потайной карман.

После этого я на всю жизнь пришёл к выводу, что деньги нажитые несправедливым путем не принесут ни пользы, ни счастья, с ними только одни огорчения и неприятности. Правда, теперешние скороспелые российские богачи, которых почему-то называют олигархами, похоже совсем не разделяют эту мою точку зрения.

Нахватав во время Ельцинского бардака собственности

и заимев баснословные состояния получают они сейчас умопомрачительные барыши. Вместо того чтобы вкладывать деньги в развитие и расширение производства, вкладывать в российское хозяйство, в промышленность, в транспорт, в сельское хозяйство, находящееся не в лучшем состоянии или даже поступать, как дореволюционные меценаты – строить церкви, приюты для бездомных людей, народные школы, теперешние богачи-олигархи при молчаливом согласии и попустительстве (а может быть и при помощи) властьпредержащих вывозят за границу многие сотни миллиардов долларов и бесстыдно их тратят там. Покупают особняки, футбольные клубы, строят яхты с вертолётными площадками и мини подводными лодками, удивляя местных жителей устраивают гульбища на разных Лазурных берегах. Одна итальянская газета даже удивлялась в своей статье факту, как четверо российских граждан пообедав в ресторане оставили официанту на чай четыре тысячи евро. Да и хрен бы с ними, пусть тешатся сообразно своему воспитанию и моральному облику, всё равно больше желудка за раз не съедят, два костюма одновременно не оденут, и умрут в положенное время как и все не взяв с собой в гроб свои миллиарды. Но как говорил таможенник Верещагин в незабываемом фильме «Белое солнце пустыни»:

- За Державу обидно!

Что это за порядки, когда власти позволяют несправедливо заработанные на расхищении недр, лесных богатств и других ресурсов внутри страны денежные средства неограниченно вывозить за рубеж и там расшвыривать их доморощенным «капиталистам», как загулявшим купчикам в придорожном трактире?

ЧАСТЬ VI. ПРО МОЕГО ДРУГА ВАСЬКУ ПРОНЬКИНА И ПРО НАШИ С НИМ ОХОТНИЧЬИ ДЕЛА

Дом Семёна Митриевича стоял рядом с нашим, но чуть ближе к реке, а за ним чуть повыше напротив кирпичного склада, который почему-то, как уже говорилось, называли «палаткой» стоял дом, в котором жил мой друг Васька Пронькин. Вообще-то у ихней семьи фамилия была Кислицыны, но их звали Пронькины, скорее всего для отличия от остальных Кислицыных, Пронькиными их звали не просто так, а по деду, которого звали Прокопий, следовательно Проня, следовательно Пронька. Дед, конечно дело, давно умер, отец, как и все наши отцы был на войне, мать Апполинария, по-деревенски – Полинаха работала в колхозе, а дом вела бабушка – Устинья. Детей в семье было трое – старший Шурка по прозвищу Полоротый, потому что из-за постоянной забитости носа соплями, Шурка дышал постоянно широко раскрытым ртом. Младший Толя родился перед войной и пока был маленьким. Носил штаны на помочах, у штанов была вырезана промежность, так что Толя мог справлять любую нужду не снимая штанов. О детских горшках тогда в деревне и понятия не имели. Поэтому когда Толя верещал: «Какать хочу!» бабушка Устинья хватала его за шкурку и тащила в огород на грядки приговаривая: «Толя – какать на огородчик, Толя – какать на огородчик!» Видимо чтобы не пропадало добро. Поэтому у пацана было сложное прозвище «Толя Какать-На-Огородчик». А в общем Пронькины были семья, как семья, ничем от других не отличавшаяся. Единственно может быть то, что в деревне бытовала пословица: «У нас не у Пронькиных, за столом не пердят!» Жили они зажиточно, но по-видимому экономно. Рассказывают, что когда Полинахин муж Николай, как и все другие мужики получил из военкомата повестку и должен был бежать в сельсовет для дальнейшей отправки на военную

службу, Полинаха утром прибежала к соседке Уляхе: «Ульяна, дай займы криночку молока!»

«А чего это тебе приспичило?»

«Дак мужик мой Николай на войну уезжает, повестку получил. Надо накормить перед отъездом!»

«А у тебя что, корова доить перестала?»

«Дак что ты, Ульяна, господь с тобой, доится, хорошо доится. Вот сегодня десять кринок дала».

«Тогда, чего, Полинаха, просишь, если у тебя своего молока полно?»

«Дак я все десять кринок на сметану поставила, трясти жалко!»

«Причина сурьезная, а кормить мужика надо. Чай на войну идёт, а там и убить могут. Мало ему будет одной кринки, возьми две, пусть поест напоследок как следует, да меня на войне вспоминает».

Мы с Васькой были одноклассники-ровесники, дома наши стояли почти рядом, да и жили в конце деревни, поэтому были друзьями неразлей-вода. Всегда заодно. Все ребята это знали, привяжешься к одному – будешь иметь дело с двоими. Поэтому нас побаивались, а мы наоборот никого не боялись. И всегда и везде были вместе. Чем отличается деревенская ребятня от городской? Отличий масса, тут и уровень развития и умение обращаться с инструментами (топор, пила, молоток и т. д.) и умение физически трудиться и умение ориентироваться в лесу и чистота речи и многое, многое другое. Однако, на мой взгляд, главное различие деревенских и городских ребятшек в том, что (по крайней мере так было в наше время) городские дети без обуви только спят ночью, а деревенские не знают обуви от

снега до снега. Носятся босиком и по деревне и в реке и в лесу и по кошенине (по скошенным лугам) и по стерне на сжатых полях. И вот это постоянное соприкосновение с матушкой землёй даёт свой результат. Деревенские люди и физически и морально крепче городских. Правда, деревенские мальчишки и девчонки вследствие босоногой жизни были зачастую сопливее городских. В нашей деревне этим особенно отличались ребята Пронькины. Как-то раз Васькин дядя Федюня Карявый смотрел – смотрел на него и с недоумением спросил:

- Васька! Откуда у тебя такая оказия соплей?

Не получив ответа задумался и сделал глубокомысленный вывод:

- Это у тебя парень, наверно, от деда Проньки наследство. Он тоже соплястый был!

А потом, желая всё-таки ободрить, приунывшего моего друга обнадежил:

- Ты, Васька, не унывай и шибко-то не тужи. Красавец он и сопляк красавец.

Пришло время и мы с моим другом пошли в школу, в первый класс. Было это в 1943 году в самый разгар Великой Отечественной войны. Начальная школа находилась в селе Погост, в километре от нашей деревни. В школе было два параллельных первых класса. Одним классом заведовала Лазарева Ольга Васильевна, а другим – моя мать. Мать, конечно, записала нас с Васькой Пронькиным в свой класс. Должен вам доложить, что учиться в классе своей матери – самое тяжёлое дело. Во-первых, сидеть приходилось только на первой парте. Во-вторых, поворот головы вправо-влево считался грубейшим нарушением классной дисциплины. Но к этому ещё как-то можно было привыкнуть. А вот главной несправедливостью было то, что мне не ставились оценки выше троек. В конце, концов, я

взбунтовался, Васька поддержал меня, и мы самовольно перешли в класс Ольги Васильевны. Никакие увещания и беседы не смогла нас вернуть обратно, мы проявили достойную твердость характера и вообще заявили, что если нас уберут из этого класса, то мы вообще учиться не будем. Так что на нас махнули рукой. Учился Васька хорошо. Мы все в то время старались учиться хорошо. Видимо, постоянное напоминание учителей, что только хорошей учёбой можно порадовать своих отцов, которым очень трудно на войне, давало свои результаты. Как-то Ольга Васильевна проводила с нашим классом подобную беседу и кто-то с задних парт выкрикнул: «А я знаю кто у немцев главный! У них Гитлер главный» Тут же возник мой друг Васька: «А я про Гитлера песню знаю!» Ольга Васильевна опешила: «Какую ещё песню? Ты что говоришь, Кислицын?» Васька воспринял это как приглашение поделиться своими знаниями. С готовностью вскочил из-за парты, выбежал перед классом к доске, одернул рубаху, вытер под носом кулаком, откашлялся, набрал полную грудь воздуха и заорал, что есть мочи, изображая пение своей, видимо собственного сочинения песни:

«Гитлер в синем балахоне

Улетел под небеса!

Сначала яйца упали,

А потом и колбаса!»

Глаза Ольги Васильевны округлились, она махнула рукой, что урок досрочно закончен и пулей вылетела из класса. Из учительской долго ещё слышались приступы хохота нашей учительницы, а реакция в классе была совершенно другой. Ребята кинулись к певцу:

- Васька, спой ещё раз! Васька, научи нас этой песне!

Мой друг, купаясь в лучах всеобщего признания, не стал

чиниться и с удовольствием выполнил все просьбы. В результате после уроков ребята ушли домой дружной группой, хором исполняя понравившуюся всем антигитлеровскую песню.

В те времена обязательным было начальное четырехклассное образование. По окончании четвёртого класса устраивались выпускные экзамены, и успешно их выдержавшим школьникам вручалось специальное «Свидетельство» об окончании четырех классов и получении начального образования. После этого каждый был волен решать, учиться дальше или нет. Хотя школа в селе была семилетняя, многие дальше учиться не хотели. Читать – писать умею. До тысячи считать умею, чего ещё надо? И уходили из школы работать в колхозе. Окончившие четырехлетку считались уже большими ребятами и этому тоже были свои причины. Идти в школу в первый класс семи лет от роду, как мы с моим другом, хотели немногие. Шли в восемь, девять и даже в десять лет особенно из дальних деревень, плюс к тому некоторые умудрялись сидеть по два года в одном классе, так что большинство заканчивало четыре класса в 13 или даже в 14 лет. Мы с Васькой добрались до четвертого класса, когда война уже закончилась и наши отцы живы – здоровы вернулись домой. Во время войны жили плоховато, мать, чтобы прокормить нас распродала очень много вещей: велосипед, отцовское ружьё, кое-что из одежды, но сохранила две поллитровые бутылки водки, так как была уверена, что отец с войны вернется и возвращение надо будет отметить. Когда отец вернулся с войны – вся грудь в наградах, набежала родня, начались ахи и охи, что было в доме из еды оказалось на столе и вот тогда мать к великому изумлению всех, забывших, как водка пахнет, водрузила на стол эти две заветные довоенные бутылки с водкой. В самый разгар застольных разговоров, я забежал на кухню, и там на столе обнаружил гранёный стакан на две трети наполненный какой-то прозрачной жидкостью. Понюхав, обнаружил, что запах очень противен, но решил попробовать и залпом хлебнул содержимое. Как оказалось, это была водка. Вот тогда я впервые попробовал

этот национальный русский напиток. И с тех пор потребляю его с некоторым чувством отвращения.

В честь окончания четвёртого класса и завершения начального образования, Николай Иванович подарил Ваське, имевшееся у него двуствольное охотничье ружьё:

- Ну, сын, ты уже большой, вот тебе двухстволка! Охотничай, а я уже стар становлюсь для этих дел.

Подарок этот вознёс Ваську на невообразимую высоту. Ни у кого из ребят не было, да и быть не могло такого сокровища. Даже со мной он начал разговаривать свысока и через зубы. А у меня этот подарок вызвал великую зависть. Раньше Васька мне завидовал, потому что у меня был велосипед, а у него не было. Но я как истинный друг всегда давал покататься, а теперь мой друг к своему ружью не давал даже пальцем прикасаться, не то что выстрелить. Но я всё-таки допек отца своим нытьём, и он купил у кого-то с рук охотничье одноствольное ружьё-переломок двенадцатого калибра и двадцать латунных гильз, так что патроны надо было снаряжать самому. Проблем с дымным охотничьим порохом и пистонами (капсулями) не было, всё это можно было купить, а дробь мы катали сами между двумя чугунными сковородками из нарезанных кусочков свинца. Технология была отработана на дробь любых размеров от мелочи до картечи. А пули нам были не нужны, охотиться на крупного зверя мы не собирались. Так что равенство с Васькой в какой-то мере было восстановлено, соответственно восстановилась и дружба, появились новые общие интересы. Мы теперь стали обладателями охотничьих ружей – значит настоящими охотниками. Зверья и мелкой дичи в бескрайних прилегающих лесах водилось в то время масса. В километре – полутора от деревни на лесных полянках медведи как поросята носом взрывали дерн и видимо добывали под ним что-то съестное. Заросли малины в дальних логах тоже были помяты медведями, лакомившимися этими пахучими ягодами. Дальние

поля, засеянные овсом, также были ими посещаемы. Николай Иванович, Васькин отец, как-то завалил на овсах большущего медведя, и этим, кстати, в самую страду, когда в крестьянстве один день год кормит, сорвал в колхозе рабочий день. Когда он ранним утром на телеге привёз к своему дому эдакую добычу, вся деревня бросив свои дела сбежалась посмотреть. Не каждый день в деревне медведей стреляют. Тут же нашлась масса советчиков и добровольных помощников в деле определения дальнейшей судьбы подстреленного медведя. А как иначе? Разделка туши медведя – дело серьёзное и спешки не терпит. После разделки надо топить баню для просушки шкуры, приготовить и покушать свежатины. А какое распробование свежей медвежатины без стопки? И разве можно ограничиться одной стопкой? Таким образом, случайный нерабочий день автоматически превратился во всеобщий праздник.

Много было и волков, правда, летом их не было видно, а вот зимой иной раз стая волков ночью забегала в деревню в поисках добычи. Каждую зиму волки рвали одну-две собаки. Много было зайцев, рябчиков и особенно тетеревов, которых в деревне звали «косачами», а тетерок – «тетерями». А вот лис совсем не было, что видимо и сказывалось на большой численности мелкой дичи. Понятия «браконьерство» не существовало, каждый мог в лесу стрелять кого хочет и когда хочет. Но местные мужики охотой как-то не интересовались и почти не занимались, по-видимому, считая это занятие не серьёзным делом не любящих работать людей. А вот мы с моим другом, став владельцами охотничьих ружей, дело это очень полюбили и охотились в основном на тетеревов, так как это был самый доступный и самый добычливый промысел. Тут надо рассказать поподробнее.

Поздней осенью по утренней зорьке, когда солнце только-только встает тетерева начинают летать по лесным опушкам убранных полей большими стаями, как голуби в городе. То же

самое и на вечерней зорьке, только менее интенсивно. Вот в это время и начинается охота на «чучельниках». На опушках леса, желательно вдающиеся в поля, поднимаются две-три иногда четыре «вершины». Это вот что – на длинных шестах крепятся развесистые вершины берёз с укреплёнными на них чучелами тетеревов, числом по одному – двумя на каждой вершине. Эти вершины поднимаются так, чтобы были значительно выше окружающего леса, и чтобы чучела были видны издалека. Внизу, под деревьями, устраивается шалаш из еловых лап, в который ещё затемно и прячется охотник. На рассвете тетерева начинают стаями летать над убранными полями, видимо замечают своих коллег, уютно устроившихся на высоких вершинах деревьев, и присоединяются к ним, чтобы разделить компанию, и начинают громко ворковать. Тут уж охотнику надо не зевать, а палить в прилетевших косачей и тетерь. Причём стрелять надо в нижнего, чтобы он своим падением не спугнул остальных, тогда есть возможность добыть ещё одного. Васька был более добычлив, у него двустволка, что позволяло стрелять дуплетом, а у меня – одностволка и я не всегда успевал её перезарядить для второго выстрела. Но во всяком случае без добычи мы никогда не возвращались, и успев дома проглотить пару картошин, и захватив сумки с учебниками, мчались в школу и практически никогда не опаздывали к первому уроку. Моя добычливость понравилась даже отцу, который сдержанно похвалил:

- Похоже не зря я тебе ружьё купил.

Зимой тоже были свои способá. Нам известны были несколько развесистых берёз, на которых любили сидеть косачи. А вечером падали с веток в мягкий рыхлый снег и ночевали там под снегом в тепле и уюте. Утром чуть свет мы на лыжах мчались к подсмотренной берёзе с ружьями на изготовку. Косачи нас близко не подпускали, видимо услышав скрип снега под лыжами и чёрными ядрами со свистом рвались из под снега. Мы палили, иногда попадали. Повесне охота на тетеревов велась на токовищах.

Косачи на определенных лесных полянках – распутив хвосты и крылья, сверкая красными бровями имитировали ссору друг с другом, показывая свою удаль находившимся рядом тетеркам и тем завлекали их. Охотники лежа располагались в низких плоских шалашах неподалёку. Стрелять можно было только токующих косачей, тетерь – нельзя, они должны в дальнейшем вывести потомство. Подстреливали мы и рябчиков и зайцев, но редко. Основная наша охотничья специальность – тетерева. Летом охоты не было. Не сезон. Всё живое в лесу размножается, выводя подобное себе потомство. Кроме того, других дел было выше головы. Работа в колхозе и по дому, грибы, ягоды, рыбная ловля, да мало ли дел летом, выспаться досыта некогда. В общем жизнь у нас деревенских ребятишек была хоть и напряженная, но хорошая. Только вдруг друга моего Ваську Пронькина начали преследовать разные неприятности. Видимо судьба (по иностранному фортуна) почему-то повернулась к нему задом. Началось с того, что однажды он работал погонщиком на конной сенокосилке. Сидел верхом на кореннике со свое плёткой, и вдруг его угораздило упасть с лошади прямо под нож косилки. В результате чуть не остался без ноги. Врачи ногу спасли, но небольшая хромота осталась. Из-за этого его впоследствии даже на армейскую службу забраковали. По реке Лале поздней весной и ранним летом по большой воде осуществлялся молевой сплав леса, расположенным в верховьях реки леспромхозом. Бревна свободно плыли до устья Лалы, где она впадала в реку Лузу. Там стояли запани, где лес сбивался в плоты и сплавлялся дальше до лесоперерабатывающего комбината в городе Лузе. Как-то во время сплава напротив нашей деревни случился большой затор, что в общем-то не было чем-то необычным. Затопы случались каждый год, место на реке было такое неудобное – изгиб. Мы, ребятишки, да и взрослые тоже пользовались затором, как мостом и по брёвнам прекрасно перебежали на другой берег реки. Всё было нормально и только один человек – мой друг Васька сумел-таки найти место, чтобы упасть и провалиться между брёвнами, которые и сомкнулись над его головой. Больших усилий стоило

мне раздвинуть брёвна и вытащить наружу за волосы Васькину голову, а потом перетащить его на берег, где и удалось откачать. А однажды мы баловались у школы на спортивной площадке. Васька крутился на турнике и, надо же, сорвался, а упавши сломал себе ключицу. Были и более мелкие тоже неприятные случаи. Но самое неприятное происшествие случилось в середине лета. Они вместе с моей двоюродной сестрой Клашей пасли колхозных телят. Что уж их отвлекло и чем уж таким интересным они занимались мне не известно, но только эти горе-пастухи не уследили за вверенным им телячьим стадом и несколько телёнков забрели на клеверище (поле засеянное клевером). А это очень опасно. Дело в том, что скот очень аппетитно поедает молодой клевер, но после этого, что-то получается в животе, видимо, какая-то реакция вызывает активное выделение газов и скотину начинает, как говорят в деревне, пучить. Единственный выход – вовремя прирезать, иначе скотина сдохнет. Так и произошло с несколькими телятами. Правление колхоза виновным в происшествии определила Николая Ивановича, отца Васьки, поскольку он был животноводом колхоза. Он-де совершил грубое упущение доверив стадо телят пацанам-несмышлёнышам. Хотя я не помню случая, чтобы телят пас кто-нибудь из взрослых, всегда это был удел ребяташек – подростков. Видимо, просто надо было определить виноватого, что правление и сделало. В счёт частичного возмещения нанесённого ущерба у Кислицыных отобрали единственную корову. Николай Иванович, естественно, обиделся, плюнул на колхоз, уехал в Лузу. А после того, как устроился там с работой и жильём перевёз туда и всю семью. Так судьба развела нас с моим другом Васькой Пронькиным в разные стороны. И встретиться снова пришлось через три с лишним десятка лет. Когда мы уже были взрослыми, семейными, состоявшимися мужиками. Жили в разных городах, работали в разных областях народного хозяйства, имели разные взгляды, характеры и интересы. Но крепкая детская дружба снова свела нас, нам было уютно вместе и мы старались по мере возможности встречаться, хотя бы раз в год.

Как-то раз возвращался я из командировки и надо было делать пересадку с поезда на поезд как раз в городе, где жил мой друг. Времени между поездами было более двух часов и я позвонил Ваське Пронькину (теперь уже Василию Николаевичу, генеральному директору крупного промышленного объединения), что так и так, я на железнодорожном вокзале, приезжай увидаться, посидим в привокзальном ресторане, вспомним детство. Друг подскочил буквально через пятнадцать минут:

- Сколько у нас времени? Ну-ка дай-ка сюда билет.

Взял мой билет и куда-то исчез. Появился через несколько минут и лыбясь заявил:

- Билет твой я сдал, никуда ты сегодня не поедешь!

Я даже задохнулся от возмущения:

- Я уже позвонил, меня встречать будут! Дел полно, я же с результатами еду, надо немедленно вопросы решать!

И выдал на лексиконе вербованных сезонных портовых грузчиков откровенно всё то, что я по этому поводу думаю. Василий внимательно и заинтересовано выслушал меня и, лучезарно улыбаясь, изрёк:

- Ну ты молодец! Давно я не слышал таких эпитетов, выражений и определений! А теперь хватит лаяться. В привокзальный ресторан не пойдём, ничем хорошим там не накормят, да и водка у них, небось, не свежая. Сейчас поедем ко мне. Стол уже накрыт. Посидим откушаем водочки местного производства, повспоминаем детство. Спать ляжем пораньше, завтра вставать придётся затемно – с ранья. На охоту едем, только не за косачами как раньше, за более серьёзной дичью.

Оказывается Василий сохранил былую страсть к охоте и

этим своим увлечением занимался серьёзно. Утром выдал мне негнущиеся ватные стеганные штаны длиной до подмышек, в каких солдаты зимой на вышках караулят заключенных в лагерях, валенки, свитер, полушубок, шапку и, надо же, еще белый маскировочный халат. Ночью, ближе к утру к дому подъехал УАЗик с охотниками. В бригаде у Василия были, видать, заядлые охотники. У всех многозарядные нарезные карабины иностранных марок, по-моему «Маузеры». А мне дали какую-то старую обшарпанную курковую двустволку, не то что без чехла, а даже без ремня, вроде того, что приезжому сойдёт, всё равно стрелять не умеет, что с него толку. Куда ехали и сколько времени – сказать не берусь, я задремал в углу машины, обняв свою уже полюбившуюся мне обшарпанную двустволку. Проснулся от возбуждённого говора. Машина стояла в лесу на просеке под высоковольтной линией электропередачи. Оказывается охотники обнаружили лося в ближайшем леске. Лосиные следы в лесок ведут, а обратно не выходят. Бригадирствовал на этом мероприятии Алексей – невысокий, щуплый мужичок, но с твердым и требовательным характером. Василий Николаевич в бригаде охотников был рядовым. Алексей расставил охотников вдоль просеки по номерам, а сам на лыжах побежал в обход, загонять лося. Я был поставлен крайним, около автомашины. Действительно, какой уважающий себя зверь пойдёт к автомашине с её бензиновым и выхлопным запахом? А приезжому человеку всё равно, пусть стоит, куда поставили. Только-только начало светать, температура стояла около -15°C . Меня хоть и поставили на самый безнадежный номер, но положение участвовавшего в охоте обязывало бдить. Тишина стояла первозданная, изредка на морозе потрескивали деревья и больше никаких звуков. Я не могу держать оружие в рукавицах или в перчатках, только голыми руками, руки крепко мерзли. Вдруг раздался резкий щелчок, это не ружейный выстрел, гораздо глуше, но и не треск дерева на морозе, гораздо громче. Пока я размышлял, чтобы это могло быть такое, на просеку метрах в 15-20 от меня выбежала лосиха. Ружьё у

меня было наизготовку, я и ударил. Зверь упал и забился кверху копытами. Коллеги-охотники с воплями прибежали со своих номеров: «Молодец! С полем тебя!» Мне был поднесён стакан сорокаградусной, как забойщику (остальным – нельзя, сначала надо разделать тушу). Оказалось, что это не лосиха, а молодой лосёнок с рожками в один отросток, весом на взгляд килограмм сто, может с небольшим. Тут же нашлась и разгадка звука, который меня озадачил. На верхней губе лосёнка оказалась рана, кровавая борозда. На вопрос: «Ребята, а это что такое?» Мужики заинтересовались, а Василий стал задумчиво разглядывать небо. Когда разобрались, оказалось, что лосёнок сначала вышел на него и Василий ударив по нему из своего модного карабина промазал, слегка оцарапав губу и лосёнок повернув убежал в лес. Если бы он убежал прямо – был бы цел, а он сделав полукруг вышел на меня, крайнего номера. Мужики оказались опытными, достали свои охотничьи ножи и быстренько разделали тушу. Потом, конечно, отметили удачный почин и поехали обратно, так что управились быстро, день только начинался. Настроение было приподнятое, начались рассказы, байки, бывальщины. Я сидел на этот раз, как отличившийся, впереди, рядом с шофёром, тем же Алексеем, и по своему обыкновению дремал, зажав между колен добычливую двустволку. А чего время зря терять? Лось первым заметил Алексей и сдавленно прохрипел:

- Ребята, ещё один лось!

Сзади развеселые байки прервались, мужики заткнулись и испытали секундный шок. Действительно из леса справа выскочил лось и побежал параллельно нашей дороге. Началась суета, но где там! Карабины были в чехлах и уложены сзади в багажнике со всем инвентарём, лыжи, топоры и так далее. Но охотники сориентировались и хором на меня завопили:

- Стреляй! Чего сидишь у тебя же ружьё в руках.

Я сдуру ударом ноги открыл дверь машины и на ходу,

почти не целясь ударил одновременно из обоих стволов. И надо же! Попал! Лось ткнулся головой в снег и опрокинулся. В ответ раздался восторженный рёв:

- Молодец! Вот что значит счастливая рука!

Народ с воплями выпрыгнул из автомобиля и побежал к зверю. И вот тут я опомнился:

- Мужики! Это же уголовщина! Браконьерство! У вас же лицензия на одну голову, а мы завалили двух!

В ответ хором заржали:

- Ништо! Во-первых, не мы, а ты, во-вторых, ты человек приезжий, сегодня – завтра уедешь и с концами, забудь, что было, в-третьих, мы никому не скажем и никто ничего не узнает, это уже наша забота, а в-четвёртых, если не дай Бог, кто-то чего-то и узнает, то свалим всё на тебя!

И хором ещё пуще прежнего заржали. Но мое замечание всё-таки возымело свой результат, так как разделка туши была произведена в ударном темпе, а мясо елико возможно скрыто в машине под сиденьями и вещами. Первого лосёнка положили на вид и добавив ещё по стакану за удачу, отправились в город. Поскольку лицензия на отстрел была промысловая, результат охоты необходимо было сдать государству. Шкуру сдали где-то в известном охотникам пункте, естественно, за оплату, а мясо сдали в какое-то предприятие общепита. С мясом, как вы помните, в те годы в торговле была напряженка, поэтому мясо власти собирали где только можно.

Если мне память не изменяет, охотники получили по 96 копеек за каждый сданный килограмм лосятины теми еще деньгами, что были тогда в ходу. Кстати говоря, в нашем государстве почему-то деньги время от времени меняются. Только на моей памяти таких обменов было несколько, я

помню пять видов различных денег бывших в ходу. А доллар, кстати говоря, имеет внешний вид такой же, как и во время его учреждения средством платежа.

Второго лося спрятали в гараже у Алексея (потом поделим) и пошли к нему домой уже культурно обмывать необыкновенную охотничью удачу.

Назавтра я уезжал восвояси, Василий отвез меня к поезду, посадил в вагон, и в это время заявила вся бригада с громадным брезентовым кулём:

- Это твоё, забойщик, забирай с собой!

- Что это такое, мужики? Что за поклажа?

- Здесь в куле две лосиные головы и восемь лосиных ног. Это твое по нашим охотничьим законам, как ты есть забойщик.

- Вы с ума сошли, мужики! Куда я всё это дену?

- А вот это уже не наше дело. Девай куда хочешь. Можешь продать, можешь пропить, дело твоё. А мы обязаны тебе твоё вручить. Вот таким путём!

В общем, проводили меня очень тепло, отвертеться я не смог и весь этот принесённый груз поехал со мной.

Меня, конечно встретили ребята – коллеги по работе, так что одному тащить тяжелый брезентовый куль не пришлось. Дома, правда начались неприятности. Домашние, увидев чего я привёз дружно запротестовали и пришлось со своими друзьями ехать на наше предприятие, где за высоким забором, за глазами, с помощью паяльных ламп опалили лосиные ноги и головы. Потом головы разрубили и отрубили от ног копыта. Этот полуфабрикат поделил я между соучастниками процесса, оставив себе от голов только лосиные губы и языки, как деликатес, да несколько

ног. После приготовления из них прекрасного студня, а из губ и языков деликатесного охотничьего блюда, был в семье прощен и полностью реабилитирован.

Когда, очень редко, удавалось впоследствии побывать в деревне, на своей малой родине, всегда заходил к Лазаревым, своим учителям. Встречали они очень приветливо, а Ольга Васильевна всегда радостно удивлялась:

- Какие вы все были наивными, босоногими, сопливыми, а выросли и выладились в таких солидных интеллигентных мужиков!

И с превеликим удовольствием вспоминала моего детского друга – Ваську Пронькина и его антигитлеровскую песню, искренне заливаясь при этом неудержимым смехом.

ЧАСТЬ VII. ПРО СУДЬБУ.

Много десятилетий тому назад, ещё во время войны жарким июльским днём я шёл по деревенской улице. Шёл, конечно, босиком, потому что, во-первых, кто же из деревенских ребятишек ходит летом обутым, а во-вторых, у нас тогда летней обуви вообще не было. Зимой – понятно, в наших северных краях без валенок – никуда. А летом, зачем какая-то обувь? Из-за жары на теле была только майка, а вот штаны на мне были зимние ватные, стеганные. Дело в том, что, в этот день, лазая по черёмуховым деревьям за ягодами, я сорвался с дерева и грохнулся на землю. Событие, в общем-то, рядовое, подумаешь, с дерева упал, но в результате напрочь разорвал свои единственные штаны. Матери дома не было, уехала в райцентр Лальск на пару-тройку дней по своим учительским делам в РОНО, младшая сестра Тамара иголкой не владела, я шить умел, но шитьё считал не мужчинским делом, поэтому остался без штанов. Сидеть в доме и ждать матери при наличии хорошей погоды и массы неотложных дел на улице, было недопустимо, поэтому пришлось искать выход и (кто ищет, тот всегда найдёт) он был найден. Попались зимние ватные штаны. А собственно, почему их нельзя носить? Так я оказался на улице в таком вот обличье. Попавшая навстречу Катюха Степиха от изумленья остановилась, всплеснула руками и удивленно спросила: «Ты чего, парень, в такую жару в ватных штанах ходишь?» Затем предположила: «У тебя же скоро в штанах цыплята зачирикают!» и, хохоча пошла дальше на молочную ферму, где была старшей. Катюхино предположение насчёт цыплят меня не озаботило, мало ли чего баба брякнет не подумавши, да и голова была занята другим.

Еду, которую нам с сестрой оставила мать, мы уже съели и я сейчас размышлял, где бы найти или стащить чего-нибудь, что можно съесть. В гороховое поле идти было нельзя, ребята сказали, что там с утра караулит с хворостиной Федюня Карявый, за скотным двором был посеян турнепс, туда тоже нельзя – туда Катюха только что ушла, увидит обязательно и не миновать тогда её хворостины. Остается один выход – пока Федюня Карявый в гороховом поле, вытрясти в реке его морды – ловушки, поставленные на рыбу. Какая-никакая, а как показывает опыт, рыба в них есть. До приезда матери прожить хватит. Обрадовавшись такой возможности, я уже повернулся, чтобы бежать домой за ведром под рыбу, но вдруг как из-под земли передо мной возникла цыганка. Схватив меня за плечи, и уперев свои чёрные глазищи в мое лицо, она предрекла: «Парнечок, бойся воды! Ты утонешь в реке!» и тут как сквозь землю провалилась. Это повергло меня, как бы теперь сказали, в шок. Как это – в реке утонешь? Как это – бойся воды?

Да для нас – деревенских ребятешек река и лес летом были основными местами обитания! На реке Лале мы купались бесчисленное число раз на дню, ловили рыбу бредешком и сеткой-мережкой, изредка удочкой, катались на плотиках, связанных из камыша. Как же теперь без реки? Однако предсказание цыганки вселило в мою детскую неокрепшую душу паническую боязнь воды на многие годы, если не сказать на всю жизнь. Стыд, конечно, и срам, но следует признаться, что я так и не умею плавать. Не научился в детстве из-за боязни воды, а потом было уже поздно. Но парадокс в том, что, несмотря на предсказание цыганки и стойкую «водобоязнь», судьбе угодно было распорядиться так, что я всю жизнь прослужил на речном флоте, то есть проработал на воде и причиной этому послужил целый ряд не связанных друг с другом обстоятельств. Но рассказ об этом начать придётся очень издалека.

Центром Верхне-Лальского сельсовета как самой

низовой территориально-административной единицы, было село Погост, небольшая деревня с закрытой в тридцатые годы церковью (потому и село), где располагались здание сельсовета, почта, магазин, начальная школа. Деревни, располагавшиеся от Погоста вверх по течению реки Лалы назывались «верховскими», а жители этих деревень – «верховцами». Соответственно деревни вниз по реке назывались «низовскими», а их жители – «низовцами». После окончания войны начали возвращаться в родные деревни, уцелевшие в боях ребята. Во время войны ребят достигших положенного возраста сразу же мобилизовали в армию. Уходили они худосочными, заморенными пацанами, ревели в голос и висли на шеях провожавших их матерей. А вернулись, кто уцелел, ядрёными, красивыми разбитными солдатами с медалями (а кое-кто и с орденами) на груди. Навезли с собой немецких аккордеонов (боевые трофеи!), о существовании подобных музыкальных инструментов в наших местах и слыхом не слыхивали. А демобилизованные солдаты даже играть на аккордеонах научились. Видимо тогда и возникла традиция – каждое воскресенье во второй половине дня молодежь со всех деревень собиралась на гулянье на Погосте. Веселье обычно разгоралось что надо, пляски и задорные частушки под гармошку-хромку, песни под аккомпанемент немецкого аккордеона, разные игры, забавы и прочее. Парни и девчата одевались во всё лучшее, что было из одежды, бывшие фронтовики, естественно, с наградами. На эти гуляния даже приходили многие пожилые люди. Выручка в магазине и чайной резко взлетала вверх. Очень часто гулянья заканчивались массовой дракой между верховцами и низовцами. Драки эти происходили, как я понимаю, не из-за каких-то распрей или злобы, а просто так, по традиции, чтобы размять мускулы и померяться силой. Драться можно было только кулаками, применение камней, железак и прочего даже не приходило никому в голову, и было абсолютно неприемлемым. Вожаком у верховцев был Олёкса Токмаков по прозвищу «Марянич» из деревни Ворончиха. Был он невысокого роста, довольно

щуплого телосложения, но, тем не менее, среди верховских ребят пользовался большим уважением и его все слушались. У низовцев вожаком был Ваня Абрамов, молодой, ещё не побывавший в армии парень из деревни Гледен. Этот, наоборот, мог быть моделью для русских парней. Высокий, широкоплечий, ядрёный, красивый светловолосый кудряш. Склонность к дракам у Верхне-Лальских мужиков была, видимо, заложена в генах, как наследие от далёких пращуров – новгородских ушкуйников. Если на гулянье мужики, с друзьями отдыхая где-нибудь в густой траве, выпили и ни с кем не подрались, то считалось, что зря деньги потратили. Обычно, выпивая и дружески беседуя обо всём на свете, кто-нибудь вдруг спохватывался: «Мужики! Чего это мы сидим про дело забыли? Вы подождите меня, не допивайте, я сбегаю, насчёт драки похлопочу».

Наша деревня была расположена рядом с Погостом, всего в одном километре вверх по реке, поэтому мы относились к верховцам. Правда, в школе деления на верховцев и низовцев не было. Все мы были одинаковы – школьники.

После окончания Верхне-Лальской семилетней школы мы трое одноклассников – Иня Плюснин из деревни Емельяниха (впоследствии подполковник), Толя Филимонов из деревни Астафьева Гора (впоследствии полковник) и я подались продолжать учёбу в районный центр Лальск, в Лальскую среднюю школу, где из таких же, как мы приезжих деревенских ребятешек был сформирован отдельный восьмой класс «Б». Жили мы в интернате все вместе. Интернат располагался на первом этаже двухэтажного здания «Дома колхозника». Это дом для ночёвки приезжих, по-теперешнему нечто вроде гостиницы, а ещё более современно – отель. Интернат представлял из себя две большущих комнаты, одна для парней и одна для девочек, в которых жило по двадцать человек. Каждый имел свою кровать и тумбочку. В громадной кухне стоял длинный стол. За которым мы делали уроки и пили чай. Питались отдельно, каждый сам

по себе, из тех продуктов, что присылали родители, а чай пили вместе, его кипятила наша хозяйка, жившая тут же в комнате за кухней. Удобства, конечно дело, были на улице. Жили мы, в общем-то, очень дружно и от нападков местных ребят всегда отбивались вместе. Учились во вторую смену и, идя в школу, я всегда заглядывал в чайную-столовую, где съедал пару котлет с картошкой, что перед занятиями было весьма к месту. Однажды зашёл, направился к буфету и меня кто-то окликнул. Оглядываюсь – за столом сидит Ваня Абрамов в солдатской шинели, на стуле – солдатский сидор. Я подошёл: «Ваня Абрамов! Здравствуй, ты чего здесь?» «Здравствуй! Вот из армии возвращаюсь. Отслужил своё! А ты чего здесь делаешь?» «Да я в Лальской школе учусь. В старших классах. Занятия у нас во вторую смену. Вот в школу иду». «Сядь, посиди со мной». Я присел. Ваня попросил ещё один стакан и из бутылки, стоящей на столе наполовину наполнил оба стакана. «Давай выпьем за встречу. Ты первый земляк – верхнелалец, с которым я встретился!»

«Ваня, я бы с большим удовольствием с тобой выпил, да мне на уроки надо. Видишь – в школу иду».

«Никуда не денется твоя школа! Ты в школу каждый день ходишь, а я три года с верхнелальцами не выпивал. Придется тебе школу сегодня пропустить!» Ванины аргументы показались мне очень убедительными и я, махнув рукой, остался за столом. Выпили и раз и два. Ваня, видимо, ещё до меня крепко хлебнул, потому что вдруг захмелел. Не оставлять же земляка в таком состоянии в чайной. Пришлось его тащить вместе с солдатским сидором к нам в интернат. В нашей комнате на почётном месте у печки стояли две запасные кровати, застеленные свежим бельём, на случай если к кому-нибудь из ребят придут, к примеру, родители. Привезут продукты или просто так, попроведать, чтобы было, где переночевать. Ваню я раздел и положил спать на одну из этих кроватей. Наутро проснулся он не рано и, естественно, с головной болью. Наш жидкий интернатовский

чай его не излечил, так что на подлечивание пришлось идти опять в чайную. Днём нашлась-таки подвода, едущая в Верхне-Лалье, и наш Ваня с песнями отбыл в родную деревню Гледен. Ну а я прогулял второй школьный день. Не идти же в школу с водочным запахом! Чтобы скрыть двухдневный прогул, пришлось в школе врать, вроде того, что был какой-то сухой кашель и в правом ухе шумело. Сестра в школьном медпункте определила, что остаточные явления от кашля есть, но на уроки ходить можно. Так что всё кончилось благополучно. В дальнейшем сложилось так, что у нас с Ваней Абрамовым возникла крепкая дружба, несмотря на значительную разницу в возрасте (а Ваня был старше меня на 6–7 лет) и принадлежность к разным молодежным группировкам. Он низовец, более того – их вожак, а я верховец, более того – ещё не совсем взрослый школьник. Но вот так сложилось. Я бывал у своего друга в гостях в деревне Гледен, в свою очередь он тоже заезжал в наш дом. Отец с матерью всегда встречали его очень приветливо, что Ивану очень импонировало потому, что мои родители были очень уважаемыми в Верхне-Лалье людьми. Правда, в результате всего этого во время воскресных гуляний на Погосте я оказывался в двойственном положении. С одной стороны надо было быть заодно с верховцами, с другой стороны вожак низовцев – мой друг. В общем, косились на меня и те и другие.

Пришло время, и мы закончили среднюю школу. Получили на руки документ – «Аттестат зрелости» и массу забот: а что же делать дальше? Поступать учиться куда-то или идти работать, или ждать призыва в армию. Я этих забот избежал, потому что всё было predetermined заранее. Мать, будучи учительницей, решила, что я должен был пойти по её стопам. Соблюсти династию, так сказать, для чего после окончания школы должен был ехать в областной город Киров и поступать в тамошний педагогический институт, после окончания учёбы в котором вернуться в родную школу в ипостаси учителя. Отец эту идею поддерживал. Ну, а мне куда деться? Пусть будет так!

Во-первых, у нас было не принято возражать родителям, а во-вторых, никто, конечно же, ни в какой институт меня, дремучую деревенщину из глухих лесов не примет. Съездить и попытаться поступить, конечно, можно, а потом вернуться, сходить в армию, а там видно будет. Вот такая была запланирована в душе перспектива.

Но судьба опять сделала очередной выверт и всё пошло иным путем. А случилось вот что. В середине июля, в одно из воскресений на Погосте, как всегда состоялось традиционное гуляние. Совпало так, что в этот день был какой-то церковный праздник, особо чтимый в этих местах, и народу на гулянье собралось великое множество. Гулянье получилось развесёлое. Молодежь пляшет на два, а может и на три круга, девчата поют хором под гармошку, режут трофейные аккордеоны, пожилые расселись в кружки в траве вокруг церкви с угощениями и разговорами, ребятишки бегают со своими играми. В общем, всё идёт организованно и главное дело без каких-либо режиссеров или массовиков-затейников. Ближе к вечеру, тоже традиционно, началась массовая драка между верховцами и низовцами. Тоже, как всегда, стенка на стенку. Парни – на кулачки, а пожилые мужики, бросив свои посиделки и разговоры, прибежали переживать и подбадривать советами своих деревенских. Ваня Абрамов около Белой школы как медведь отбивался от нападавших, а я крутился возле, смотрел, чтобы кто-нибудь не напал на него сзади. И вдруг краем глаза заметил в толпе Петрушу Сапожникова по прозвищу «Сорока». Петруша был из нашей деревни, парень маленького роста, щуплый, как подросток. Он только что вернулся по амнистии из заключения. В тот год была весной объявлена массовая амнистия, по которой из тюрем, лагерей и колоний не просто выпускали, а просто выгнали всю без исключения уголовную массу швали и шпаны. Петруша был осужден и сидел за то, что они с Мишей Кислицыным (по прозвищу «Пустяк») решили ночью обворовать колхозную пасеку. Когда их обнаружили,

Миша, оказавшийся побойчее сумел убежать, а Петруша попался. Мишу он не выдал, всё взял на себя и получил по заслугам, а теперь вот посчастливилось освободиться. Так вот Петруша подозрительно держал руку за пазухой и среди людской свалки подбирался к Ване. Только я к нему рванулся, как он вытащил нож и ударил Ваню под дых. Я успел схватить Петрушу за шиворот и как котёнка швырнул под ноги толпы. Он, видимо неловко падая, махнул своим ножом и забрызгал меня кровью. Ваня взревел и зажал руками рану, девчата завизжали: «Ваню порезали!» Толпа на мгновение оцепенела и свалка прекратилась. Затем верховцы начали разбегаться, а низовцы кинулись к своему вожаку. Ваню положили на землю, прибежавшая из медпункта дежурившая сестра заткнула рану ватой, кое-как перебинтовала и запричитала: «Ой, какая серьёзная рана! Ой, не смогу я помочь! Ой, нужна операция! Ой, надо срочно везти в райбольницу!»

Володя Абрамов – старший брат Вани работал в колхозе шофёром. Быстро пригнал автомашину, в кузов положили соломенных матрацев, уложили Ваню, туда же сели родные и помчались в райцентр. А до Лальска почти сорок километров грунтовой, проселочной дороги с ямами и ухабами. Короче, мой друг Ваня Абрамов по дороге может от тряски, может от потери крови скончался.

Домой я явился поздно ночью. А дома не спали, ждали меня. Младшая сестра прибежала гораздо раньше и рассказала родителям о происшедших на гулянье событиях. Отец попросил меня рассказать обо всём поподробнее, что я и поведал им с матерью. Выслушав, отец мудро заметил: «М-да! Дело пахнет крепким керосином. Впервые такая оказия с убийством случилась в Верхне-Лалье за всю его историю». И поразмыслив начал рассуждать: «Завтра сюда понаедет полно казенного народу и милиция, и следователи и прокуроры. Петрушу Сапожникова, конечно, поймают и арестуют, никуда он не

денется. Увезут в райцентр и посадят в КПЗ, а у нас начнутся опросы, расспросы, допросы, чего да как. Кто чего видел, кто где стоял, кто чего делал. Дело это не скорое, не нескольких дней, а небось затянется на месяцы. А ты, сынок, попадешь в главные свидетели, многие видели, что ты крутился около убитого Вани Абрамова. И пока следствие не закончится судом, а это дело ох как не скорое, я уже сказал, никто тебя не отпустит поступать ни в какие институты. Так что год считай пропал. А за год ты многое подзабудешь чему учили в школе. Такая вот хреновая перспектива».

Отец ещё поразмыслил немного и принял решение: «Будем делать так. Сейчас же собирайся в дорогу. Укладывай в котомку учебники, забирай документы и убегай из дома. Будут тебя спрашивать, мы скажем, что уехал поступать в институт. В Кировский педагогический институт не суйся. Все знают, что ты туда собирался поступать, и тебя там могут начать разыскивать. Уезжай подальше, в стране много городов и много институтов. Где будешь находиться нам не сообщай несколько месяцев, пока здешние поганые дела не кончатся. Денег на жизнь мы тебе дадим, трать экономно, чтобы на дольше хватило. Если не поступишь в институт – домой не возвращайся, а устраивайся где-нибудь на работу. Лучше вербуйся на Дальний Восток рыбу ловить или на какую-нибудь Северную стройку, там говорят хорошо платят. А там глядишь, придёт время и в армии служить».

В общем, распрощался я с родителями и рванул лесными тропами в райцентр, так что ранним утром уже прибежал в Лальск. Автобусного сообщения до железнодорожной станции в городе Луза тогда не существовало и вариантов было немного. Или идти пешком, а это около тридцати километров, или попасть на грузовую попутную машину. Мне несказанно повезло. Я сначала отправился до Лузы пешком, а потом меня подхватила попутная автомашина и домчала до станции за весьма умеренную плату. Так что в середине дня я уже был на железнодорожном вокзале. В

те годы почему-то по железной дороге ехало очень много людей. Вокзал был битком набит едущим народом, очередь в кассу была бесконечной и извивалась спиралью аж на улице. Кроме того, была масса желающих купить билет без очереди, поэтому у самой кассы имела место быть настоящая давка. С превеликим трудом купив билет до Кирова, при посадке сумел втиснуться в общий вагон. Теснота в вагоне была страшная. Единственное преимущество – можно было курить сколько влезет. Мужики не преминули этим воспользоваться и в вагоне стоял такой густой дым, что ело глаза. Я тоже принял в этом дымлении посильное участие, с удовольствием смоля самокрутки из тайком захваченной из дома махорки. Следующим утром поезд прибыл в город Киров, наш областной центр. Железнодорожный вокзал в Кирове был небольшим, весьма тесным деревянным двухэтажным строением с небольшой привокзальной площадью, на которой возвышался покрашенный серебристой краской памятник Сергею Мироновичу Кирову. Народу тьма. Все помещения вокзала забиты людьми, которые не только сидят на скамейках, но и на полу на своих узлах и чемоданах, некоторые лежат – спят. То же самое и на улице – скамеек не хватает, люди расположились на траве в скверах под деревьями, кто сидит, кто спит, некоторые устроили обед с выпивкой, а некоторые компаниями играют в карты, всё равно делать нечего, так время быстрее пройдёт, да и барыш вероятно какой-то есть. Откуда-то бродят целые семьи цыган, предлагая свои услуги. Полно какой-то шпаны, среди них порядочно амнистированных, этих видно сразу: все одеты в ватные фуфайки, у многих на груди булавками приколот портрет К. Е. Ворошилова вырезанный из газеты. Они называли себя «ворошиловцами», так как Указ об амнистии подписал Климент Ефремович будучи председателем Президиума Верховного Совета СССР. Отошёл я подальше от всей этой суеты, сел в скверике под дерево на землю, достал из котомки кусок хлеба и затужил: «Что делать? Куда податься?» Все в жизни было ясно и определено и вдруг из-за этого сволочного уголовника Петруши Сапожникова всё изменилось

к чертовой матери, и как дальше быть совершенно непонятно. Безысходное настроение всё больше овладевало мной. И вдруг я увидел идущего в сторону вокзала Толю Филимонова, своего одноклассника, с которым совсем недавно вместе закончили школу и которого я после выпускного вечера больше почему-то не видел. Обрадовался ему как родному и кинулся к нему:

- Толя! Филимонов! Ты чего здесь делаешь? Как сюда попал?

Толя тоже обрадовался. Обнялись.

- Да я в Кирове уже неделю живу. У родственников гощу. Вот пошёл на вокзал взять билет, хочу ехать в Ленинград, поступать в институт. Тем более, что у меня и дядя там живёт. А ты чего здесь? Приехал поступать в Педагогический институт, как планировал?

- Да нет Толя. Раздумал я насчёт Педагогического института, не буду туда поступать, не хочу быть учителем.

- И правильно решил. Учитель самая неблагодарная профессия. Это какое надо иметь терпение, чтобы с наши братом – недотёпами, недоростками всю жизнь возиться. А куда решил?

- Да ничего ещё не решил. Сам не знаю как быть. Может в Свердловск податься в Горный институт, это недалеко? Помнишь в школу заходил студент из Горного, бывший выпускник нашей школы, ещё был в форме горняка?

- Да ты чего выдумал? Что ли шахтеров в кино не видел? Вспомни, как они выглядят? Хочешь всю жизнь угольной пылью дышать? Ты вот что, если тебе всё равно куда ехать, то поехали со мной в Ленинград. Там мой дядя нас встретит, будет где остановиться на первое время. А институтов в Ленинграде полно, выбирай – не хочу. Да и ехать вдвоем сподручнее. Один спит, другой котомки караулит!

А действительно, почему бы не поехать с Толей? Дома никто и не подумает, что я в такую даль укатил. Тем более, что отец когда-то в Ленинграде служил в Балтийском флотском экипаже и очень этот город расхваливал.

- А что, Толя! Поехали в твой Ленинград! Вдвоем действительно веселее, я уже тут измучился в одиночестве!

Так мы оказались в поезде увозившем нас вместе навстречу неизвестной судьбе. В дороге Толя рассказал, что поступать он едет целенаправленно в Ленинградский институт инженеров водного транспорта, и задумал он это давно, ещё в школе. По его просьбе дядя разузнал всё про этот институт и подробно сообщил письмом, что институт готовит инженеров многих специальностей для морского и речного флота. Каждому студенту, кто учится на «хорошо» и «отлично» выплачивается стипендия, каждый поступивший обеспечивается местом в общежитии и форменным обмундированием, чтобы не ходили в чём попало, а знали порядок.

- Вот такие условия. Так что давай-ка со мной вместе поступать. Вместе будем приёмные экзамены сдавать, вместе в общежитии жить будем. Вдвоём и веселее и безопаснее. Служить на флоте – это тебе не угольной пылью в шахтах дышать.

- Так-то оно так. Только надо сделать сначала одну малость – в институт поступить. Там небось будут ребята городские, развитые, не то что мы с тобой – деревенщина. Да и приемщики скажут: «Куда эти деревенские лезут со своим кувшинным рылом, да в калашный ряд!»

- Такая опасность, конечно, есть, ты что предлагаешь?

- Дак нет у меня никаких предложений, но знаю одно: обратно домой возвращаться никак нельзя. Значит надо куда-то определяться.

- Совершенно верно! Полностью с тобой согласен. Так и давай определяться в водный!

В общем ещё немного пообсудив, прикинув и так и эдак порешили мы и дальше держаться вместе, друг за друга и поехали на двадцать восьмом трамвае на улицу Двинскую к Главным воротам морского торгового порта, где располагался Ленинградский институт инженеров водного транспорта. Там в приёмной комиссии написали заявления, сдали документы и получили взамен экзаменационные листы и расписание вступительных экзаменов.

На первый экзамен пошёл я с великим душевным трепетом: что-то ждёт впереди. Однако, вопреки ожиданиям и великим опасениям, приемные экзамены в институт оказались гораздо легче, чем выпускные экзамены в нашей Лальской школе. Так что приемные экзамены были сданы весьма успешно и без каких-либо шероховатостей. Хотя нет, было одно замечание. Когда сдавал экзамены по английскому языку, преподаватель достаточно пожилая женщина, седая и очень интеллигентная гоняла меня по материалу как Сидорову козу и затем, видимо, утомившись сказала:

- Знаете, вы вполне прилично знаете английский язык, но у вас ужасающий архангельский акцент. Прямо не знаю, что с вами делать.

- Дак у нас все так говорят.

- В русском языке много говоров и диалектов. Можно «акать», как в Москве, можно «окать», как у вас на Севере, можно «цокать», как на Урале, но по-английски надо говорить правильно.

- Хорошо. Я больше не буду.

- Ну вот и славно.

И закатила в экзаменационный лист жирную пятёрку.

В результате я оказался зачисленным на первый курс института со стипендией, выделением места в общежитии и выдачей форменного обмундирования. Началась новая студенческая жизнь. Пришлось привыкать и осваиваться в совершенно новой и абсолютно чужой городской жизни. Появились новые знакомые, студенты – коллеги по группе, совершенно другая, отличная от школьной форма обучения и многое, многое другое. В общем получилось так, что письмо родителям, где я и что со мной, ушло только через несколько месяцев. Наполненное повествованием, что произошло за прошедшие месяцы, а так же фотографиями, подтверждающими эти события. Оно вызвало великую радость у родителей и великое удивление у их соседей. Как-никак я оказался первым студентом в нашей деревне за всю историю её существования. За всеми этими напряжёнными многомесячными событиями, я как-то совсем забыл о предсказании цыганки, сделанном мне в детстве, и о котором я в общем-то всегда помнил. А тут вспомнил и ужаснулся, предсказание предостерегало от контактов с водой, а получилось, что жизнь моя всегда будет связана с водным транспортом. Но назад ходу уже не было и пришлось всю жизнь проработать на речном флоте.

Определённая «водобоязнь» всё-таки сохранилась. Как уже говорилось выше приходится сознаться, что я так и не научился плавать. Утешает одно, что тонет золото, в отличие от того, что плавает. Вот так иной раз из-за череды совершенно случайных, не связанных друг с другом событий и складывается судьба человека. А предсказание цыганки, как видите, не сбылось до сих пор, хотя возможно всё ещё впереди (если, конечно, цыганка была права и не ошиблась).

ЧАСТЬ VIII. ПРО АЗИАТОВ И ПРО СВЯЗАННЫЕ С ЭТИМ МОМЕНТЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Во времена наших студенческих лет в вузах Ленинграда, да, видимо, и в других городах СССР, училось много иностранных студентов. Это были ребята из молодых стран Народной демократии. Страны эти встали на путь социалистического развития хозяйства, хозяйство надо было вести и грамотно развивать. Для этого требовались соответствующие специалисты, которых и помогал готовить в своих учебных заведениях Советский Союз. Международный Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы появился только через несколько десятилетий, а пока иностранных специалистов готовили многие ВУЗы страны. С нами учились поляки, чехи, немцы из ГДР, румыны, албанцы, болгары. Особенно много было китайцев. В эти годы был самый разгар и пик дружбы Советского Союза и недавно образованной Китайской Народной Республики, вставшей на социалистический путь развития, в чём Советский Союз всячески Китаю помогал. На демонстрациях мы самозабвенно орали популярную в те годы песню:

«Русский с китайцем – братья навек!

Крепнет единство народов и рас,

Плечи расправил простой человек,

Сталин и Мао слушают нас!»

Европейские студенты жили несколько обособленно от нас, даже стипендия у них была неизмеримо больше нашей. А китайцев расселяли в комнатах общежития вперемешку с советскими студентами. Наверное, это было правильно. Китайцы быстрее осваивали русский разговорный язык, с

которым у них было не ахти как хорошо, перенимали наши взгляды, привычки, нормы поведения, в какой-то степени комсомольскую идеологию. Мы относились к китайским ребятам с большой симпатией, как к младшим братьям. Во всём помогали, никогда (боже упаси!) не обижали. Можно сказать по-братски делили и хлеб и табак. Как-никак до недавнего времени китайцы – угнетаемая нация, живут бедно в фанзах с земляным полом, блох много, еды мало. Как их не пожалеть? Сами через это во время войны прошли. Полную самостоятельность они обрели совсем недавно, образовав 1 октября 1949 года Китайскую Народную Республику под руководством Компартии во главе с Мао Цзэдуном, верным учеником и последователем нашего вождя Иосифа Виссарионовича Сталина. Это ли не братья? Китайцы к нам, советским студентам, относились тоже соответственно, всегда слушались, никогда ни в чем не возражали. В соседней комнате с нашими ребятами жил Ван Чень. Мы тут же переименовали на русский манер и стали звать Ваня-Китаец. Он не только не возражал, а наоборот вроде даже был доволен этим и, похоже, гордился перед соплеменниками тем, что у него теперь есть не только китайское, но и русское имя.

Стипендию нам платили только при условии хорошей учебы, то есть зачёты и курсовые проекты должны быть сдаваемы по графику, а экзамены в зимнюю и весеннюю сессию должны быть сданы только на «хорошо» и «отлично». Получение посредственной оценки на экзаменах («тройки») автоматически лишало стипендии на весь последующий семестр, а это – полгода сиди без денег. Я, как человек деревенский, не мог себе позволить остаться без стипендии и учился старательно. А вот дружок мой Девишев Энвер, парень из города Вышний Волочёк, живущий со мной в одной комнате, изредка отхватывал тройку и потом полгода куковал без стипендии. Как-то очередную сессию мы с ним сдали успешно и, получив, первую в этом семестре стипендию пришли к выводу, что это знаменательное событие надо обязательно отметить. А как отметить? Естественно

по-русски (хотя Энвер был татарин, но русские обычаи соблюдал). Мы купили две бутылки водки. Простая водка тогда стоила 25 рублей, по-моему, еще 25 копеек за бутылку 0,5 литра, теми, послевоенными деньгами. На этикетке было одно слово «Водка», закупоривалась бутылка картонной пробкой и нашлапкой из сургуча. Особым шиком считалось откупорить бутылку ударом ладони по доньшку. Пробка вылетала и бутылка была готова к разливу, что, в общем-то, удавалось продемонстрировать далеко не всем, так как нужен был особый навык и тренировка. В нашей столовой на первом этаже общежития прихватили хлеба. Хлеб в те годы во всех столовых постоянно лежал горкой на тарелках на каждом столе. По-видимому, считалось, что каждый едок якобы может потребить хлеб бесплатно сколько хочет. В этом тоже был свой плюс. В период безденежья можно было взять стакан киселя за 5 копеек и с этим киселем съесть хлеба, сколько влезет, сытость на полдня была обеспечена. Официантки, а тогда они были во всех столовых, так как столовых самообслуживания ещё не было (это потом Никита Хрущёв, побывав в Америке, перенял увиденные там формы самообслуживания), так вот официантки в столовых к нам, голодным студентам относились очень благожелательно и, не запрещали, есть хлеба, сколько влезет. Видимо, видели в нас потенциальных женихов. Извиняюсь за отступление от основной темы. Так вот хлеба мы с Энвером набрали, а в тумбочке у меня хранилась луковица на всякий непредвиденный случай. Так что с закуской был полный ажур. В комнате не торопясь (а куда спешить?) мы оборудовали праздничный стол, откупорили водку, расставили стаканы, я начал чистить луковицу, как вдруг Энвер внёс предложение:

Энвер - Слушай, а давай пригласим на наш праздник Ваню-Китайца. Всё-таки угнетаемая нация, живут бедно, в фанзах с земляным полом, блох много, еды мало. Пусть разделит с нами наше праздничное настроение.

- А что! Правильное предложение. Давай иди, приглашай, а я пока луковицу порежу.

Ваня-Китаец с превеликим удовольствием принял Энверово предложение, и заявился в нашу комнату, от радости улыбаясь до коренных зубов. Пришёл, кстати, со своим гранёным стаканом.

Вот здесь, пожалуй, следует сделать ещё одно отступление от темы. Я считаю, что гранёный стакан надо сделать национальным символом и соорудить ему памятник. Пусть бы стоял и сверкал всеми своими шестнадцатью гранями. А что? Есть же памятник солённому уху в Перми, Луховицкому огурцу в Московской области. Чем гранёный стакан хуже?

Тем более, что по слухам его создала знаменитая советская скульпторша Вера Мухина, авторша всемирно известной скульптуры «Рабочий и колхозница», побывавшей в Париже и сейчас восстановленной на ВДНХ. Гранёный стакан когда-то был неотъемлемым предметом быта всего советского народа. На улицах в гранёные стаканы наливали газировку и квас. Все автоматы по продаже газированной воды были снабжены гранёными стаканами, в столовых в них наливали чай, компот и кисель. Мужики, соображающие на троих в укромном, только им известном месте, не пили из горла, как сейчас делают стар и млад на улице, на виду у всех, пья, таким образом не только пиво, а доставали из тайника гранёные стаканы и, наполнив их, вкушали содержимое под мелодичный от чоканья стеклянный звон. Их можно было мыть горячей и холодной водой, можно было добавлять для вящей дезинфекции и чего-нибудь химическое. При бережном отношении стеклянный гранёный стакан мог служить десятки лет. И стоил стакан 60 копеек, две поездки на трамвае. И вдруг эта надёжная, экологически чистая, широко распространенная посуда исчезла. На смену стеклянным гранёным стаканам пришли пластиковые одноразовые поделки, которые надо

выбрасывать после первого употребления. А это значит, что миллионы этих одноразовых стаканчиков каждый день идут в мусор, а потом и на свалку, жечь их нельзя – выделяют какие-то токсичные газы, на воздухе и в земле они не разлагаются, так и будут лежать мусором на земле или в земле тысячи лет. Да ещё неизвестно, как употребление этой пластиковой посуды влияет на здоровье человека, если пользоваться ею длительное время. И почему такое могло произойти? Ответ прост, как пареная репа. Много ещё у нас подхалимствующих перед Западом людей, готовых целовать Западу зад и перенимать у Запада в слепом преклонении, что надо и в значительно большей степени, что не надо. Пластиковые одноразовые стаканы из этой же серии. Будь я премьер-министром, я бы запретил использование пластиковых одноразовых стаканчиков и вернул бы во всеобщее употребление, оправдавший себя столетиями, добротный русский гранёный стакан. Однако, как говорится, бодливой корове Бог рогов не дает.

Но вернёмся к нашим делам. Мы втроем расселись в нашей комнате за столом, и начали священнодействовать. Не торопясь (а куда спешить?), попивая из гранёных стаканов водочку, сначала обсудили все новости, вопросы и проблемы на нашем факультете, затем обсудили все дела в институте, затем обсудили жизнь и дела в городе Ленинграде, в процессе чего резко раскритиковали действия городских властей в области благоустройства, транспорта, торговли и вообще во всей городской жизни. Будь мы руководителями города, мы таких безобразий не допустили бы, у нас всё было бы чин-чинарём. Пришло время перейти к обсуждению международных вопросов, тем более что обсудить было чего. В мире не было стабильности, особенно на Ближнем Востоке, где евреи из Израиля и арабы из прилегающих стран никак не могли найти общего языка и время от времени затевали войнушку. При этом евреи каждый раз крепко поколачивали арабов, несмотря на то, что Советский Союз арабам валил немеренно оружия, бронетехники, самолётов

и финансовых ресурсов. Для нас вопрос был абсолютно ясен. Евреи защищали свою землю, своё молодое государство Израиль, свои дама и семьи. Для них все развязанные арабами против Израиля войны были Отечественными. А арабские страны не признавали создания и существования Израиля, призывали уничтожить его, изгнать евреев, захватить их земли. Солдаты арабских стран шли на войну не защищать, а убивать. Естественно при таком раскладе, получив от евреев по зубам, тут же бежали, побросав оружие, боевую технику и снаряжение задарма полученные от Советского Союза. Поэтому нам была совершенно не понятна позиция тогдашних наших правителей. Что их заставляет валить неисчислимые миллиарды народных финансовых средств в бездонную арабскую яму? Почему в такой политической игре, они ставят на вечно битую, никогда не выигрывающую арабскую карту? Всем же очевидно, что как говорит русская пословица – не в арабского коня русский овес. Вопросы эти требовали немедленного обсуждения, и мы с Энвером уже были готовы к ним перейти, и путем обмена мнениями найти ответ, как вдруг увидели, что Ваня-Китаец сделался, абсолютно пьян. Что нас повергло почти в шок. С чего бы это? Выпили всего две поллитровки водки на троих. Это по 333,3 грамма на каждый пьющий нос. Для молодых, крепких, тренированных парней, конечно же, не доза. Это для нас как слону дробина! Но факт остался фактом – Ваня-Китаец сделался, безнадежно пьян. Может он выпил на голодный желудок, или, может, привык к китайской ханже (редчайшая, надо сказать, дрянь) и не привык к русской водке? Но, как говорится, дело житейское, раз так получилось, то для этого состояния тоже есть свои правила поведения. Нельзя плясать и орать песни, тем более проявлять какую-либо агрессию. Вон кровать – вались и отдыхай, приходи в себя, чтобы завтра был чист как стекло. Но наш Ваня повёл себя более чем странно. Расплакался, распустил слюни и сопли, и побежал. Куда вы думаете? Ни в жизнь вам не отгадать! Побежал к коменданту общежития сознаваться:

- Товарищ комендант! Извините меня, я совершил проступок! Я нарушил правила общежития, я выпил водки! Если считаете нужным, накажите меня за мой проступок!

Комендант опешил от этого неожиданного признания. За многие годы пребывания в ответственной должности коменданта студенческого общежития он впервые столкнулся с таким казусом. Отставной мичман, он считал себя великим знатоком психологии матросов и студентов. Матросы ещё так-сяк, а студенты были в его представлении вообще не способны ни на что кроме нарушений правил поведения в общежитии и уж тем более не способны сознаваться в содеянном. А тут такой случай! Придя в себя после некоторого замешательства, комендант задал на редкость глупый вопрос:

- Как водки выпил? А где водку взял? Купил что ли?

- Да нет, не покупал я ничего. Меня пригласили мои друзья из соседней комнаты отпраздновать какое-то важное для них событие по русскому обычаю. У них всё было.

- Так-так-так! Ну-ка, пожалуйста, поподробнее, что за друзья, что за повод празднования, в какой комнате был праздник?

И Ваня-Китаец, видимо, по простоте душевной всё подробно рассказал о наших посиделках. Выслушав изложенное, товарищ комендант возликовал:

- Ага! Попались голубчики! Знаю я твоих друзей! Те ещё нарушители, давно у меня на них зуб растёт, да всё поймать на месте нарушений не могу. Но теперь попались. Товарищ Ван Чень не беспокойтесь, молодец, что осознали свою вину, никакого наказания вам не будет, ограничимся этим разговором, только надо выполнить одну маленькую формальность. Вот вам бумага, вот ручка, давайте изложим письменно, что вы мне сказали. А чтобы было легче, я продиктую, что надо писать.

Значит так. Коменданту общежития такому-то. Рапорт. Довожу до вашего сведения, я студент Ван Чень, гражданин КНР, сегодня такого-то числа был злостно вовлечён в коллективную пьянку, организованную студентами такими-то. Я пить водку не хотел, но они настояли, объявив, что я должен выпить за здоровье нашего вождя Мао Цзэдуна, и налив мне порцию сказали, что отказываться нельзя, это не политично. То же самое пришлось делать за процветание Китайской Народной Республики, а затем за нерушимую дружбу СССР и КНР. Были ещё предложения, но я уже не мог. В чём и подписуюсь. Теперь подпишитесь по-русски и для солидности ещё и по своему, иероглифами. Число поставьте, и знаете что, пожалуй, напишите и время. Ну, вот и всё. Молодец Ван Чень!

И растроганный комендант хотел в порыве чувств объять Ваню-Китайца, но вдруг испугался измазать Ваниными слюнями и соплями свой китель, кстати, всегда, идеально отглаженный, и ограничился тёплым рукопожатием. После чего проводил его до комнаты и уложил на кровать, а затем без стука, с грохотом ворвался в нашу комнату, видимо, рассчитывая застать в комнате развесёлое пиршество. Однако, мы с Энвером, как люди опытные всё предусмотрели, и товарищ комендант обнаружил в комнате двух студентов, задумчиво сидящих за столом, склонившись над шахматной доской. Но это его не обескуражило и не уменьшило его торжественно победного настроения.

- Ага, попались голубчики! Вздумали пьянку в комнате устраивать! Теперь-то вам не отвертеться, вот у меня бумага! Документ! Здесь подробно изложены все ваши сегодняшние художества.

- Бумага все стерпит – философски изрёк Энвер, а я наоборот крепко забеспокоился:

- Позвольте нам прочитать этот документ товарищ комендант!

- Так я и дал вам его в руки! От вас можно всё ожидать, вплоть до того, что проглотите бумагу, чтобы уничтожить улику. Сам зачитаю. Вот послушайте.

И товарищ комендант зачитал нам рапорт Вани-Китайца.

- Теперь поняли о чём речь? Завтра этот документ ляжет на стол руководству института, и вылетите вы из общежития как пробки из шампанского за вопиющее нарушение режима, за сегодняшнюю пьянку и за прошлые свои художества. Есть бог на свете! Наконец-то справедливость восторжествует!

И комендант выскочил из комнаты, на прощанье торжественно хлопнув дверью. Ситуация складывалась опасная, а обратиться за помощью было не куда. Декан в этом случае не поможет, он занимается только учебным процессом, комитет комсомола мог бы встать на защиту, но комитетчики нас недолюбливали, и надо признаться было за что. Похоже, мы крепко влипли из-за своих специфических взглядов на дружбу между народами.

- Да, Энвер, похоже, мы крепко погорели. Выхода не вижу, разве что пойти прямо к директору института Бобкову Николаю Владимировичу, во всем повиниться и попросить прощения и пощады. Говорят он человек очень строгий, но справедливый.

На том и порешили, поскольку других вариантов придумать не смогли.

Назавтра, с ранья, побежали в институт прямо в приемную к директору. Секретарша нас, конечно, попёрла:

- Этого ещё не хватало! Студенты будут отнимать время у директора института. Марш отсюда, для решения всех вопросов у вас есть деканат. Да и Николая Владимировича нет на месте. У него дела поважнее ваших.

- У нас дело чрезвычайной важности, дело можно сказать о жизни и смерти и решить этот вопрос может только директор института. И никуда мы не уйдём, будем ждать Бобкова.

И демонстративно сели на стулья, что стояли вдоль стены. Секретарша аж задохнулась от возмущения и начала беззвучно открывать и закрывать свой красивый рот. На наше счастье, в это время, в приемную зашёл сам Бобков Н. В., иначе она всё же бы нашла способ нас выгнать. Мы с грохотом вскочили, отбросив стулья, и вытянувшись, хором рявкнули:

- Здравия желаем товарищ инженер генерал-директор третьего ранга!

Бобков мельком взглянул на нас и, ткнув в нашу сторону большим пальцем левой руки, спросил секретаршу:

- Это что за столбы?

- Да вот Николай Владимирович, никак не выгоню, к вам рвутся. У них, видите ли, какое-то государственное до вас дело.

Бобков коротким жестом указал нам на двери своего кабинета. Мы зашли за ним и вытянулись у входа, не смея пройти дальше.

Николай Владимирович сел за свой стол, внимательно нас осмотрел и произнёс:

- У вас четыре минуты. Излагайте.

Я очень подробно, ничего не утаивая, рассказал о происшествии и, насколько позволила память, постарался дословно передать содержание рапорта Вани-Китайца. После меня Энвер скромно добавил: «Сам я татарин». Он всегда произносил эту фразу, когда хотел кого-либо разжалобить. Реакция директора привела нас в ступор. Николай Владимирович

вдруг искренне расхохотался. Отсмеявшись, он уже по-другому взглянул на нас и почти доброжелательно сказал:

- Вот что, сынки, пусть этот случай будет вам уроком на всю жизнь. Никогда близко не сходитесь с азиатами, от этого не будет никакого толку. Азиаты – это другая цивилизация, совершенно отличные от наших взгляды на жизнь и на нормы поведения. Другая мораль, другое восприятие событий. Никогда они нас не поймут, а мы их. Их много и ещё неизвестно кому будет принадлежать будущее в этом мире.

Затем он взял телефонную трубку и попросил секретаршу соединить его со своим заместителем по административно-хозяйственной службе.

- Вот что, комендант решил выселить из общежития двух студентов за то, что они распивали спиртные напитки в своей комнате. И правильно решил, ишь нашли место, как будто в Ленинграде мало других специально предназначенных для этого мест. Но думаю, надо их простить на первый раз, передайте коменданту, пусть изменит свое решение. Они больше не будут.

И положив трубку, махнул рукой, мол, убирайтесь отсюда, видеть вас больше не хочу. Но мы не преминули соблюсти вежливость и дружно гаркнули:

- Спасибо, товарищ инженер генерал-директор третьего ранга! Мы вас не подведём, товарищ инженер генерал-директор третьего ранга! До свидания, товарищ инженер генерал-директор третьего ранга!

И пулей вылетели из кабинета.

В общежитии нас уже ждали. Дежурный на вахте сказал, что нас давно ждёт товарищ комендант. А он сходу начал читать нам нравоучения:

- Ага, явились, выпивохи хреновы! Вот она ваша бумага, вот он ваш документ! Стоит ему дать ход и знаете, что с вами будет. Повезло вам! Сегодня я добрый, так что прощаю на первый раз, но имейте в виду, бумага ваша, документ будет лежать в моем сейфе, если что – сразу дам ему ход.

Мы прикинулись паиньками и начали уверять товарища коменданта, что мы хорошие, что происшедшее это роковая случайность и то вызванная стремлением крепить нерушимую советско-китайскую дружбу, на что товарищ комендант заявил, что-де хватит прикидываться. Он-де знает нас как облупленных, и если мы сейчас же не исчезнем, то он может и передумать и снова извлечь из сейфа на белый свет нашу бумагу-документ. После таких слов, мы сочли за благо срочно покинуть кабинет товарища коменданта, предварительно рассыпавшись в благодарностях и тепло попрощавшись. Вообще-то товарищ комендант был неплохим мужиком и, похоже, искренне боролся за благое дело, что являлось по его понятиям борьбой за порядок, дисциплину, чистоту и уют в общежитии. Как-никак общежитие является почти родным домом студентов на весь период учёбы. А кто бы против этого возражал? Правда, взгляды товарища коменданта и студентов на эти вещи несколько различались. Ну а Ваня-Китец так и не понял, что он сотворил, вел себя, как ни в чём не бывало, был приветливым и внимательным и всем улыбался по-прежнему до коренных зубов. Мы с Энвером внешне тоже не показывали возникшей к нему неприязни, ну, а в душу к себе не пускали, хотя Ван Чень и был представителем когда-то угнетённой нации и жил когда-то в фанзе с земляным полом при обилии блох и недостатке еды.

Время шло, и мы приблизились к окончанию института. После защиты дипломных проектов, нас называли уже не студентами-дипломниками, а молодыми специалистами. А за несколько лет до этого было отменено обязательное ношение форменного обмундирования, одновременно с этим как-то

незаметно исчезла и полувоенная дисциплина. А поскольку в душе все мы были стилистами, то и одеваться стали сообразно своим вкусам и финансовым возможностям. Появились клетчатые, пестрые и разноцветные пиджаки с широкими плечами и длинными полами, узкие брюки-дудочки, туфли на каучуковой подошве толщиной в два, а лучше в три пальца, галстуки невообразимых расцветок и само – собой соответствующие причёски. Кстати, Энвер где-то оторвал галстук, который стал предметом зависти всех парней курса, если не сказать факультета. Галстук переливался всеми цветами радуги, на нём изображены пальмы и обезьяны и был он такой длины, что закрывал Энверову ширинку на штанах. На вопросы о месте, где можно приобрести подобные галстуки, владелец молчал, как могила. Оно и понятно, галстук вызывает интерес и ажиотаж, пока он один.

Пришло наконец-то и время заключительного акта окончания учёбы в институте. Торжество вручения дипломов инженера должно было проходить в 204 аудитории.

Аудитория эта была устроена амфитеатром со 2-го по 3 этаж. Мы, выпускники, должны были сидеть в амфитеатре, а профессорско-преподавательский состав факультета внизу на сцене.

Вырядились мы на это долгожданное мероприятие как на выставку стилистических мод, а Энвер не преминул одеть, свой сногшибательный галстук. А девчонки наши вообще вызвали у ребят оторопь. Явились с немислимыми причёсками, в моднющих платьях с вырезами на груди (французское слово «декольте» в те годы нам ещё не было известно), туфли на высоченных каблуках, масса каких-то украшений и что уж, совсем сногшибательно – с умело выполненной косметикой на лицах (теперь это называется «макияж»). Ребята, пораженные всем этим в самое сердце, искренне удивлялись – где были их глаза? Пять лет учились и жили рядом с девчонками и не замечали, какие они красавицы. Но, как говорится, что прошло, то прошло и ничего уже не вернёшь!

На сцене в центре длинного стола сидел декан нашего факультета профессор Сиротский Виктор Филиппович, очень уважаемый, надо сказать, студентами преподаватель. На столе перед ним стопками лежали ожидаемые нами дипломы о получении высшего образования и квалификации инженера. Слева от декана расположились Самойлович П. А. – вёл курс «Металлические конструкции», Пестов А. И. – «Перегрузочные машины непрерывного транспорта», Гагеман Ю. В. вёл у нас курсовые проекты и был членом ГЭКа (Государственная экзаменационная комиссия) на защите дипломных проектов. Справа от декана разместились Фельдман С. С. – «Теоретическая механика», Калинович М. Л. – она вела курс «Сопrotивление материалов» и Иосифов М. Н. – соответственно «Термодинамика» и «Теплосиловые установки». Во втором ряду сидели преподаватели рангом попроще.

У друга моего Энвера со многими представителями профессорско-преподавательского состава были свои, особые отношения. Например, однажды в зимнюю сессию он сдавал экзамен Самойловичу П. А. И как-то так совпало, что у обоих оказался жуткий насморк, а носовых платков как на грех и у экзаменатора и у экзаменуемого не оказалось. Постоянную течь из носов они вынуждены были вытирать руками. А куда денешься? А руки потом дружно вытирали об экзаменационную доску с формулами. По результатам экзамена Энвер, конечно, отхватил заслуженную четверку и между ним и Самойловичем П. А. возникла взаимная приязнь и симпатия. Если они встречались в коридоре, Платон Александрович первым тянул Энверу руку, они обменивались продолжительным рукопожатием и долго и с видимым удовольствием о чём-то оживленно разговаривали тепло жмя друг другу руки.

Энвер часто и с гордостью вспоминал, как они с товарищем Самойловичем экзамены сдавали.

Пестов А. И. был маленького роста, и как все низкорослые

люди страдал «синдромом Наполеона», то есть испытывал глубочайшую антипатию к рослым и высоким людям. Студентам, обладающим, по мнению Пестова А. И. этим недостатком доставалось от него так, что со временем высокорослые студенты старались любыми путями избежать встречи с Пестовым А. И., вплоть до неявки на экзамен. На заключительном экзамене после завершения курса «Перегрузочные машины непрерывного транспорта» Энвер совершил недопустимую оплошность – попал сдавать экзамен к Пестову А. И., вполне успешно ответив, на вопросы экзаменационного билета, он был запутан многочисленными дополнительными вопросами Пестова и уже мысленно прощался со стипендией на следующий семестр. Но товарищ Пестов в этот день был в благодушном настроении, то ли жена утром накормила хорошим завтраком, то ли получил какое-то приятное известие или ещё что-нибудь, но, посмотрев на сникшую физиономию экзаменуемого, вдруг произнёс:

- Да-а, студент Девишев, правильно гласит русская поговорка: «Велика фигура, да дура!» Ладно, уж, так и быть четыре балла я вам поставлю. И не торопясь внёс оценку в экзаменационную ведомость, а затем записал «хорошо» в зачётную книжку Энвера, который во время всей этой процедуры проявлял должную выдержку и стоял, молча, а получив зачётку, медленно положил её в карман и оставил последнее слово за собой:

- Спасибо товарищ Пестов за справедливую оценку моих знаний, но к вашему сведению, есть ещё одна, более мудрая русская поговорка: «Мала куча, да вонюча!»

И, повернувшись, медленно и с достоинством удалился. А товарищ Пестов остался сидеть с открытым ртом.

А с Гагеманом Ю. В. у Энвера произошла следующая история. Защищая свой дипломный проект, он отчеканил свой многократно отрепетированный доклад и завершил его словами:

- Доклад окончен. Прошу задавать вопросы.

Гагеман Ю. В. встал, а ходил он, чуть прихрамывая и из-за этого пользовался палочкой, подошёл к развешанным на досках чертежам и долго изучал их, почти елозя по чертежам носом из-за своей близорукости. Затем поманил Энвера пальцем и, указав карандашом на какую-то деталь чертежа, наклонился к Энверу и тихо спросил:

- Дипломант Девишев, а что это у вас на чертеже за х... винка?

Энвер, наклоняясь, внимательно посмотрел на чертеж, затем наклонившись к самому уху Гагемана, ещё более тихо ответил:

- А х... её знает!

Председатель ГЭКа Архипов Евгений Евгеньевич, приехавший на защиту из Москвы, один из руководящих работников Министерства, внимательно наблюдал за ними и спросил:

- Товарищ Гагеман! У вас появились какие-то сомнения?

- Что вы, Евгений Евгеньевич, никаких сомнений, никаких сомнений! Я получил исчерпывающий, обстоятельный ответ. Абсолютно чёткий ответ!

И похромал на своё место.

Евгений Евгеньевич, как человек практичный, посчитал, что нечего после такой оценки тянуть время ещё какими-то дополнительными вопросами и объявил:

- Защита окончена! Дипломант Девишев соберите свои чертежи, ваш диплом оценивается на «отлично». У членов ГЭКа возражения есть?

Возражений, конечно, не было. Попробуй повозражай руководящему работнику Министерства. Вот таким образом мой друг, рассчитывавший на слабенькую четверку (а трояк тем, кто добрался до защиты диплома вообще не ставили), оказался обладателем отличной оценки к великому его и нашему, его друзей, изумлению.

А вот с Фельдманом С. С. и Калинович М. Л. особые отношения сложились у меня. На зачётах и экзаменах эти преподаватели, как мне тогда казалось, очень ко мне придирались. После ответы на вопросы экзаменационного билета, буквально заваливали массой дополнительных, причём каверзных вопросов и смотрели, как я выпутаюсь. Получить тройку и остаться без стипендии я себе позволить не мог, поэтому, зная повышенное внимание к себе, вынужден был и «Теормех» Фельдмана и «Сопромат» Калинович учить и днём и ночью. А ответить на все эти придирки по своей студенческой бесправности ничем не мог. Разве что где можно и где не можно для внутреннего успокоения горланил песню про Фельдмана и Калинович. Песня эта откуда-то недавно появилась на нашем курсе, а потом её начал распевать весь факультет, такая она сделалась популярная. Исполнялась песня на мотив всем известной тогда блатной «Мурки» и начиналась так:

«Раз пошли на дело Фельдман с Калинович,

Дробью зарядили пистолет,

Острый финский ножик взяла Калинович,

А Семён Семёныч взял кастет.

Вышли тёмной ночью в тёмный переулок,

И сквозь зубы вспоминали мать,

Фельдман воровато затушил окурок

И свою добычу стали ждать».

Ну и дальше в том же духе где-то ещё около полудесятка куплетов. Активисты из комитета комсомола посчитали распевание подобной песни кощунственным посягательством на авторитет преподавателей и пытались запретить, но результат, сами понимаете, оказался диаметрально противоположным. И песню орали хором даже на демонстрациях. Поиски автора, для последующего наказания его, тоже успехом не увенчались. Оказалось, что эта песня является устным народным творчеством и студенческим фольклёром (видимо, так же как и пресловутая «Мурка»). Я злорадно похихатывал, глядя на все эти перипетии, зная что автора не найдут, и мечтал только об одном, чтобы песня дошла до слуха её героев. А вот сейчас думаю, вдруг я был тогда не прав? Вдруг не было никаких придинок, а преподаватели просто хотели добиться от меня более глубоких знаний по своим не простым предметам? Сейчас этого уже никогда не выяснить. Но ясно одно, прежде чем делать какие-то выводы, надо было все обстоятельства хорошенько продумать во всех вариантах.

Когда, наконец, все участники торжества расселись, и наступила тишина, Виктор Филиппович встал и обвёл нас, бывших своих студентов, взглядом своих, всегда добрых глаз. Глаза его в этот раз излучали глубочайшую радость и в них явственно читалось:

- Слава тебе Господи. Наконец-то выпустили! Наконец-то избавились от этих непредсказуемых сорванцов и сорванок с их безнадзорным военным детством! Теперь будет поспокойнее.

Только он открыл рот, чтобы начать свою приветственную, торжественную речь, как дверь в аудиторию распахнулась, и вошёл директор института Бобков Н. В. Мы, бывшие студенты, ещё не полностью забывшие основы дисциплины с грохотом

вскочили и вытянулись. Глядя на нас, медленно поднялись и преподаватели. Николай Владимирович мягким жестом приказал всем сесть, прошёл на сцену, за руку поздоровался с Сиротским и сев рядом с ним приказал продолжать торжественное действо.

Виктор Филиппович произнёс яркую приветственную речь, в которой отметил, что сегодня появляется на свет новый отряд молодых дипломированных инженеров, получающих это звание после пятилетней учёбы в Ленинградском институте инженеров водного транспорта. Этот отряд молодых специалистов вооруженных знаниями, полученными в стенах института, безусловно, крепко продвинет вперёд всё народное хозяйство в целом и водный транспорт в частности. Народное хозяйство, конечно же, сделает очередной виток вверх, в своём развитии с приходом на производство этого боевого отряда специалистов. И пусть попробует капиталистический мир с нами теперь потягаться в мирном соревновании двух систем. И так далее и так далее. Мы сидели и, млея от восторга, внимали речи бывшего нашего декана.

А залогом всего сказанного, продолжал Сиротский, являются вот эти дипломы о присвоении звания инженеров, которые я вручу сейчас нашим выпускникам. В этот момент Бобков Н. В., коснувшись рукой докладчика, спросил:

- Виктор Филиппович, по-моему, среди ваших сегодняшних выпускников должны быть двое таких-то – и назвал наши с Энвером фамилии.

Мы дружно вскочили, вытянулись и рявкнули:

- Здесь таковые! Присутствуем!

А что ещё можно было сделать? Бобков поманил нас рукой:

- Подойдите, молодые люди. А вы, Виктор Филиппович,

дайте-ка мне ихние дипломы, хочу посмотреть, как они защитили свои дипломные проекты. Так-так. У обоих отличные оценки. Ну что ж, много я и не ожидал. Поздравляю Вас с получением высшего образования и звания инженера. Желаю успехов в новой для вас предстоящей производственной деятельности. И запомните: Чтобы не случилось – всё к лучшему, только жить и работать надо всегда активно.

Затем Николай Владимирович извинился, что не может более присутствовать на нашем мероприятии из-за недосуга и покинул аудиторию, а торжество продолжалось дальше и прошло на высоком идейно-политическом уровне. Правда, потом после окончания официальной части, начались расспросы, толки и пересуды, почему это нам с Энвером выпала такая честь, сам директор института вручил дипломы. Мы ссылались на незнание и скромно помалкивали, тем более что уж чего-чего, а скромности нам с Энвером было не занимать. Появилось много версий. Особенно у девчонок. Вроде того что мы являемся родственниками Бобкова Н. В., или что у нас родня среди руководителей Министерства, ишь скромники все пять лет притворялись деревенскими парнями, а у самих выходит, имеются высокопоставленные родственники. Однако, все эти досужие, фантастические предположения вскорости сошли на нет, и забылись, как не имеющие под собой основы. А вопрос о причинах оказанной нам с Энвером небывалой чести так и остался для всех открытым.

В дальнейшем через многие и многие годы, когда мне пришлось работать на ответственных должностях, приходилось встречаться по разным деловым и производственным вопросам и с деловыми представителями восточных стран. На этих встречах всегда имела место быть величайшая взаимная доброжелательность и приветливость, но в душе моей всегда присутствовало насторожённое и опасное. И это помогало правильно решать все вопросы.

ЧАСТЬ IX. ПРО МАКСИМОВНУ И ЕЩЕ РАЗ ПРО СУДЬБУ

В нашей деревне жила весьма пожилая женщина. Звали её – Максимовна. О ней выше уже упоминалось, но, по-моему, про Максимовну надо рассказать более подробно. Максимовна это отчество, а имя её я не знал, да, по-моему, и в деревне никто не знал. Максимовна и Максимовна, чего тут непонятного, одна на всю деревню. Основной особенностью Максимовны, как уже говорилось, была её невероятная скандальность, её невероятно стервозный характер. Не проходило дня, чтобы она с кем-нибудь не поругалась, не навязала скандал, не обозвала последними словами. Говорили, что если она в течение дня с кем-нибудь не поругается, то считала, что зря прожила день. Люди, конечно, старались её избегать, старались с ней не встречаться. Но этого не получалось. В деревне и жизнь проходит у всех на виду и работа всегда коллективная сенокос ли, уборка ли, молотба ли на гумне, всегда все работают бригадой. Так что Максимовне скандалить и ругаться было полное раздолье. Во всех деревнях Верхне-Лалья народ жил спокойный, добродушный, очень приветливый, очень внимательный и друг к другу и к посторонним. И вдруг в нашей деревне оказалась такая скандалистка, единственная на всё Верхне-Лалье. Как-то не вяжется всё это. Оказалось, что Максимовна не местного происхождения, а откуда-то приезжая. Оказалось, что ещё в начале двадцатых годов прошлого двадцатого века она появилась в нашей деревне серьёзно беременной вместе с мужем, поселились ненадолго у какой-то старушки, и тут же разродилась мальчиком (на местном диалекте – принесла парня). Кто был мужем Максимовны и как его звали неизвестно, потому, что его все звали по прозвищу, которое ему сразу же прилепил Федюня Карявый. Вообще-то Максимовнину мужу

было дано два прозвища. Первое – «Квашнич». Очевидно, что Квашнич – производное от слова «квашня». Он был малого роста, по виду рыхлый, по характеру ни рыба, ни мясо. Таких людей в деревнях зовут «квашня – квашнёй». Видимо отсюда и прозвище – Квашнич. Второе прозвище состояло из двух слов и было не совсем парламентским – Шёлковый Серёдыш. Серёдыш – это на местном диалекте ширинка на мужских брюках. Видимо Квашнич свою ширинку часто расстёгивал – застегивал, причем не всегда чистыми руками, поэтому ширинка у него засалилась, залоснилась и блестела как первосортный шёлк. Поэтому и прозвище – Шёлковый Серёдыш. Вскоре после рождения сына муж Максимовны почему-то благополучно умер. Куда ей было уезжать с грудным младенцем? Так и прижилась в нашей деревне, терроризируя мирное население своими скандалами. Но кто-то из деревенских, видимо, в порядке самозащиты, сочинил и пустил в народ озорную частушку:

Максимовна пришла,

Принесла зародыша,

Уморила Квашнича

Шёлкова Серёдыша.

Исполнение этой частушки в присутствии Максимовны вызывало у неё небывалый взрыв эмоций с упоминанием черта, всех святых, ангелов, закона и матери природы.

Сын у Максимовны вырос, превратился в мужика, даже был призван на войну. Но вернулся с войны несколько раньше Победы, по ранению. Звали его в деревне почему-то по матери – Максимович, а мы – деревенская пацанва просто – Максимко, а за глаза ещё проще, «Максимко – Зародыш».

Максимович несколько раз женился, каждый раз официально – с регистрацией в сельсовете и свадьбой. Молодых

девок в жёны брал из дальних деревень, потому что, например, из нашей деревни ни одна бы не пошла невесткой в дом к Максимовне. Жёны Максимовича – молодницы его матери долго не задерживались, буквально через две-три недели сбегали к своим родителям, видимо, не выносили жизни со своей свекровью. Со временем и сам Максимович сошёл со своего дома и уехал куда-то. Максимовна осталась одна, времени свободного у неё стало много, которое и тратила она теперь уже на чужих деревенских людей.

В нашей деревне бытовало глубочайшее убеждение, что если человек шёл куда-нибудь по важному делу и ему встречалась Максимовна, то точно пути не будет, дело не решится, более того могут возникнуть дополнительные неприятности, так что лучше вернуться восвояси. Примеров тому была масса. Например, вот такой случай. Два парня Петруша Сапожников по прозвищу «Сорока» и Миша Кислицын по прозвищу «Пустяк» уговорились ночью, когда пчёлы спят, побывать на колхозной пасеке и поживиться мёдом. Сказано – сделано. Вечеру отправились в сторону пасеки. На деревенской улице им встретила идущая навстречу Максимовна. Парни не придали этому факту никакого значения, продолжили свой путь и около пасеки спрятались в кустах, ожидая темноты. С наступлением ночи пробрались на пасеку, с улья сняли крышку и начали доставать рамки с мёдом. В это время из засады выскочили пасечник-пчеловод Ефимко Сластихин по прозвищу «Шашкич», колхозный бригадир Алёша Чухломин по прозвищу «Мещанец» и ещё два мужика. Миша Пустяк оказался проворным, успел прыгнуть в кусты и скрыться, а Петрушу Сороку повязали. Надо отдать ему должное, на следствии он своего поделника не выдал и под суд пошёл один и получил срок в пять лет лишения свободы «за расхищение колхозного достояния». Отсидел, правда, меньше, где-то около половины назначенного срока и освобожден досрочно, но не за хорошее поведение, а по амнистии. В конце марта 1953 года Берия Лаврентий Павлович, бывший тогда Зампредом Совмина

СССР и министром МВД, объявил массовую амнистию заключённым. Из мест лишения свободы было одновременно выпущено 1 178 422 заключенных. Они заполнили железные дороги, вокзалы, большие и малые города. Поскольку нравы и понятия о нормах поведения амнистированных сильно отличались от общепринятых, повсеместно начался величайший бардак, хулиганство, кражи, грабежи, бандитизм, поножовщина и убийства. Давненько страна не испытывала такого разгула преступности. Органам правопорядка потребовались великие усилия и немало времени на наведение порядка и водворения амнистированных за вновь содеянное туда, где и положено им быть. Вот и Петруша Сорока, видимо, получив на зоне соответствующее воспитание, освободившись по амнистии, на воле побыл недолго. Через какое-то время устроил на гулянье на Погосте поножовщину и был снова отправлен на зону на более длительный срок. И больше в Верхне-Лалье не появлялся.

А всё началось с безобидной встречи с Максимовной. Или, например, мужики в деревне целую неделю собирались половить рыбу бреднем и сеткой-мережкой, да всё как-то не получалось. То у одного работа, то у другого что-то случилось, то у третьего накладка. Наконец в воскресенье в выходной день вроде всё сложилось. Мужики организовались и пошли на рыбалку. Человек восемь. Может больше, кто считал. Конечно, соответственно одевшись и обувшись в лапти. Лапти, кстати говоря, самая удобная для рыбаков обувь: сколько воды в них войдёт, столько и выйдет.

И вот артель рыболовов идёт по деревенской широкой улице. На плечах несут бредень и мережку, в руках вёдра под рыбу, ботала и специальные палки для пугания рыбы. В головах у всех радостные мысли. В реке Лале рыбы много. Поймано будет не меньше двух вёдер, а, пожалуй, гораздо больше. Несколько крупных рыбин надо будет продать директору школы Александре Петровне, она очень любит свежую рыбку. На

вырученные деньги купить в сельмаге водочки. Ещё несколько рыбин покрупнее запечь на прутьях на костре, а остальную рыбу по-братски поделить между участниками, а потом не торопясь, у костра попить водочки под запеченную тут же рыбку! Что может быть лучше? От таких мечт у рыбаков ускорялся шаг, и поднималось настроение. И вдруг, надо же! Навстречу идёт Максимовна! Рыболовы тут же дружно поворачивают обратно. Рыбалка откладывается на неопределённое время. Раз на встречу попалась Максимовна, бесполезно идти на рыбалку, ни одна даже самая никудышная рыбешка не попадётся в сети. Это уже точно.

Девчата большой группой собрались идти по грибы. Поодиночке по грибы ходить нельзя, можно заблудиться. Лето тогда выдалось на редкость грибное. Под каждым деревом только гляди то белый гриб (боровик), то подберезовик (обабок) стоит. В каждой избе каждый день готовится на обед грибной суп, по местному губница, жарёха, просто из грибов, грибы с картошкой и так далее, какая хозяйка на что горазда. А груздей солили целыми лагунами. Лагун это такая местная деревянная ёмкость, вроде маленькой бочки, чуть-чуть суживающейся кверху со съёмной крышкой. В лагунах солили грузди, обваривали капусту, заготовливали огурцы, а на праздники делали брагу. У каждой доброй хозяйки в обиходе было по несколько лагунов, и теперь они в большинстве своём были заняты солёными груздями. Девчата группой шли в лес, и предвкушали, какой будет обильный сбор грибов. Договорились не торопиться, грибов на всех хватит, а собранные тут же и чистить. Во-первых, сору домой не принесешь, а во-вторых, чищенных и порезанных грибов больше в корзины войдет. В общем, перспективы были самые радужные. И вдруг, когда грибницы уже подходили к лесу, навстречу им из леса вышла Максимовна. Девчата тут же дружно повернули обратно и ни с чем пошли домой. Потому что, если на встречу попалась Максимовна, то уж точно ни одного гриба не попадётся. Это настолько же верно, как то, что день сменяется

ночью. Или ещё. Несколько соседок договорились сходить на Погост в магазин, посмотреть может быть завезли чего-нибудь. Приоделись. А как же? Всё-таки идут на́ люди. Около сельмага всегда народ. И внутри магазина, и на улице – на завалинке. В основном, конечно, женщины, которые приходят к магазину по делу и без дела. Обсудить новости, попросить совета насчёт возникших вопросов, да и просто посплетничать. Мужиков бывало меньше, эти курили махорку и что-то соображали. Такой вот клуб на свежем воздухе. Женщины отправились по направлению к Погосту, а через какое-то время им на встречу попадается Максимовна. Результат ясен, они поворачивают обратно и расходятся по домам. Потому, что в магазин идти бесполезно. Или продавец Иван Епафродитович заболел, или переучёт в магазине, или ревизия приехала из Лальска, только сельмаг не работает, это уж точно как божий день.

Так что на повседневную жизнь в нашей деревне Максимовна очень и очень влияла.

Когда я учился в Верхне-Лальской семилетней школе, то в своем классе был самым маленьким по росту. И этому были свои причины. Во-первых, мать отвела меня в первый класс семи лет. А остальные первоклассники были восьми, девяти и даже из отдалённых деревень десяти лет. А во-вторых, в то время было такое явление, как «второгодники». Некоторые ребята учились плоховато (заметьте – только мальчики). Их звали «неуспевающие», т. е. они не успевали осваивать программу обучения. Самых злостных «неуспевающих» оставляли учиться на второй год в том же классе. Отсюда – прозвище или название (кто как хочет) «второгодник». Второгодников в школе было достаточное количество, и эти ребята были порослее и покрепче основного состава ребят в классе. Некоторые умудрялись оставаться на второй год по несколько раз в разных классах. Бывало и так, что сразу после окончания семилетки, парня забирали на службу в армию. Возраст позволял. Сейчас

второгодников в школах вроде бы нет. Детей силой, за уши и за волосы тащат из класса в класс. Видимо, система обучения другая. Это я по своим внукам – школьникам сужу.

Двумя или тремя классами позднее училась одна девочка, звали её Галинка. Эта Галинка считалась почему-то симпатичной и около неё всегда увивались второгодники, набиваясь в ухажеры. И я, шкет, туда же. Правда Галинка была девочкой рассудительной и своим потенциальным ухажерам, не давала ни какой надежды на успех в их притязаниях. И меня особо не привечала, но и не отталкивала, хотя я и был крепко ниже её ростом. А тут закончили мы семилетнюю школу. Пришлось уехать из родительского дома и покинуть деревню ради дальнейшей учёбы. Появились новые знакомые, новые приятели, друзья, новая обстановка и Галинка вылетела из головы, как будто её там и не бывало. Видимо, не особенно крепко она там и сидела.

Прошли годы. Я, закончил институт, и получил направление на работу по распределению. Между окончанием учёбы и началом работы образовалось две недели свободного времени. Как им распорядиться вопросов не возникло. Конечно, надо съездить в родную деревню, навестить родителей. Подготовку к этой поездке начал с того, что с форменного кителя срезал все старые пуговицы и пришил новые анодированные комсоставские. Ношение погон работниками речного флота к тому времени было отменено, а знаками различия были нашиваемые на рукава золотые шевроны. На рукава вышеупомянутого кителя были прикреплены мною нашивки начальствующего состава (как – никак инженер!), и в таком блестящем виде я заявился в родительский дом. Родители были безмерно рады и даже испытывали некоторую гордость. Люди с высшим образованием среди уроженцев Верхне-Лалья, конечно, были. Но это в основном учителя, медицинские работники, было несколько офицеров. А вот первым инженером в Верхне-Лалье

оказался я, что вызвало у родителей дополнительную гордость.

Жизнь в деревне после напряженной учёбы в институте, особенно в период работы над дипломным проектом, показалась мне земным раем. Спи, сколько хочешь, свежайший воздух пахнувший клевером и свежескошенным сеном, рядом река, купайся, сколько влезет. Бери удочку, лови рыбу, которой столько, что если до колен зайдешь в воду, то рыба мелочь так и тычется в ноги. Утром – традиционный обмен приветствиями с соседом Семёном Митриевичем, сидящем на своем крыльце и задающим ежеутренний традиционный вопрос: «Петрович, ты не чего не знаешь?» А еда! Невообразимое количество вкуснятины, которое ежедневно готовит мать. Даже волчий аппетит, оставшийся со студенческих времён, отступает от такого обилия. Как-то отец высказал просьбу – задание: «Сынок, сходи-ка на Погост, в сельмаг. Курево кончилось и ещё надо прикупить кое-чего».

«Почему не сходить. Сейчас схожу, только напиши на бумаге все необходимые покупки, что бы мне не забыть чего-нибудь».

Мать тут же дала совет – указание: «Форму одень, не ходи в чём попало на люди. Да сумку под покупки возьми вот эту, новую».

Отец написал список необходимых покупок и начал возиться с деньгами. Я изобразил на лице возмущение: «Отец, ты чего с деньгами шеперишься? Я уже не студент, а инженер! И деньги у меня есть, для начала самостоятельной жизни подъёмные дали. Так что теперь не вы мне будете деньги давать, а я вам».

Родители переглянулись и, по-моему, загордились ещё больше.

Не торопясь и, посвистывая, отправился я по деревенской

улице в сторону Погоста. И вдруг – явление. Навстречу движется девушка. Высокая, ядреная и в то же время очень стройная, светловолосая, коса толщиной в руку перекинута на грудь и достает до пояса, талия тонкая, фигура точёная, по местному – перехватистая. Глаза голубые, щеки румяные. Настоящая русская красавица, как будто бы только что сошедшая с полотен художника Кустодиева.

Я запнулся и остолбенел: «Галинка! Ты ли это!»

«Я! Кто ж ещё!» - созналась встреченная и обнажила свои жемчужные зубы.

Я к тому времени пообтерся в городах, пообтесался и поэтому демонстративно грохнул оземь новую хозяйственную сумку и, облапив Галинку, громко расцеловал в обе щеки. А затем, стремясь возместить упущенное в детстве, впился долгим поцелуем в её алые, упругие и теплые губы. Интересно, что она не оттолкнула меня, а наоборот прижалась всем телом. Так и стояли, обнявшись в центре деревенской улицы среди бела дня.

«Ух, ты какой стал! И кто ты теперь? – сказала Галинка, глубоко вдохнув, а потом выдохнув».

«Да вот, в Ленинграде закончил Институт инженеров водного транспорта. Приехал к родителям похвалиться дипломом инженера. Через несколько дней надо ехать к месту работы по распределению в Камское речное пароходство. А ты кто сейчас и чего в деревне делаешь?»

«А я пока ещё студентка. Учусь в педагогическом институте, по окончании буду учительницей. А сюда приехала к старшей сестре повидаться».

«Галинка, так это же здорово! Учитель – сама благородная на земле профессия! Учителя из человеческих детёнышей делают человек. Что может быть почётнее? Помнишь, как

нас сопливых заморышей наши учителя учили уму – разуму. Их старания, по-моему, нам на пользу пошли».

Тут мне в голову брякнула замечательная мысль: «Галинка! Меня отец на Погост в магазин послал. Если ты ничем не занята, пошли со мной, дорогой и поговорим».

«Пошли. Я как раз вышла просто погулять».

И мы отправились в сторону Погоста, оживлённо разговаривая обо всём и не о чём.

В деревне мух нету, и никогда не бывает. Мухи любят грязь и нечистоты, а откуда в деревне нечистоты? Комары и мошкара появляются ближе к вечеру в сумерки. Поэтому окна в избах тёплым летним днём обычно открыты настежь. Кто находится дома в это время? Обычно бабульки управляющиеся по хозяйству, которые время от времени выглядывают в окно на улицу, нет ли чего интересного, не прошёл ли кто незнакомый.

А мы с Галинкой не спеша идём вдоль домов со своими разговорами, не обращая ни на что внимания. Вдруг Катюха Алёксиха из своего окна кричит:

«Петрович! Экую пригожу ты девку ухватил! Ты её не упущай, она тебе баских робят нарожат!»

А с противоположной стороны улицы из своего окошка Анюха Федосиха голосит:

«Галинка! Экого ты видного парня ухватила! Ты не упущай его, он тебе баских робят наделат!»

Так и шли мы с Галинкой под откровенные советы досужих бабушек. Оставшиеся до отъезда дни прошли ещё интереснее. Мы обошли все памятные ещё с детства места, пару раз сходили за грибами, купались в Лале в омуте на Бурдукове,

в кружале на Исаде, в переброе на Бизюге, при этом, чтобы не позориться перед Галинкой мне пришлось временно позабыть о своей «водобоязни». Галинка в купальнике оказалась ещё ядренее и фигуристее чем в платье. Поцеловывались, конечно, не без этого. А потом она мне и говорит: «Слушай, пойдем сегодня к вечеру посидим на Глиннице». Я, конечно, с радостью согласился.

Тут необходимо сделать некоторое разъяснение. Глиннице – это высокий берег реки с крутым глинистым, почти вертикальным обрывом до самой воды (отсюда и название – Глиннице). Это самая высокая точка деревенской территории. Там были устроены две-три примитивных деревянных лавки для сидения, и вид открывался изумительный. Внизу извивалась на километры река, слева на холме желтела церковь на Погосте, в заречных просторах виднелись за перелесками деревни Прислон, Емельяниха, Голая Горка. В деревне испокон веков существовало неуклонно выполняемое неписаное правило. На Глиннице приходили посидеть, отдохнуть и полюбоваться открывающимися видами парочки, у которых полное взаимопонимание и ясные, четкие перспективы. В деревне по поводу таких парочек не допускалось никаких шуточек, тем более (боже упаси!) каких-то пошлых намёков.

Предложение меня, конечно, очень обрадовало и, обговорив время встречи на месте, я, окрыленный, помчался домой. Дома мать, усмотрев мои приготовления, мудро заметила:

- Чего это ты вздумал наглаживаться? Сегодня вроде не воскресенье и вечером на Погосте никакого гулянья не будет.

- Да вот на Глиннице иду посидеть.

- С кем это? С Галинкой что ли?

- Да с ней, конечно. С кем же ещё.

- Ну что ж. Благое дело. Только чего ж ты пойдешь туда с пустыми руками? Вот я тебе в новую хозяйственную сумку кладу пирожки с капустой, с грибами, с яйцом, с луком. Конфеты туда же. Большую бутылку вина и стакан. Обойдетесь и одним стаканом. Сумку принеси обратно, не забудь. Всё-таки новая.

Чтобы не пугать народ своим радостным видом и набитой новой хозяйственной сумкой, побежал я на свидание не по деревне, а задами. Сначала берегом реки, а потом через Лягу. И надо же, около скотного двора идёт мне навстречу Максимовна.

За те годы, что я её не видел, она ни сколько не изменилась. Осталась такой же сухопарой, чуть сутулой, с длинным крючковатым носом и длинной палкой в правой руке.

Я, как ошпаренный, кинулся обратно. Дома мать опешила:

- Ты что вернулся, забыл чего-нибудь?

Пришлось ей рассказать о встрече с Максимовной.

- И правильно сделал, что вернулся. После встречи с этой каргой пути не будет, всё запланированное обязательно сорвётся. А завтра чуть свет беги к Галинке и расскажи ей об случившемся. Она девка местная, всё поймёт и тебя извинит. А Глинице никуда не денется, насидитесь ещё.

Так и пришлось сделать. С раннего утра помчался я к Галинке и как раз вовремя.

Её старшая сестра шла по двору с ведром, подоив свою корову.

- Доброе утро, позовите, пожалуйста, Галинку!

- А её нету!

- Как нету, а где ж она?

- Вчера вечером прибежала откуда-то вся зарёванная, лицо красное и от слёз распухшее. Побросала свои вещички в сумку и бегом на Погост к автобусу. Еле её догнала, чтобы проводить. На последний автобус она, конечно, опоздала и вот, стершная девка, убежала в Лальск пешком.

Больше я Галинку никогда не видел, и никогда ничего про неё не слышал. Выходит не судьба.

И вот сейчас с высоты прожитых лет, перебирая прошлое, вспомнил про описанный выше случай. И подумалось, а что было бы, если бы не встретилась эта чертова Максимовна? И приходится сознаться, что жизнь моя в этом случае могла бы быть иной. Не знаю хуже или лучше, но иной. А с другой стороны, почему меня дернуло бежать на свиданье окольным путём? Шёл бы по деревенской улице и никакая Максимовна бы не встретилась. И потом, как Максимовна оказалась у колхозных скотных дворов? Чего её туда занесло? Там в это время и людей-то не было. Коровы на выпасе, значит доярки и прочая обслуга отсутствует, поговорить, поругаться и поскандалить всласть не с кем. Приходится делать вывод, что подобная ситуация была не случайна, а видимо predetermined Судьбой. Не надо забывать и очень мудрое высказывание: «Что бы в жизни не случилось – всё к лучшему». И Максимовна сыграла в этом случае свою роль.

ЧАСТЬ X. ПРО ДВУХ ЛАЛЬСКИХ БАБ.

Как-то однажды летом удалось мне вырваться на парутройку дней в родную деревню в Верхне-Лалье. Переночевал в родном доме, рано утром вышел, как в детстве, на высокое крыльцо, что выходит в сторону реки, чтобы посмотреть на туман и послушать как скрипит коростель в лесу за рекой. И никто со мной не поздоровался и не спросил меня знаю ли я чего-нибудь. Соседское крыльцо пустовало. Семёна Митриевича на нём не было. Он, уже несколько лет как отошёл в мир иной, светлая ему память. Сходил я на кладбище, постоял у могил родных и отправился обратно в Лальск, где решил задержаться на денёк. Всё-таки в городе Лальске (тогда это был ещё город) я три года проучился в старших классах, и захотелось пройтись по памятным местам, посмотреть как сейчас выглядит посёлок Лальск. Переночевал у племянницы Светланы, которая следующим ранним утром убежала на работу, оставив со своим сыном дошкольником Мишей нас вдвоём. Мы с ним как самостоятельные и деловые мужики оперативно справились с завтраком и я спросил у Миши любит ли он мороженое и продается ли оно, это мороженое, в ихних магазинах. Мне было разъяснено, что мороженое Миша очень любит и может за раз употребить не менее пяти порций в вафельных стаканчиках. Тогда и ему было разъяснено, что пяти порций мороженого он не получит, так как возможны серьёзные последствия в виде ангины, а вот на одну порцию мороженого, бутылку самой лучшей фруктовой воды и шоколадку может рассчитывать если пойдет со мной погулять. Недолго поразмыслив, Миша заявил, что лучше две порции мороженого и шоколадку, а воды не надо, от неё впоследствии придётся часто бегать кое-куда. На том и согласились (пришли к «консенсусу», как сказал бы, недалёкий умом первый и последний президент СССР). Дом

где жила (и живёт) Светлана расположен на самом берегу реки Лалы, на улице идущей параллельно реке. Что интересно улица называлась Красная, то есть одинаково с главной площадью нашей страны – Красной площадью в Москве.

Мы с Мишей отправились к главной улице Лальска – улице Ленина. Пошли по переулку где слева – кинотеатр, а справа белое кирпичное здание, где в мои годы была пекарня. Подошли к улице Ленина, к самой центральной точке Лальска. Справа по обе стороны улицы – магазины, прежние торговые ряды, слева двухэтажные дома и трехэтажный громадный деревянный дом купца Шестакова, в котором в наше время располагался детдом, через дорогу от него дом купца Прянишникова. В этом доме располагался Райком ВЛКСМ, а сейчас там Лальский музей. Наискось по перекрестку двухэтажный дом Лальского городского головы. Остановились мы на этом перекрёстке и я, открывши рот, начал озираться на знакомые с юности места. А ещё когда мы подходили к перекрёстку я заметил у входа в угловой магазин двух, что-то оживлённо обсуждающих женщин. Одна такая высокая, крупная что-то очень напористо и эмоционально говорила время от времени всплёскивая руками и хлопая себя по бёдрам, а вторая низкорослая, худенькая, но с носом, согласно им кивала и, видимо, с чем-то соглашалась. Когда мы с Мишей остановились около них, они тут же заткнулись и прекратили свой диалог. А через какое-то время молчать им, похоже, стало нелегко и крупная женщина, понизив голос, полубасом, видимо, рассчитывая, что я не услышу, вдруг заговорила:

- А ведь, девка, этот мужик-от не здешной, этот мужик-от. Сразу видно, што не здешной.

- Не здешной, девка, не здешной! – подтвердила собеседница.

- По обличию видно, што не здешной. Ишь волосья-те каки долги. Здешны мужики эких долгих волосьев не носят.

Видно мода у ево, мужика-то така. А может у ево средств на пострижку не хватат?

- Волосья, девка, волосья!

- И одёжа у мужика-то не здешна. Ишь штаны-то как узки, всё наружу выпират, чего надо и чего не надо!

- Выпират, девка, выпират!

- В городу живёт мужик-от, у их в городу всё, што хошь носить можно! В другой раз в телевизере на девок посмотришь – один срам в какой одёже ходят!

- Срам, девка, срам!

- А не богато живёт этот мужик-от, ишь штаны-те у его как ношены, по цвету вроде сини, а на колиях и в других местах – белы, видно давно носит, повиытерлися на колиях, а новы не на чево купить, средств нету!

- Средств, девка, средств!

- И чево он стоит рот разинул? Головой крутит, да вертит туды-сюды, шёл бы куды пошёл со своими волосьями да старыми штанами.

- Разинул, девка, разинул!

Мне бы постоять ещё. Послушать, чем этот диалог закончится, да разобрал меня смех, прямо никакого удержу нет. Это на меня иногда находит. Так и в этот раз, потянуло меня на смех, прямо никакого удержу нету. Я Мишку за руку хватить и бегом на другую сторону улицы в магазин. Забежал, пивом свой хохот унял, купил Мише мороженого, заодно и девчонок-продавиц мороженым угостил, чем, похоже снискал ихнее расположение. По крайней мере, они перестали смотреть на меня как на сумашедшего. Ну, а я, как вежливый и культурный

уроженец Верхне-Лалья (там все такие), извинился перед ними за свой неуместный хохот и спросил, указывая в окно:

- Девочки, а вы не знаете ли, что это за две дамы стоят на противоположной стороне улицы у входа в угловой магазин?

- Да кто ж их не знает? Их, наверное, в Лальске все знают! Они частенько на этом самом месте стоят и какие-то вопросы да проблемы очень оживленно обсуждают. Эта, которая покрупнее, всё руками размахивает да жестикулирует, а которая поменьше всё своим носом подтверждает. Важные у их, похоже, проблемы, не иначе, как международные. Потому что в Лальске у нас жизнь спокойная. Обсуждать нечего, всё на виду.

- Ну, тогда девочки, я вам предскажу дальнейший ход событий. Сейчас как только мы с Мишей от вас уйдем, они к вам в магазин обязательно препожалуют и начнут насчет меня расспрашивать, кто я, да откуда приехал, да не знаете ли вы где я живу. А вы им скажите, что родился я в Верхне-Лалье, здесь в Лальске учился в старших классах восьмом, девятом, десятом, живу в Москве, изредка на родину приезжаю, вот и сейчас в Лальске остановился на денёк, посмотреть на знакомые места чего и как. Скажите, что я очень перед ними извиняюсь за то что нечаянно подслушал их разговор. Насчет того, что они меня крепко рассмешили говорить не надо. Ещё не дай бог обидятся.

Купил я Мише ещё одно мороженое, заодно ещё раз угостил на прощанье мороженым и сообразительных девчонок-продащиц, и мы с Мишей покинули ихний магазин. Выйдя из него пошли налево к книжному магазину и аптеке. А вечером я уехал на Лузу к поезду, периодически вспоминая двух колоритных Лальских дам и сдержанно посмеиваясь над ихним разговором. Мне казалось, что на этом забавная история и закончилась, но не тут-то было. У неё оказалось продолжение, о чём мне стало известно позже.

Где-то через несколько лет мне удалось снова побывать на моей малой родине и я проездом оказался в Лальске. Как и в прошлый раз пригласил Мишу (к этому времени изрядно выросшего) опять на мороженое. Зашли мы с ним опять в тот же магазин. И надо же! Девочки- продавщицы меня узнали!

- А мы вас помним, вы несколько лет назад заходили к нам в магазин с Мишей. Он тогда ещё маленький был, а сейчас вон как вырос, настоящий жених стал!

Ну и я на радостях от такого известия опять хлопнул пива, а Мише и девчонкам – мороженое. Вот тут-то они и рассказали мне продолжение той истории, о которой говорилось выше.

- Вы были правы. Как только вы вышли из нашего магазина, к нам тут же заявили эти две женщины, которые вас насмешили. И давай расспрашивать, кто вы такой. Да где живёте, да что это за парнечек с вами, которого вы держите за руку, и вообще чего делаете здесь, в Лальске. Ну мы и решили над ними немного подшутить, говорим: «Ну, бабы, вы похоже крепко вляпались. Этот мужик-от пока у нас не торопясь пил пиво о многом проговорился. Он, оказывается, приезжий бандит и грабитель, по учёному «рецидивис». В больших-то городах его знают как облупленного и могут поймать, вот он и разъезжат сейчас по малым городам, где его не знают. А парнечка на улице прихватил за шоколадку, вроде того что пойдём вместе погуляем. Чтобы его за семейного посчитали. О вас шибко расспрашивал, кто таки, да где живёте, да есть ли в доме мужики, да есть ли у вас деньги, да где вы их храните на книжке в сберкассе или дома. Ну мы ему ничего не сказали, вроде того, что вас не знаем и первый раз видим. А он говорит, что в другом месте про вас разузнает, и вас попроведат. Так что, бабы, вот така обстановка, делайте выводы.

Они тут же от нас убежали, и их долгое время не было видно, на свое место у углового магазина где раньше разговоры

разговаривали больше не приходили и мы уж и забыли про эту историю.

Как вдруг однажды в конце лета опять появились, похудевшие и с лица спали и сразу с вопросом:

- Девки, мужик-от этот больше не появлялся?

- Какой ещё мужик? Мало ли мужиков пиво попить заходят!

- Дак этот мужик, который «рецидивис», помните о прошлом месяце нам рассказывали, ещё с парнечком к вам заходил.

- Вон вы о ком! – вспомнили мы – Нет не заходил больше, а в чём дело?

- Дак мы целый месяц от него прятались, всё боялись, что к нам заявится. Двери закрыли, ставни на окошках закрыли, ни днём ни ночью никуда не выходили. Уборная на улице, дак все дела в ведро делали, а потом в форточку выплёскивали. Ну и жизнь нам этот мужик-от задал, врагу не пожелаешь!

- Да попуститесь вы дурью-то маяться, больно этому мужику нужны каких-то две лальских бабы! А что с вас взять? Будет он из-за вас целый месяц в Лальске обретаться! Он уж за это время небось пол России объехал, хоть и не мала она, наша Россия. Так что успокойтесь ради бога и не бойтесь ничего и никого.

В общем мы их кажется успокоили и ушли они от нас вроде бы в норму. Правда, говорят, что для своих бесед и обсуждений теперь выбрали другое место, где-то около Дома культуры, там приезжих людей почти не бывает и никто не мешает им решать и обсуждать свои проблемы.

Вот такое продолжение этой Лальской истории поведали мне теперь уже мои приятельницы девушки-продавщицы. Я, конечно, им попенял нестрою, что надо было бы сознаться перед дамами в своей шутке для полного их успокоения, но девчонки сказали, что и так всё нормально закончилось и продолжили аппетитно уплетать предложенное им мороженое, ну а я в это время энергично налегал на пиво. Так что расстались мы очень довольные друг другом.

ЧАСТЬ XI. ПРО КОНЕЦ И НАЧАЛО

Я довольно часто и с великим восторгом вспоминаю одну очень мудрёную фразу: «Где начало того конца, которым оканчивается начало?» Это надо же так искусно завернуть слова! Но, не вникая в суть этого перла, мне нравятся в этой фразе всего два слова – «начало» и «конец». Действительно у всего сущего есть начало и есть конец. В одном детском стишке содержится великая мудрость:

...Всему же есть конец,

кончается пирожное,

ситро и леденец.

У кошки хвост кончается,

у школьника – тетрадь...

Учёные умы даже утверждают, что и наша галактика должна иметь свой конец где-то через 15 миллиардов лет. Интересно было бы посмотреть на это явление, жаль мы до этого не доживём. Естественно, кончается и эта моя писанина, написал, что мог из моих воспоминаний, но пора и честь знать. Насчёт продолжения – не знаю, жизнь покажет.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I. ПРО ВЕРХНЕ-ЛАЛЬЕ	3
ЧАСТЬ II. ПРО ТОВАРИЦА СТАЛИНА	34
ЧАСТЬ III. ПРО СЕМЁНА МИТРИЕВИЧА, СОСЕДА	41
ЧАСТЬ IV. ПРО ПЛЕННЫХ НЕМЦЕВ	51
ЧАСТЬ V. ПРО ДЕНЬГИ	62
ЧАСТЬ VI. ПРО МОЕГО ДРУГА ВАСЬКУ ПРОНЬКИНА И ПРО НАШИ С НИМ ОХОТНИЧЬИ ДЕЛА	76
ЧАСТЬ VII. ПРО СУДЬБУ	92
ЧАСТЬ VIII. ПРО АЗИАТОВ И ПРО СВЯЗАННЫЕ С ЭТИМ МОМЕНТЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ ЖИЗНИ	106
ЧАСТЬ IX. ПРО МАКСИМОВНУ И ЕЩЕ РАЗ ПРО СУДЬБУ	126
ЧАСТЬ X. ПРО ДВУХ ЛАЛЬСКИХ БАБ	139
ЧАСТЬ XI. ПРО КОНЕЦ И НАЧАЛО	146

Виктор Петрович Токмаков
Воспоминания про ...

Полиграф сервис
123022, г. Москва,
Столярный пер. д.3
Формат 62x96/16
Заказ №38
pservice1@mail.ru